

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

и Словесность
История

Журнал филологических
и историко-культурных
исследований

№ 1 2024

Санкт-Петербург

*Издается с июня 2020 г.
Выходит 4 раза в год*

Редакционная коллегия:

Т. И. Афанасьева, Т. Н. Галашева (ответственный секретарь), В. В. Головин,
Е. И. Гончарова, Дж. Дзиффер, А. В. Пигин, М. Б. Плюханова,
Ю. К. Руденко, И. Тирет

*Главный редактор: С. А. Семячко
Зам. главного редактора: Д. О. Цыпкин*

Адрес редакции:
199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Сайт: <http://pushkinskiydom.ru/zhurnal-slovesnost-i-istoriya/>
e-mail: edit-sloves@yandex.ru

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2024
© Журнал «Словесность и история», составление, 2024
© ООО «Издательство „Пушкинский Дом“», оформление, оригинал-макет, 2024

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences

ⁱ Slovesnost'
Istoriia

Journal of Philological,
Historical and Cultural
Studies

Texts and History

No. 1 2024

Saint Petersburg

*Published four times per year
since June 2020*

Editorial Board:

T. I. Afanasieva, T. N. Galasheva (executive secretary), V. V. Golovin,
E. I. Goncharova, G. Ziffer, A. V. Pigin, M. B. Pliukhanova,
Y. K. Rudenko, I. Thyrêt

*Editor in Chief: S. A. Semiachko
Deputy Editor in Chief: D. O. Tsyppin*

Editorial office:

4 Makarova Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
Website: <http://pushkinskijdom.ru/zhurnal-slovesnost-i-istoriya/>
e-mail: edit-sloves@yandex.ru

- © 2024 Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences
- © 2024 Journal "Texts and History" (compilation)
- © 2024 Pushkinskij Dom, Publishers (design, layout)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- И. В. Дубровский.** Три загадки «Записок Великой особы» 7
- А. А. Лебедева.** Повествовательные стратегии русской фантастической повести 1820-х гг. 35
- Е. И. Вожик.** «Вечные фламандцы»: язык описания фламандской живописи в 1830–1850-х гг. 54
- Р. Е. Тубылевич.** Образ ханши Тайдулы в историческом романе В. А. Лебедева «Искупление» 80
- И. А. Лобакова.** «Изображать не битву, а символ битвы»: Д. С. Лихачев как автор набросков к «Слову о полку Игореве» 95

Приглашение к дискуссии

- А. В. Доронин.** Была ли так называемая Древняя Русь древней? К вопросу о терминах, но не только: приглашение к дискуссии 108

Обзоры, рецензии

- С. А. Семячко.** В ожидании продолжения 134

In memoriam

- Н. Г. Комелина.** Памяти Валерии Игоревны Ереминой (1938–2023) 141

- Список сокращений 148
- Наши авторы 149

CONTENTS

Articles

- Igor V. Dubrovski.** Three Riddles from *Notebook of a Great Person* 7
- Anna A. Lebedeva.** Narrative Strategies in Russian Fantastic Stories of the 1820s 35
- Ekaterina I. Vozhik.** The Flemish School of Painting and the Language of its Description in the 1830s–1850s 54
- Ruslana E. Tubylevich.** The Image of Taidula, the Khan’s Wife, in Vasiliy Lebedev’s historical novel *Expiation* 80
- Irina A. Lobakova.** «Depicting not the battle, but the symbol of the battle»: Dmitry S. Likhachev as the author of sketches for *The Lay of Igor’s Campaign* 95

Invitation for a discussion

- Andrej V. Doronin.** Was so-called ancient Rus’ really ancient? The question of terms, but not only: an invitation for a discussion 108

Reviews

- Svetlana A. Semiachko.** In anticipation of the sequel 134

In memoriam

- Natalia G. Komelina.** In memory of Valeria Igorevna Eremina (1938–2023) 141

- List of Abbreviations 148

- Authors 149

И. В. Дубровский

ТРИ ЗАГАДКИ «ЗАПИСОК ВЕЛИКОЙ ОСОБЫ»

Резюме

«Записки Великой особы» — одно из условных названий популярного русского травелога времен Великого посольства. Кто был автором безымянного сочинения? Почему он игнорирует европейскую культуру, подменяя ее в своем повествовании рассказом о пустяках? К двум этим старым вопросам стараниями коллег недавно прибавился третий. А было ли сочинение? Поездка и составленный по ее следам дневник реально имели место или перед нами чья-то умелая мистификация? Таковы три главных загадки рассматриваемого текста. И. А. Вознесенская и А. И. Алексеев раскрывают нам глаза на бессчетное количество списков и совершенную неизученность огромной рукописной традиции памятника. По их мнению, ее анализ должен убедить нас в том, что перед нами вымышленный рассказ о вымышленном путешествии, составленный на основе реальных травелогов. Поскольку такого анализа пока нет и в деле изучения рукописей исследователи сделали лишь первые шаги, данное мнение приходится считать смелой гипотезой. Отмеченные И. А. Вознесенской переклички ряда мест «Записок Великой особы» с путевым дневником П. А. Толстого крайне любопытны и могут свидетельствовать о контактах двух авторов в Венеции. По поводу авторства «Записок Великой особы» в наши дни существуют два мнения. Ф. Оттен приписывает записки А. М. Апраксину, Д. Ю. Гузевич — А. П. Измайлову. Аргументация Ф. Оттена при этом построена на грубом насилии над материалом. Мысль же Д. Ю. Гузевича об авторстве А. П. Измайлова может быть признана лишь неуверенной догадкой. Новые архивные находки, сделанные в Италии, впрочем, ей не противоречат. Если стольник П. А. Толстой в своих путевых записках демонстрирует примеры необъяснимо глубокого понимания самых рафинированных сторон западноевропейской культуры, то автора «Записок Великой особы» нельзя не признать в этом отношении его зеркальной противоположностью. Ошибкой, однако, было бы сделать отсюда вывод о существовании в верхах русского общества приверженцев разных культурных ориентаций. В число тех, кто отрицает европейские порядки, временами попадает сам царь Петр I, кого мы точно не решимся записать в противники Петровских реформ. Скорее всего,

дело в том, что здесь не действуют напрямую образовательный уровень и культурные запросы, а включаются и проявляют себя некие формы социального поведения, которые могут навязывать как принятие, так и отрицание отдельных сторон западной культуры.

Ключевые слова: литература путешествий, эпоха Петра I, Великое посольство, стольники-навигаторы, Россия и Запад, история культуры

Igor V. Dubrovski

THREE RIDDLES FROM *NOTEBOOK OF A GREAT PERSON*

Abstract

The *Notebook of a Great Person* is one of the conventional names of a well-known Russian travelogue from the time of the Great Embassy. The author of this essay is unknown, and it is unclear why he chose to focus on trivial matters instead of on European culture. Scholars have recently raised yet another question: Is the essay authentic, or is it a clever forgery? These are the three main riddles of the text that this article investigates. According to Irina Voznesenskaya and Aleksei Alekseev, the countless number of manuscripts and the unexplored manuscript tradition of this text suggest that we are dealing with a fictional story about a fictional journey that was compiled based on real travelogues. Since researchers have only taken the initial steps in studying the manuscripts, this view remains a bold hypothesis. The similarities between several locations in the *Notebook of a Great Person* and some places mentioned in Petr Tolstoy's travel diary, which were noted by Irina Voznesenskaya, are intriguing and suggest that the two authors may have had some contact with each other in Venice. Currently (no comma) there are two opinions regarding the authorship of the *Notebook of a Great Person*. Fred Otten attributes the *Notebook* to Andrei M. Apraksin, while Dmitriy Yu. Guzevich ascribes it to Andrei P. Izmailov. Otten's argumentation, however, is subjective and is not based on a faithful reading of the material. Guzevich's idea about the authorship of Andrei Izmailov is merely a conjecture although recent archival findings in Italy do not contradict this attribution. If Petr A. Tolstoy demonstrates an inexplicably deep understanding of the refined aspects of Western European culture in his travel notes, the author of the *Notebook of a Great Person* displays the completely opposite tendency in this regard. One should, however, not assume that different cultural norms circulated at the top of Russian society. Even Tsar Peter I himself was occasionally among those who disregarded cultural norms. It is possible that educational levels and cultural expectations did not have a direct impact on Russians in the age of Peter the Great, but rather certain forms of social behavior triggered either the promotion or the rejection of certain aspects of Western culture.

Keywords: travelogues, the era of Peter the Great, the Great Embassy, stolniki-navigators, Russia and the West, cultural history

DOI 10.31860/2712-7591-2024-1-7-34

«**З**аписки Великой особы» — условное наименование дневника русского путешественника, посетившего Германию, Голландию и Италию в годы Великого посольства. Этим названием я стану пользоваться. Оно восходит к заглавию первого печатного издания сочинения [Записная книжка]. Напомню читателю, что устойчивой традиции здесь нет, и это заглавие сосуществует с целым рядом других. «Великую особу» иной раз осторожно переименовывают в «Неизвестную особу». Кто-то всерьез думает, что неизвестный автор сочинения якобы установлен и вопрос закрыт. Впрочем, одни приписывают записки А. М. Апраксину, другие столь же уверенно — А. П. Измайлову. По мотивам заглавий текста, часто встречающихся в рукописях, некоторые исследователи именуют его «Журналом о шествии в европейские края» либо просто «Журналом шествия». Все эти обозначения подразумевают одно и то же сочинение.

Текст как таковой выглядит не лишенным загадок, но в принципе известным, готовым для ознакомления и дальнейшей работы. К сожалению, все не так просто. Представление о том, что исследователи в достаточной мере знают этот памятник и способны о нем судить, было недавно оспорено в работах И. А. Вознесенской и А. И. Алексеева [Вознесенская; Алексеев]. Сочинение издавалось около десяти раз, но почти всегда — по одной случайной рукописи. Между тем речь идет о необычайно распространенном тексте. В фондах БАН И. А. Вознесенская насчитала 20 списков сочинения. В одном только Отделе рукописей РНБ А. И. Алексееву их известно не меньше пятидесяти. Сколько списков всего, никто даже не пробовал выяснить, не говоря уже о том, чтобы мало-мальски разобраться в истории рукописной традиции памятника.

Это важнейшая информация. Мы с благодарностью принимаем ее к сведению. Другие тезисы уважаемых коллег, напротив, вызывают сомнения. Объектом критики с их стороны становится один конкретный исследователь и конкретная исследовательская цель, а именно ими отрицается корректность попыток выяснить имя путешественника, оставившего нам свои безымянные записки. «Своего рода апогеем в стремлении достичь результата без обращения к рукописям, — пишет в своей статье А. И. Алексеев, — стали работы Д. Ю. Гузевича... Д. Ю. Гузевич пришел к выводу, что автором (безымянного сочинения) является стольник Алексей Измайлов. Рассуждения и выводы Д. Ю. Гузевича являются чисто умозрительными спекуляциями, поскольку не опираются на результаты текстологического исследования памятника» [Алексеев, с. 218]. К такой строгой оценке побуждает сложившееся у коллег мнение о сути памятника. И. А. Вознесенская и А. И. Алексеев, работавшие с десятками рукописей, обращают внимание на то, что текст

записок находит свое устойчивое место в составе тематического сборника по истории раннего петровского времени и куда реже встречается отдельно. И. А. Вознесенская и А. И. Алексеев берутся утверждать, что текст и был составлен для данного сборника, дабы заполнить в нем некую содержательную лакуну. Якобы перед нами не реальный дневник реального путешественника, а вымышленное описание, скомпилированное из разных источников. Обескураживающее определение И. А. Вознесенской гласит: «Споры об авторе-путешественнике бессмысленны, так как текст представляет собой не дневник, а литературное сочинение, написанное в форме путевых заметок на основании различных источников, среди которых были записки П. А. Толстого и Б. П. Шереметева. Надо полагать, „Журнал о шествии в европейские края“ был составлен специально, чтобы дополнить сборники о Петре I, включавшие записки о Стрелецком бунте, недостающей информацией о путешествии по Западной Европе» [Вознесенская, Базарова, с. 12].

Замечу по этому поводу следующее. Важность изучения рукописной традиции не требует доказательств. Анализ такого рода, по идее, должен стать первым этапом исследований, предворяющим собой все остальные. Но соблюсти корректную последовательность действий не всегда получается. Иной раз приходится браться за дело с середины. Любые полученные картины будут при этом, конечно, только рабочими гипотезами, требующими понимания своей шаткости. Можно винить историка-любителя из Парижа Д. Ю. Гузевича в том, что он формулирует свою мысль категорично. Однако его ученые оппоненты грешат ровно тем же. И они находятся в начале пути. Почтенные знатоки рукописных фондов, затеявшие этот спор, сами руководствуются первыми догадками и впечатлениями, но говорят о них чересчур уверенно, как будто об установленных и общепризнанных фактах. Если на то пошло, высказанное ими предположение о фиктивном характере записок пока является голословным и чрезвычайно сомнительным утверждением.

Тут надо точно сказать, какие новые факты, что именно исследователям посчастливилось открыть, а где начинаются неясности и гипотезы. Думается, И. А. Вознесенская проявила незаурядную наблюдательность. Ее ценнейшим открытием следует считать неожиданное родство интересующих нас путевых записок и известного дневника другого путешественника того времени, П. А. Толстого, с которым неизвестный автор наверняка встречался в Венеции. Такие встречи должны были иметь место в мае и затем сентябре 1698 г. И. А. Вознесенская находит определенное сходство в ряде венецианских описаний двух писателей. Я прибавлю, что такое родство двух повествований еще заметнее в описаниях Рима. Оно неоспоримо в рассказе о поездке

из Рима в городок Фраскати и посещения двух прославленных тамошних вилл Мондрагоне и Алдобрандини. Подобная близость оставляет нас в недоумении и требует объяснения.

Тем не менее возьмусь утверждать, что во всех этих местах без исключения автор безымянных записок приводит такие подробности, которых у П. А. Толстого или где-то еще нет и которые кажутся безусловно оригинальными, восходящими к личным впечатлениям пишущего. Картины нескольких итальянских городов, где можно сличать информацию «Великой особы» с данными П. А. Толстого, — это небольшая часть сочинения, считанные страницы. Понятных оснований усомниться в оригинальности остального нет или я не вижу никаких. Часть переданных сведений, видимо, являлась общим достоянием группы русских «навигаторов», обретавшихся в Венеции, теми разговорами, которые ходили в их среде. Так, едва ли П. А. Толстой и наш безымянный автор действительно видели, как в ходе обряда «венчания с морем» венецианский дож бросил за борт драгоценный перстень. Скорее можно предположить, что они, по крайней мере, отчасти передают рассказ об этой венецианской традиции. Другой несомненный след такой общей осведомленности — близкие данные о численности венецианских шлюх: якобы тех было восемь тысяч, по сведениям одного автора, и «болши» десяти, согласно другому. Ясно, что считать венецианских жриц любви ни тот ни другой сами не могли и не собирались. Наконец, напрашивается вопрос, не имел ли составитель «Записок Великой особы» возможности видеть путевые записки П. А. Толстого в момент написания своих, еще в пору их общего пребывания в Венеции?

С нетерпением ждем результатов работы с рукописями сочинения, если ее кто-то предпримет. Заранее можно сказать, что такое исследование обнаружит, что текст претерпел редакцию, поскольку в нем можно указать места, являющиеся неудачными вставками. Самая вопиющая — рассказ о прославленном святилище в городке Лорето под Анконой в итальянской провинции Марке. В целом ряде списков «Записок Великой особы» храм в Лорето по недоразумению представлен в качестве достопримечательности Флоренции. Тут интересно заметить, что составитель «Записок» в Лорето и той стороне Италии, где он расположен, не бывал в принципе. Потому данный факт доказывает заимствование им чужой информации. Присмотревшись, мы без труда найдем другие вставки. Например, рассказ о Scala Sancta, «Святой лестнице» в Риме, в дневнике «Великой особы» идет между описанием площади перед собором св. Петра на Ватикане и рассказом о посещении автором расположенного за собором Ватиканского дворца. В действительности «Святая лестница» со следами крови Спасителя, шествовавшего по ней

на суд Понтия Пилата, одна из главных святынь христианского Рима, находится в другой стороне города, на Латеранском холме. Составитель интересующего нас текста явно путает ее со Scala Regia, «Царской лестницей» — расположенным на площади св. Петра парадным входом в Ватиканский дворец.

И последнее в этой связи: нельзя пройти мимо того факта, что наш немецкий коллега Ф. Оттен потратил немало сил на исследование лексических заимствований, которые появляются на страницах волнующих нас записок неизвестного русского путешественника [Otten 1984a; 1984b; 1985, S. 53–71]. Первое впечатление от его работ — удивление, как огромен вклад автора записок в русский язык и, в частности, тот лексический материал, которым мы пользуемся по сей день. В действительности эти лексические исследования Ф. Оттена, возможно, не представляют собой надежного основания для суждений о безымянном писателе и его труде. Часть таких лексических новаций, видимо, мнимые. Такие слова и выражения, как «статуя», «мозаическая работа» и некоторые другие, присутствующие только в отдельных, причем не самых достоверных, копиях, кажутся следами позднейших редакций и наслоений. Большая группа заимствований (как то: «опера», «фрукт», «гондола» и т. д.) возникает впервые в русском языке сразу в двух местах — «Записках Великой особы» и «Путешествии стольника П. А. Толстого». То есть, скорее всего, перед нами следы общего языка, возникающего для описания западноевропейских реалий в среде заброшенных судьбой в Венецию русских царедворцев.

* * *

Пока не доказано обратное, я буду считать «Записки Великой особы» документальным сочинением времен Великого посольства, а вопрос о его авторстве — релевантным. Масштабное предприятие, известное под именем Великого посольства, напомним, подразумевало одновременный выезд (или, если угодно, высылку) за границу под разными предлогами значительной части царского двора. В частности, десятки царских стольников были отправлены учиться морской науке. Одна их группа поехала в Венецию, другая — в Голландию. Как можно установить искомое авторство нашего сочинения, понятно. Надо выяснить, кто из русских бывал там и тогда, где и когда находился автор безымянных записок. Естественно, что при этом другие факты биографии кандидата не должны противоречить содержанию записок, укладываться в эти рамки. Данному критерию отвечают две попытки атрибуции сочинения, на которых мы и остановимся.

Первая предпринята Ф. Оттеном [Otten 1985, S. 7–52]. Он нашел в Стокгольме архивный документ с именами проезжавших через шведский пограничный пункт Нейгаузен в районе Пскова на обратном пути из Европы с января по июнь 1699 г. Рассказ «Великой особы» обрывается раньше. Потому с помощью сведений, найденных Ф. Оттеном, мы только угадываем, в какой день автор путевого дневника мог пересечь границу. В поле зрения Ф. Оттена попадает несколько русских, из которых он выбирает наиболее правдоподобную кандидатуру на роль возможного автора записок. Таким наилучшим кандидатом, по мнению немецкого исследователя, оказывается один из царских стольников Андрей Матвеевич Апраксин. Вывод Ф. Оттена был воспринят многими нашими филологами. В частности, А. М. Апраксин представлен автором записок в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» [Буланин].

Другое мнение около десяти лет назад высказал Д. Ю. Гузевич (наиболее развернуто в кн.: [Гузевич 2012]). Он обращает внимание, что, по информации Ф. Оттена, в тот же день, что и А. М. Апраксин, возможно, в одной с ним карете в Россию вернулся некий Измайлов. Ф. Оттен оставил это имя без внимания, ибо знал только трех братьев Измайловых — Андрея, Михаила и Ивана Петровичей, — отправленных учиться «навигации» в Венецию. Никто из них быть автором записок не мог, ибо те начинаются с описания пути по Германии и Голландии. Д. Ю. Гузевич справедливо указывает, что наряду с тремя братьями, посланными в Италию, в Европу в это время выезжал их четвертый брат, Алексей Петрович, чему имеются два доказательства. Во-первых, он расписался в альбоме амстердамского анатома Рёйса, или, как у нас его называют, Рюйша, видимо, в августе или сентябре 1697 г. сразу после Петра I и Меньшикова [Гузевич 2012, с. 34]. Во-вторых, имя Алексея Измайлова фигурирует в списке русских дворян, посланных в 1697 г. для обучения в Голландию, который приводит Борис Куракин (он опубликован и прокомментирован в работе: [Платонов]). Два эти свидетельства, в сущности, и есть вся новая информация, которую удалось собрать Д. Ю. Гузевичу и на основании которой он считает, что автором волнующего нас сочинения мог быть Алексей Измайлов. От догадки он быстро переходит к уверенности и источник ее.

Разберем этот материал. Начать хотелось бы с рассуждения Ф. Оттена. Оно кажется крайне сомнительным, и я недоумеваю, почему в него поверили другие исследователи. Читали ли они его книгу внимательно? Список Ф. Оттена включает следующие русские имена. 3 марта 1699 г., согласно этому документу, границу пересек «Андрей Петров, русский царедворец

⟨Moscowitischer Hofbedienter⟩, с двумя слугами ⟨Diener⟩». Царские стольники за границей, по приказу царя скрывая свое происхождение, называли себя по имени-отчеству. По-видимому, перед нами не кто иной, как Андрей Петрович Измайлов, брат Алексея. 12 марта через пропускной пункт проезжают «Mina Ossipowitz, русский дворянин» и «его сиятельство Кнās Ossip Iwanowitz» с тремя слугами ⟨Bedienten⟩. Вероятнее всего, речь идет о князьях Щербатовых, которые составителями «Записок Великой особы», кажется, быть не могли. Автор «Записок», по мнению Ф. Оттена, поддержанному Д. Ю. Гузевичем, прибыл на шведско-русскую границу 11 апреля. Проезжавших тогда было «трое знатных русских господ» — А. М. Апраксин, некий «Ismaloff» и С. И. Салтыков, «с ними один голландский майор, один лейтенант и семеро слуг ⟨Bedienten⟩». Следующие русские появятся в пограничном пункте Нейгаузен только 30 мая. Это будет возвращающееся на родину посольство П. Б. Возницына.

Последней датой, приведенной в большинстве известных копий сочинения, является приезд автора записок 27 февраля 1699 г. в столицу герцогства Курляндского Митаву. В целом ряде списков к этому прибавлено, что это случилось «поутру» и что «того же числа приехали в Ригу». Считая единственной правдоподобной кандидатурой на роль автора наших записок А. М. Апраксина, оказавшегося на русской границе только 11 апреля, Ф. Оттен решает на прямое насилие над материалом. Чтобы заставить его отвечать своей гипотезе, он произвольно объявляет последней достоверной датой, указанной в записках, отъезд из Кенигсберга 20 февраля, а последующее изложение трактует как результат некоего неумелого сокращения, будто бы приведшего к путанице дат. Путем сомнительных расчетов и удобных ему «конъектур» (вместо февраля он предлагает ниже читать: «март») Ф. Оттен пытается доказать, что автор сочинения мог двигаться якобы так медленно, что достиг русской границы лишь 1 апреля. Согласно Ф. Оттену, речь при этом идет о 1 апреля по юлианскому календарю, тогда как в шведском списке проезжавших через границу будто бы используется новое, григорианское летоисчисление, где первое апреля становится искомым одиннадцатым. Казалось бы, сам Д. Ю. Гузевич наносит этому построению смертельный удар, обращая наше внимание на тот факт, что проезд П. Б. Возницына через границу в архивном документе из Стокгольма и русских источниках датирован одним днем — 30 мая 1699 г. ([Гузевич 2012, с. 46] со ссылкой на [ПДС 1868, стб. 637–638]). Следовательно, в шведском документе использованы датировки «по старому стилю», и концы с концами у Ф. Оттена теперь уже точно не сходятся. Однако, вопреки собственному открытию и уже всякому здравому смыслу, Д. Ю. Гузевич настаивает на авторстве ехавшего вместе

с А. М. Апраксиным Измайлова, понимая под этим именем Алексея Петровича Измайлова.

Мне дело видится следующим образом. Поводов отрицать реальность приезда автора сочинения в Митаву и Ригу 27 февраля 1699 г. нет никаких. Путь от Риги до русской границы у Нейгаузена дальностью двести верст по зимней дороге на санях, дававших максимальную скорость перемещения, писатель мог и должен был преодолеть за считанные дни. Потратить на него шесть недель, чтобы прибыть в Нейгаузен 11 апреля, кажется чем-то немыслимым. Если мы ищем совпадения с путевым дневником, то единственный вариант, более или менее укладывающийся в указанные временные рамки, — это приезд в Нейгаузен «Андрея Петрова <...> с двумя слугами», достигшего пограничного пункта 3 марта. Тут надо заметить, что Андрей Петрович являлся старшим среди оказавшихся за границей братьев Измайловых. Это существенная подробность, ибо старший брат мог выступать олицетворением семьи во внешнем мире. Их могли назвать (ниже мы увидим такой случай): «Андрей Измайлов с братьями». В такой связи, пожалуй, можно решиться на сомнительную гипотезу, что упомянутые в шведском документе «слуги» Андрея Петровича являлись на деле его братьями и одним из них был Алексей Петрович Измайлов, которого Д. Ю. Гузевич прочит в авторы дневника. Так или иначе, становится очевидным, что по имени автор путевых записок в бумаге, найденной Ф. Оттенем, не назван, и свидетельствовать она ни о чем не может.

Недавно я оказался источником новой волны энтузиазма Д. Ю. Гузевича в отстаивании им идеи об авторстве Алексея Измайлова. Виной тому щедрость, с которой я делюсь найденными мной архивными документами. Уверен, это правильно в том смысле, что важным находкам необходимо обеспечить быстрое вхождение в научный оборот. Другой вопрос, что для понимания материалов требуется квалификация и знание контекста. Опираясь на мои транскрипции, попавшие к нему через вторые руки, Д. Ю. Гузевич объявляет, что факт авторства А. П. Измайлова теперь доказан [Гузевич 2022]. Здесь я вынужден вмешаться и рассказать, какую информацию содержат собранные мной материалы, а чего в них нет.

Знакомясь с бумагами канцелярии великого герцога Тосканского Козимо III, хранящимися во Флорентийском государственном архиве, я, в частности, собирал свидетельства о посещении Флоренции царскими стольниками, отправленными в Европу учиться «навигации» одновременно с Великим посольством. Изначально пунктом притяжения для них в Тоскане являлся порт Ливорно, интересовавший их как база военно-морского флота. К концу пребывания в Италии их особенно влекла Флоренция. Все стольники перед

отъездом на родину, видимо, там побывали. Со слов П. А. Толстого, сообщаящего о своем посещении Флоренции 2—3 сентября 1698 г., становится понятно, что для стражи при въезде в город приезд русского в это время был привычным делом. «И как услышали обо мне, — читаем мы в записках П. А. Толстого, — что я Московскаго государства человек, и они, у меня ничего не осматривая, тотчас меня во Флоренцию пропустили» [Толстой, с. 228]. С кем-то из русских у великого герцога завязались отношения. Так, мы с удивлением узнаем, что князь А. П. Прозоровский, не вернувшийся на родину, получил от Козимо III крест ордена Св. Стефана [Дубровский 2023а]. Более известные факты: пышный прием, оказанный новоиспеченному кавалеру креста Мальтийского ордена Б. П. Шереметеву, побывавшему во Флоренции с 2 по 5 июля 1698 г., а также отношения и переписка великого герцога Тосканского с П. А. Голицыным (по поводу последнего из опубликованных работ см.: [Di Salvo; Balatri]). Большинство приемов во Флоренции, напротив, видимо, были формальными и следов о себе не оставили.

Необходимую информацию о приезжих герцог имел или всегда мог получить от своих агентов купцов Гваскони. Франческо Гваскони в письмах из Москвы от 26 февраля и 19 марта 1697 г. заблаговременно извещал, что направляющиеся в Италию «московиты» являются представителями лучших семейств своей страны, которым приказано скрывать свои настоящие имена и титулы¹. Его старший брат Алессандро Гваскони, проживавший в Венеции, в письме секретарю великого герцога от 5 июля 1697 г. подтверждал прибытие царских стольников в Венецию, снова именуя их цветом русской знати и отмечая нахождение среди них царского шурина². Этой информации, принятой при тосканском дворе к сведению, как правило, было достаточно. Подлинные имена и положение побывавших во Флоренции русских дворян Козимо III и его канцелярию, кажется, чаще всего не интересовали. Секретари великого герцога обращаются с расспросами о проезжающих «московитах» к своему агенту в Венеции Алессандро Гваскони лишь в том случае, когда возникают сомнения в том, что безымянным гостям был оказан тот прием, которого они заслуживают. Придворный этикет требовал точной меры, и отклонения в ту и другую сторону одинаково могли повредить доброму имени правителя Флоренции. Потому беспокоились, когда гость вел себя не как все, то есть казался недостойным оказанной ему чести, либо,

¹ Три почти идентичные выписки из этих писем, сделанные на одном листке бумаги рукой Алессандро Гваскони, мне удалось найти в трех разных местах: Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato (далее — ASFi, MdP), 1581, f. 410r.; Archivio di Stato di Venezia, Inquisitori di Stato, b. 610 (без пагинации); Archivio Segreto Vaticano, Segreteria di Stato, Venezia, 145, f. 332r.

² ASFi, MdP, 1581, f. 432r.–433v.

наоборот, держался чересчур важно, так что в нем можно было заподозрить могущественное лицо.

Так, в одном из писем в Венецию секретарь Бассетти расспрашивает агента о приехавшем во Флоренцию «еще одном русском синьоре», велевшем называть себя князем Георгием Гюргевичем. «Тот не обнаружил большой учтивости, будучи по природе довольно неотесанным». Правда ли то, что он князь? — интересовались при тосканском дворе³. Агент Алессандро Гваскони спешит успокоить своего корреспондента: приезжий действительно князь, Юрий Юрьевич Трубецкой. «Он по натуре в самом деле немного неотесан. Таким он показал себя и здесь (в Венеции)»⁴.

В другой раз секретарь Бассетти обеспокоен другим. «Недавно во Флоренции, — кидается он с расспросами к Алессандро Гваскони, — на аудиенции у его светлости был один русский кавалер. Он человек благородной наружности, высокого роста, с хорошими манерами («ben formato di vita», но в черновике было сказано иначе: «ben formato di corpo» — «изрядного телосложения»), одет на польский лад, носит светлый парик, на вид ему около сорока. С ним разные люди, которые относятся к нему с почтением. Среди них, говорят, есть будто бы два его брата и один священник. Упомянутый кавалер, выехав из Венеции, отправился на Мальту, потом в Неаполь, Бари и Рим, откуда он и приехал во Флоренцию». Кто он таков, пытались выяснить у купцов, которым тот мог оставить свой адрес для пересылки каких-либо товаров. Однако таинственный гость таких поручений никому не давал. «Его светлости (великому герцогу), — продолжает секретарь, — любопытно знать, какое положение он занимает, ибо нашлись такие, кому взбрело в голову, что он может быть царским свойственником»⁵.

На конверте неизвестным почерком сделана приписка с русскими именами, в которых узнаются трое Милославских: Сергей и Александр Ивановичи являлись родными братьями, Алексей Матвеевич приходился им двоюродным. Царским шурином, упоминавшимся в переписке тосканского двора с братьями Гваскони, являлся брат царицы Авраам Лопухин. Другим источником подобной информации выступали газеты — изначально рукописные новостные листки.

Любопытным образом о «царском свойственнике», объявившемся в Риме, сообщала газета от 28 декабря 1697 г.: «Сюда (в Рим), — говорится в этом тексте, — прибыл свойственник царя Московии, дабы увидеться

³ ASFi, MdP, 1608, f. 1074r.-v.; черновик: Там же, 1581, f. 694r.-v.

⁴ ASFi, MdP, 1581, f. 698r.

⁵ ASFi, MdP, 1608, f. 999v., 1000r.; черновик: там же, 1581, f. 630r.

с двумя московскими князьями Голицыными, недавно приехавшими с большой кавалькадой, и на фоне этих его соотечественников он выделяется, хотя и они важные господа» («e viene egli molto distinto da quei suoi nazionali, benché siano gran cavalieri») [Шмурло, с. 327–328, № 441]. Разберемся, кто были эти люди. «Семь колясок московитов, одетых по-французски» въехали в Рим вечером 8 декабря («7 calessi de Moscoviti, i quali si sono rivestiti alla francese») [Шмурло, с. 321, № 430]. К счастью, мы знаем приехавших поименно. Между 18 и 29 ноября иеромонах Тарасий Коплонский встретил их на пути между Неаполем и Бари: «В дороге виделся с столники с князь Дмитрием да с Петром Голицыными, с Васильем да с Володимером Шереметевыми, с Аврамом Лопухиным, с Михайлом Ртищевым, с князь Яковом Лобановым» [Плохинский, с. 292; по поводу датировки этой встречи см. с. 295–296]. Следовательно, брат царицы Евдокии Лопухиной приехать к Голицыным в Рим не мог, ибо уже находился вместе с ними. «Царским родственником», упомянутым в газете от 28 декабря 1697 г., который поразил наблюдателей своим важным видом, по-видимому, являлся Б. И. Куракин, свояк Петра I, муж сестры Авраама и Евдокии Лопухиных Ксении. О том, что он побывал в Риме около этого времени, известно из его собственных записок [Куракин, с. 255]. На Франкфуртской ярмарке той же зимой распространялось известие о нахождении среди «москвитов», посетивших Рим, наряду с «сыном князя Голицына и братом генерала Шереметева» также «двух царских родственников»⁶.

Сразу ответить на вопрос у Алессандро Гваскони не получилось. Он писал во Флоренцию, что все русские синьоры разъехались из Венеции в плавание и путешествия по Италии. В городе осталось только некоторое число их слуг. Потому выяснить, что за человек был принят Козимо III, пока не представляется возможным. Гваскони обещает разузнать это при первой возможности⁷. Пока суд да дело, Бассетти успевает поделиться новостью о следующей группе русских, прибывших ко двору их государя. Устанавливать их личности секретарь Бассетти не просит, а только сообщает о том, сколь удивительными ему показались их благовоспитанность и кротость, кои

⁶ «Darunter zwey vornehme Verwandten des Czaar» (Relationis historicae semestralis vernalis continuatio. Jacobi Franci Historische Beschreibung der denckwürdigsten Geschichten... vor und zwischen jüngst-verflossener Franckfurter Herbst-Meß, 1697. biß an die Oster-Meß dieses lauffenden 1698. Jahrs... Franckfurt am Mayn, 1698, S. 30).

⁷ ASFi, MdP, 1581, f. 638r.

он приписывает «воздействию наблюдения обычаев самой просвещенной (части) Европы»⁸.

Две недели спустя Гваскони наконец дает ответ: «У сказанного князя Петра (Алексеевича Голицына) я разузнал о тех самых русских синьорах, побывавших у вас в последние недели. Господин, одетый на польский лад, в светлом парике, — это синьор Андрей Петрович Измайлов. Другие — три его брата и еще один их свойственник. В Венецию они пока не вернулись. Эти синьоры — важные господа»⁹. Видимо, подразумевается: «важные господа», но при этом не члены царской фамилии. Согласно «Запискам Великой особы», их составитель побывал во Флоренции с 27 по 29 мая 1698 г., то есть 6–8 июня по григорианскому календарю. Секретарь Бассетти писал своему венецианскому корреспонденту раз в неделю, и ближайшими датами написания писем были 7 и 14 июня. Письмо Бассетти с вопросом о таинственных гостях великого герцога было датировано 14 июня 1698 г. По датам все сходится безупречно.

Тем не менее, возможно, П. А. Голицын ошибся, и лучше поверить загадочной надписи на конверте с именами братьев Милославских. На это указывают подробности пути. Автор «Записок Великой особы» двигался из Венеции через Болонью во Флоренцию и далее в Рим и южнее Фраскати не ездил, тогда как неизвестные гости, привлечшие внимание Козимо III, как уже сказано, путешествовали по маршруту: Мальта — Неаполь (с заездом в Бари) — Рим — Флоренция. Далее, в письме Бассетти говорится о трех дворянах, что отвечает числу Милославских, тогда как П. А. Голицын сообщает о пяти (кто был свойственник Измайловых, путешествовавший пятым в их компании, сказать не берусь).

Весьма резонансным и похожим в ряде других деталей было посещение Милославскими Рима осенью 1697 г. Впрочем, обилие документов, освещающих это событие¹⁰, может объясняться тем, что из числа «навигаторов»

⁸ «Di tal Nazione abbiamo qui un'altra Brigata, che presto ci lascia, e si fa conoscere per molto docile, e di tratto civilissimo, e discreto tutti effetti della osservazione fatta ai Costumi dell'Europa più culta» (ASFi, MdP, 1608, f. 1003r).

⁹ ASFi, MdP, 1581, f. 642r.

¹⁰ [Шмурло, с. 312–315, 316, 317–318, № 411–414, 416, 420]; три рукописные газеты из Рима от 9, 12 и 16 ноября 1697 г. (ASFi, MdP, 3963 (без пагинации)); письмо Аполлонии Бассетти к Алессандро Гваскони из Флоренции от 23 ноября 1697 г. (ASFi, MdP, 1608, f. 911v); [Avisi italiani]: Il corriere ordinario. 1697. № 95, 27. nov. (сообщение из Рима от 9 ноября); № 97, 4. dec. (сообщение из Рима от 16 ноября; сообщение из Венеции от 23 ноября); № 99, 11. dec. (сообщение из Рима от 23 ноября); № 101, 18. dec. (сообщение из Генуи от 30 ноября).

Милославские оказались там первыми. Вышло это скорее случайно. В конце сентября находившиеся в Венеции русские дворяне на многих кораблях, нанятых для обучения, вышли в плавание по Адриатике. По сообщению одной из рукописных газет, петровские «навигаторы» желали достичь Апулии, где находилось прославленное святилище св. Николая в Бари, «и некоторые из них собирались отправиться (оттуда) в Рим» [Шмурло, с. 301, № 393]. Выясняется также, что пятеро из них продумали последующий маршрут и позаботились о получении проезжих паспортов у великого герцога Тосканского. Вместе со «свитой, переводчиками, слугами», сопровождавшим их наставником «космографом Коронелли» приезжих ожидалось около тридцати человек¹¹.

Первоначальным намерением братьев Милославских в начале осени 1697 г. было достичь морем Бари, откуда они хотели ехать в Неаполь и после в Рим. Жестокий шторм вынудил их высадиться в Анконе. Согласно одному свидетельству, всего на берег тогда сошло около 60 русских. Большинство предпочло вернуться в Венецию. Имена троих дворян из этого числа удается установить. Иеромонах Тарасий, говоря о своем проезде около этого времени через Анкону, сообщает: «И под тем городом у пристани корабельной был (...) на корабле у стольников у Михайла Хилкова з братьями (Юрием и Андреем)» [Плохинский, с. 292]. Три брата Милославских, завернув в Лорето, отправились в Рим. Их сопровождали восемь слуг. По другим данным, «московитов», достигших Рима, было больше — тринадцать или даже около двадцати человек. Известно, что к русским присоединилось несколько итальянцев: один венецианец, без большого успеха пытавшийся играть роль переводчика; по крайней мере, один «возчик, который привез их из Анконы в Рим», выступивший там информатором. Впрочем, колясок было три. Могло быть больше и нанятых итальянцев. Вероятно, свита выглядела солидной.

Братья прибыли в Рим вечером 5 ноября 1697 г. и оставались до утра 16 ноября. Больше всего подробностей, которые кажутся наиболее достоверными, приведены в записке губернатора Рима, адресованной папскому домоправителю. Вместе с тем факты у него перепутаны, и местами его требуется исправлять. Он сообщает о Милославских: «Они разодеты, как янычары, в огромных польских шапках на головах» («sono superbamente vestiti alla giannizzera, col berettone polacco in testa»). Следующая информация передана неточно, но при этом крайне любопытна. Буквально написано так: «Это два брата (хотя выше говорилось о «трех настоящих синьорах»), один из которых является монахом (другой перевод: священником). Он должен

¹¹ ASFi, MdP, 3048, f. 219r.–220r.

получить («havegà») власть над огромной провинцией, способной выставить в поход 40 тысяч воинов. Сказанных братьев, которые на одно лицо, зовут...» И дальше автор записки, снова, кажется, позабыв, что только что говорил о двух братьях, называет по именам всех трех, включая двоюродного. В этой цитате отметим два момента. Конечно, никто из Милославских священником или монахом не был, но некий священник, как и потом во Флоренции, возможно, находился при них. Наблюдатели в Риме отмечают их коленопреклоненные молитвы перед усыпанной драгоценностями иконой, которую они привезли с собой, и то, что они «не выпускали из рук некую книгу», судя по контексту, благочестивого или богослужебного содержания. Что касается огромной провинции, обладать которой будто бы было суждено одному из Милославских, остается подумать, что такими рассказами они желали прибавить себе веса.

Из Рима Милославские в тот раз уже не поехали на юг, а отправились во Флоренцию и, вероятно, в порт Ливорно, ибо, по сообщению одной из газет, их ожидали в Генуе. Весной следующего года они могли задаться целью осуществить свое старое намерение побывать в Бари и Неаполе, откуда могли возвращаться проездом через Флоренцию.

Если гостями правителя Флоренции, о которых он справлялся, были все же Милославские, то что в таком случае остается на долю братьев Измайловых? Гипотезе Д. Ю. Гузевича по поводу авторства «Записок Великой особы» косвенно служит ряд деталей. Если П. А. Голицын и за ним А. Гваскони утверждают, что в путешествии по Италии братьев было четверо, видимо, это значит, что к трем Измайловым, посланным Петром в Венецию, в самом деле успел приехать из Голландии их брат Алексей. Другое косвенное подтверждение возможного авторства Алексея Петровича — неожиданное появление имен его братьев Андрея и Ивана Измайловых среди расписавшихся в альбоме амстердамского анатома Ф. Рёйса, или Рюйша. Очевидно, те возвращались на родину несколько необычным путем — через Амстердам. Но именно так описана дорога из Венеции в Россию в интересующих нас «Записках Великой особы»! Наконец, существует газета с известиями из Рима от 14 июня 1698 г., где говорится о приезде в Рим пяти неизвестных «москвитов» [Шмурло, с. 376, № 517]. В «Записках Великой особы» приезд в Рим датирован 3 июня, то есть 13 июня по новому стилю. Достаточно очевидно, что автор записок находился среди этой группы приехавших, которые могут быть упомянутыми П. А. Голицыным четырьмя братьями Измайловыми «и одним их свойственником». В этой связи можно остановиться на формулировке: Алексей Петрович Измайлов выглядит правдоподобным кандидатом на роль безымянного сочинителя.

* * *

Дневник стольника П. А. Толстого и «Записки Великой особы» образуют поистине загадочную пару. Два травелога, написанные людьми одного круга, поставленными в одни обстоятельства, являют собой две ярчайшие противоположности в восприятии европейской культуры.

Путевые записки П. А. Толстого демонстрируют удивительные примеры понимания самых рафинированных сторон европейской культуры. Так, в рассказе о посещении некоего римского дворца П. А. Толстой мимоходом называет несколько увиденных там античных статуй, и мы с изумлением догадываемся, что царский стольник безупречно указывает на главные шедевры коллекции Фарнезе. В наши дни большая часть этого замечательного собрания находится в Неаполе, а тогда оно располагалось в предназначенной для него галерее римского палаццо Фарнезе, о котором, следовательно, и идет речь. Из Рима П. А. Толстой едет во Флоренцию, и первое, что он видит, выйдя из гостиницы, — шедевр Лоренцо Гиберти, бронзовые двери баптистерия Сан-Джованни, отправной памятник флорентийского Возрождения, проложивший дорогу целой художественной эпохе.

Одну из первых записей «Великой особы», посвященных ее пребыванию в Амстердаме, где говорится о слоне, который «стрелял из мушкета (...) и имеет симпатию с собакой», М. М. Богословский соотносит с информацией о демонстрации ученого слона «великим и полномочным послам» в резиденции Ост-Индской компании 21 сентября 1697 г. ([Богословский, с. 177], со ссылкой: [ПДС 1867, стб. 942]). Автор «Записок Великой особы» пишет о своем активном участии в работе Великого посольства со времен приезда последнего в Гаагу, однако, как выясняется, он действовал в свите великих послов еще раньше. «Хотя программа пребывания Великого посольства включала посещение всех тогдашних достопримечательностей, — комментирует начало наших путевых записок Ф. Оттен, — показу культурных достопримечательностей (на страницах дневника) отводится лишь маргинальное место (gerät die Wiedergabe der kulturellen Höhepunkte (...) recht marginal). Так, о посещении театральной постановки, которая в условиях кальвинистской Голландии являлась особым жестом в адрес русских гостей, автор говорит столь лаконично, что мы остаемся в совершенном неведении относительно как самой пьесы, так и впечатления, которое она произвела» [Otten 1991, S. 565].

В нашем литературоведении за автором «Записок Великой особы» закрепились репутация человека невежественного и безразличного, который

не мог или не хотел отличить заслуживающее внимания «от фокусов и пустяков». По словам А. Н. Пыпина, его заметки об увиденном «поражают своей первобытностью» [Пыпин, с. 250]. На самом деле, похоже, писатель довольно последовательно идет за определенным стереотипом удивительного, диктующим выбор объектов описания. Этот стереотип связан с народной культурой и ярмаркой. В число удивительных вещей попадают чисто ярмарочные персонажи и темы: акробаты и канатоходцы, всевозможные уроды и монстры, говорящая деревянная голова и т. д. Как удивительное и достойное упоминания воспринимается им все огромное: бочка, куда помещается сто бочек, конская грива размером в одиннадцать сажень (приписка: «мерил сам») и т. п. С неподдельным интересом сочинитель описывает разнообразие забав в публичных домах Амстердама, также не чуждых атмосферы народного праздника с его танцами и застольями.

Оговоримся, что ярмарочной эстетикой бывает увлечен и П. А. Толстой, а под конец «Записок Великой особы» заметно возросшее внимание автора к скульптуре. Возможно даже, что здесь не обошлось без влияния П. А. Толстого и его дневника. Так, развернутые описания нимфея виллы Алдобрандини во Фраскати в тех и других путевых записках не идентичны, но похожи. Следующие затем картины «монумента четырех мавров» в Ливорно и фонтана Нептуна в Генуе, впрочем, явно оригинальны, ибо П. А. Толстой в этих городах не бывал. Все три упомянутых описания больших скульптурных композиций во Фраскати, Ливорно и Генуе, между прочим, содержат указания на детали, которых теперь нет и которые, очевидно, могут быть интересны будущим реставраторам, если те пожелают вернуть трем замечательным памятникам XVII в. их первоначальный вид. Еще занимательнее история восковой статуи бранденбургского курфюрста Фридриха III, будущего первого прусского короля. Составитель «Записок Великой особы» видел ее в Берлине в феврале 1699 г. (еще один русский путешественник А. А. Матвеев — в ноябре того же года), то есть за два года до предполагавшейся ранее даты ее создания [Otten 1988]. Одних этих подробностей достаточно, чтобы заподозрить неладное. Под конец своих записок неизвестный автор может уже не показаться спустившимся с Рифейских гор примитивом. Начало и конец памятника, кажется, лучше трактовать по отдельности.

Факты разного отношения к европейской культуре не стоит толковать расширительно, как указание на существование среди царских столыльников разных культурных ориентаций и человеческих типов. Если первое бесспорно, то второе — рискованная гипотеза. От нее полшага до ложной картины Петровских реформ, «социальная база» которых покажется в таком случае

необыкновенно узкой, ограниченной горстью сподвижников, «птенцов гнезда Петрова», действовавших посреди неподвижной русской жизни, а сами преобразования — насилием и чудом.

Нас путают две вещи. Первая — вера в причины, будто бы лежащие в основе человеческих поступков и вызывающие их, подобно машине, совершающей определенное действие. Но таких жестких механизмов в человеческом поведении не существует. Если бы они были, остроумно замечает Витгенштейн, мы могли бы угадывать будущее [Wittgenstein, S. 48]. Парадокс социальной жизни состоит в том, что действие в социальном мире может быть в достаточной мере свободным, вбирать в себя разные мотивы и иметь неожиданные объяснения. Великий ученый, яснее других описавший этот факт, подает разумный совет «не выдавать за принцип практики агентов теорию, призванную ее рационально объяснить» [Bourdieu, p. 76]. Другое распространенное суеверие — завышенные ожидания по поводу роли личности. Мы ждем, что человек, совершая действие, в первую очередь «проявит себя». А на деле практически любой поступок в социальном мире является взаимодействием с другими людьми и сопряжен с ожиданиями ответных действий со стороны других лиц. Чистых проявлений опыта и ценностей, с помощью которых можно было бы заглядывать в души, не существует, а есть только их преломления через призму социального. Тут хуже всего то, что мы смутно представляем себе ту самую призму: коммуникативные ситуации, где звучит то или иное высказывание, которое мы пытаемся оценивать.

Остаются аналогии, способные вооружить нас если не знаниями, то хотя бы догадками. Уделим внимание другим примерам непринятия нашими соотечественниками отдельных сторон западной культуры, имевшим место в ходе Великого посольства и связанных с ним выездов русских дворян за границу. Их на удивление мало. Один такой случай я уже упомянул. Отправленный царем в Венецию «навигатор» Ю. Ю. Трубецкой заставил тосканский двор сомневаться в своем княжеском титуле, поскольку повел себя во Флоренции как хам и грубиян. Агент Алессандро Гваскони подтверждал, что и в Венеции он проявил себя похожим образом. После такой рекомендации удивительно будет узнать следующее: по словам голландского путешественника Корнелиса де Брейна, долгое время жившего в Италии, 14 января 1702 г. в Немецкой слободе он беседовал с Ю. Ю. Трубецким на итальянском языке, «который тот понимал довольно хорошо» («die dezelve tamelyk wel verstondt») [Cornelis de Bruins Reizen over Moskovie, p. 22].

Кажется, понятно, что именно Ю. Ю. Трубецкой натворил в Венеции. Выбор невелик. Источники описывают всего один эпизод, который можно

трактовать как открытый конфликт царских стольников с венецианцами. А вернее — венецианками. Одна версия произошедшего изложена в рукописной газете, приложенной к письму папского нунция в Венеции Кузано кардиналу Спада от 3 августа 1697 г.: «Господин кавалер и прокуратор Соранцо устроил днями банкет для главных из этих московитов (...). И полагают, что он устроит для них еще один банкет и праздничный бал, дабы загладить обиду, нанесенную одному из них в Ка Корнер, где одна дама отказалась с ним танцевать, сославшись на то, что она не понимает ни их музыки, ни того, как он танцует» [Шмурло, с. 290, № 370].

Флорентийский агент Маттео дель Телья 27 июля доносил эту историю иначе: «Вчера вечером в Ка Корнер были торжества при большом стечении знати, куда привели несколько из этих главных московитов. Один из них принялся играть на клавесине в зале, где между кавалерами и дамами происходили танцы. Другой взял за руку госпожу прокураторшу Мочениго, именную Мочениго Жемчугов, желая танцевать с ней. Та его отвергла, и он, чрезвычайно оскорбившись, громко сетовал на ее отказ, вызвав разговоры среди собравшихся. Разочарованный произошедшим, он со своей свитой уже собирался уйти, но вмешались разные кавалеры, которые его удержали и успокоили, приведя его обратно в главную залу, где были дамы и продолжался бал. Прокураторша Соранцо пригласила его на танец, московит ей отказал, отомстив по-московски (*vendicandosi alla Moscovita*), и удалился с праздника, ход которого был нарушен внезапным ливнем и сильнейшим ветром, повалившим на землю все машины, приготовленные для иллюминации и фейерверка»¹².

Безымянный «московит», в ком мы угадываем Ю. Ю. Трубецкого, нашел с кем ссориться. «Мочениго Жемчугов» (когномен «*delle perle*» указывает на фамильные драгоценности, бывшие женскими украшениями), Лукреция Басадонна, жена Джироламо Мочениго, занимавшего почетную должность прокуратора собора св. Марка, была одной из легендарных красавиц и роковых женщин Венеции, кружившей головы королям. Кажется, рассказанная история нашла отклик на страницах путевого дневника П. А. Толстого. Он описывает две ситуации, в которых венецианки, по его мнению, подают и не подают руку мужчине. Взять мужчину за руку к лицу куртизанке: «Многие девицы берут в маскарах (*maschera* — маска, *ит.*) за руки иноземцов приезжих, и гуляют с ними, и забавляются без стыда». Но тут же П. А. Толстой прибавляет с издевкой по поводу венецианских танцев, которые кажутся ему нескладными: «Скачут один против другога вокруг, а за руки не берут

¹² ASFi, MdP, 3048, f. 168r.–v.

друг друга» [Толстой, с. 106]. В этом вопросе он на стороне своего неизвестного товарища. Маттео дель Телья систематически пишет о «московитах» заметно злее других. Возможно, и в этом своем рассказе он сгущает краски. Автор же новостного листка изображает русского пострадавшим лицом и приписывает тот же снисходительный взгляд и желание сгладить ситуацию мужу отвергнутой прокураторши Соранцо. Одним словом, большой ясности в этой истории нет.

Фигура Петра I убеждает в том, какой может быть правильная интерпретация нашего материала. На кого из героев нашего повествования царь больше всего похож? По крайней мере, в эти годы в нем отнюдь не видно той тяги к вершинам западноевропейского искусства, которая так удивляет в путевых записках П. А. Толстого. Его взгляд на Европу времен Великого посольства, наверное, больше напоминает «Записки Великой особы». Для царя Запад если не ярмарка, то большая кунсткамера со множеством раритетов. Снова употребим выражение «стереотип удивительного». Взгляд царя не всегда, но часто хочется назвать зашоренным. Но начать разговор о Петре лучше с материала, который служит необходимым дополнением к сказанному. Недоразумение на балу в венецианском дворце Ка Корнер 26 июля 1697 г. нельзя не сопоставить с сообщениями о русских плясках под русскую музыку, которыми окончилось знаменитое свидание Петра I с курфюрстиной Софьей Ганноверской, ее дочерью курфюрстиной Бранденбургской Софьей-Шарлоттой и другими их родственниками в немецком замке Коппенбрюгге в ночь с 6 на 7 августа. Два эти события разделяют всего одиннадцать дней! Ту и другую сцену можно смело отнести к первым опытам встречи с Западом. Едва оказавшись в Европе, «московиты» еще только решают, как себя вести, путем проб и ошибок ищут уместные формы поведения. (Правда, в эту шадящую интерпретацию плохо укладывается скандал, устроенный Ю. Ю. Трубецким во Флоренции, ибо он случился осенью следующего года, накануне отъезда «навигаторов» на родину.)

Счет источников о встрече в Коппенбрюгге идет на десятки, и продолжают находиться новые. М. М. Богословский некогда недоумевал: если Софью-Шарлотту Бранденбургскую так интересовал русский царь, то почему она не встретилась с ним вместе со своим мужем курфюрстом Фридрихом в Кенигсберге, а уехала к матери в Ганновер? [Богословский, с. 113 и след.] Только сейчас выясняется, что курфюрстина в тот раз поспешила на премьеру оперы итальянского композитора Луиджи Манча¹³. Он же был и певцом, и его могли взять на свидание с царем в Коппенбрюгге. Софья-

¹³ ASFi, MdP, 3048, f. 197r.–198v.; рус. пер.: [Дубровский 2023b].

Шарлотта первым делом попыталась поделиться с русскими гостями собственным увлечением — итальянскими певцами. Толстый русский посол, танцевавший в тот вечер с ее матерью, Ф. А. Головин, возможно желая проявить учтивость, позднее спрашивал, нельзя ли ему получить ноты исполненных тогда итальянских арий [Leibniz, S. 386–387, № 235]. В деле передачи нот приняли участие такие величины, как Лейбниц и создатель первой русской грамматики Вильгельм Лудольф. В письме от 18 октября 1697 г. из Гааги Лудольф сообщал Лейбницу: «Итальянские арии, которые вы мне послали, я вручил сказанному послу лично в руки. Он был чрезвычайно рад и нижайше благодарит за них госпожу курфюрстину». При этом он был так любезен, что тут же «кликнул их музыкантов, чтобы те их исполнили, но музыканты попросили время до завтрашнего дня» [Leibniz, S. 614, № 357]. Мнение о Ф. А. Головине составилось самое лестное. Лейбниц писал о нем Софье-Шарлотте Бранденбургской: «Он слывет одним из самых приличных людей среди своих соотечественников» («il passé pour un des plus honnestes hommes de sa nation»). В другой раз: «Что до московитов, рассказывают, что толстый комиссар самый развитый и умный у них» («le gros commissaire est le plus spirituel et le plus intelligent qu'ils ayent») [Leibniz, S. 771, 868, № 440, 488]. Софья Ганноверская в знаменитом письме жене своего племянника рауграфине Луизе Пфальцской от 11 августа описывала реакцию царя Петра на итальянских певцов: «Ему понравилось, но он сказал, что музыка не сильно ему нужна» («sagte aber, er fragte nicht viel nach die Musik»)[Bodemann, S. 161, № 169].

Существуют картины танцев в Коппенбрюгге, рисующие «москвитов» насильниками и дикарями. По словам новостного листка, приложенного к донесению датского посланника Отто фон Менкена, во все время застолья и танцев «москвиты» не давали герцогиням и никому другому посещать уборные, заставляя несчастных дам справлять нужду в окна или где придется, закрывшись юбками фрейлин. Якобы курфюрстине Софье-Шарлотте Бранденбургской пришлось из-за этого опустошить желудок посреди танцевальной залы в плотном кольце дам. Такие новости достигали ушей датского короля. Немецкий исследователь Вальтер Медигер отказывает этой истории в достоверности, усматривая в ней клевету соседнего Вольфенбютельского двора [Mediger]. В наиболее правдоподобных сообщениях о танцах русские, мало сказать, ничего не навязывают, а кажется, наоборот, с трудом дают себя уговорить.

Подробностей об устройстве танцев, впрочем, вообще сохранилось не так много, и если нас интересуют аналогии, то лучше эти подробности перечислить. Софья-Шарлотта Бранденбургская уверяла одного из своих

корреспондентов, что инициатива исходила от нее. Ей хотелось узнать, как русский царь танцует, и она попросила Лефорта, игравшего роль переводчика, послать за русскими музыкантами. «(Петр) не хотел начинать, — общается она дальше, — не увидев прежде, как танцуем мы. Что мы и сделали, дабы доставить ему удовольствие». Потом царь не начинал танцевать, ибо во всем обозе не могли найти ему перчатки, требовавшиеся для танца¹⁴. Впрочем, другое свидетельство убеждает в том, что русские танцы все же предполагали определенные касания. «Московиты» удивлялись «чертовски твердым костям» немок, принимая за ребра их корсеты [Vodemann, S. 162, № 170].

Что касается русских музыкантов, документы о свидании в Коппенбюрге упоминают «скрипачей», хотя встречается и уточнение: «двух скрипачей с такими инструментами, которыми пользуются в их стране» («due sonatori di violino all'uso del proprio Paese»)¹⁵. При этом, как мы помним из истории с нотами, эти музыканты, бывшие в свите Великого посольства, очевидно, знали европейское нотное письмо и за день собирались разучить несколько итальянских пьес. По словам другого процитированного документа, в венецианском дворце Ка Корнер некий «московит» якобы сел аккомпанировать танцующим на клавесине (или чембало, «si pose a sonare il Cimbalo»). Кастрат Филиппо Балатри, полтора года спустя привезенный в Россию «навигатором» П. А. Голицыным, правда, уверял, «что в Москве не сыщешь ни чембало, ни спинета» («non si trovan gravicimbali né spinette», разновидности клавесина). «А есть разве что портативные органы. Они имеются во многих домах, но годны для одних танцев». В другой раз он записывает: «Для танцев им служат органы и скрипки, и редко в каком господском доме нет органа». Клавесин, нужный Балатри для аккомпанемента, тогда все-таки нашелся в доме Анны Монс [Balatri, p. 43, 114].

От переписки Софьи Ганноверской и ее не менее знаменитой племянницы Лизелотты — жены герцога Орлеанского Елизаветы Шарлотты Пфальцской — до нас дошли лишь письма последней. Вальтер Медигер свидетельствует: «Они отражают также содержание и настроение многочисленных писем Софьи своей племяннице, которые по бьющему через край избытку откровенности, неприукрашенных известий, тонких наблюдений и мыслей должны быть отнесены к числу лучшего и самого личного из на-

¹⁴ [Erman, p. 117]. Приведенное здесь письмо Софии-Шарлотты Бранденбургской тайному советнику Паулю фон Фуксу имеет ошибочную дату 17 июля.

¹⁵ См. примеч. 13.

писанного курфюрстиной. Хотя они утрачены, по ответным письмам Лизелотты до известной степени их можно реконструировать. Тем самым корпус высказываний Софьи, дошедших до нас непосредственно, получает важное приложение и дополнение». Всего это ни много ни мало «24 внушительных тома корреспонденции», хранящихся в архиве, который теперь называется: Niedersächsisches Landesarchiv, Abteilung Hannover. «Хотя письма эти публиковались Эдуардом Бодеманном в 1891 году, это была лишь сравнительно ограниченная подборка, в которой отсутствуют как раз те места, которые наиболее важны для нашего исследования (то есть опущены места, где говорится о России и Петре I. — *И. Д.*). Для культурной и интеллектуальной истории конца XVII и начала XVIII столетия они представляют собой бесценную сокровищницу, которая далеко не исчерпана» [Mediger, S. 126–127].

В. Медигер цитирует письмо Лизелотты от 22 августа 1697 г., где продолжается обсуждение свидания в Коппенбрюгге и, в частности, таких подробностей: «Мне удивительно, что царевич Имеретинский (сопровождавший Петра в Великом посольстве. — *И. Д.*) лучше умеет себя вести и более воспитан, нежели сам царь» («mehr *politesse* alß der Czaar hatt»). Можно подумать, заключает она, что грузины набрались учтивости от соседствующих с ними китайцев [Mediger, S. 130]. Самыми поразительными свидетельствами из переписки Софьи Ганноверской и ее родни, на мой взгляд, являются те, где царь Петр противопоставляется своим подданным как человек, отставший от них в культурном развитии. Женщина замечает, что многие русские лучше воспитаны и ведут себя приличнее, чем их царь. Особенно одиозной представлялась его привычка ковырять в носу и сморкаться пальцами так, что содержимое его носа быстро оказывалось на камзолах окружающих. В письме Софьи Ганноверской ее внучке наследной принцессе Прусской Софье Доротее от 15 ноября 1711 г. читаем: «Сморкаться рукой царь, вероятно, привык в Голландии, ⟨переняв эту манеру⟩ от матросов, ибо другие русские, путешествовавшие ⟨по Европе⟩, этого не делают». И к этому следует обескураживающий комментарий: «Будучи важным лицом, он привык делать то, что ему заблагорассудится» [Schnath, S. 222, № 311]. Еще раз в письме ей же от 19 октября 1712 г.: «Что касается его манер, он, по-видимому, считает себя правителем достаточно великим, чтобы следовать своим прихотям, не заботясь о том, что о нем говорят» [Schnath, S. 244, № 341]. Для нас это ключевая мысль. Тут нам является та самая социальная подоплека поведения, которая способна скорректировать и перевесить любые абстрактные идеалы. Нарочитое бескультурье может выступать заявкой на статус, и отказ воспринимать чужой культурный опыт — формой

отстаивания своего человеческого лица. Не здесь ли нам надо подозревать мотивы скандалиста-неудачника Ю. Ю. Трубецкого и объяснение необыкновенной зашоренности неизвестного автора «Записок Великой особы»?

Заметим и то, что сказанное не мешает курфюрстине Софье Ганноверской восхищаться Петром как великим человеком. В письме внучке Софье Доротее от 27 ноября 1711 г. бабушка советует ее мужу прусскому кронпринцу Фридриху Вильгельму брать пример с царя Петра I в следующих выражениях: «Я, впрочем, не сомневалась, что кронпринц сочтет царя очень умным человеком. Царь не утруждает себя тем, чтобы быть благовоспитанным или гнаться за модой, но он справедлив и добросердечен (...) Думаю, если бы французский король тоже сморкался пальцами, все немецкие князья делали бы то же самое, дабы быть à la mode» [Schnath, S. 223, № 312].

Литература

- Алексеев — Алексеев А. И. К изучению исторического нарратива петровского времени: «Журнал шествия» в фондах Отдела рукописей РНБ // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 5. С. 217–224.
- Богословский — Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. М.: Соцэкгиз, 1941. Т. 2: Первое заграничное путешествие. 623 с.
- Буланин — Буланин Д. М. Апраксин Андрей Матвеевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Вып. 3: (XVII в.), ч. 4: Т—Я. С. 321–324.
- Вознесенская — Вознесенская И. А. «Журнал о шествии в европейские края» в рукописной традиции XVIII в. (по рукописям из собрания БАН) // Коллекции рукописных книг в современном мире: хранение и изучение: Сб. ст. по итогам междунар. науч. конф. «Двенадцатые Загребинские чтения» (5–6 окт. 2017 г.). СПб.: РНБ, 2018. С. 151–163.
- Вознесенская, Базарова — Вознесенская И. А., Базарова Т. А. Петровское время в рукописной традиции // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 4 (97). С. 9–19.
- Гузевич 2012 — Гузевич Д. Ю. Путевые записки Великой особы (1697–1699): критическая история публикаций и проблема авторства. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. 215 с.
- Гузевич 2022 — Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Еще раз о путевом журнале А. П. Измайлова («Великой особы»), или А в том ли жанре? // Труды Государственного Эрмитажа. СПб.: [б. и.], 2022. Т. 114. С. 121–135.
- Дубровский 2023а — Дубровский И. В. Новые данные о судьбе князя А. П. Прозоровского и повесть о Василии Кариотском // ТОДРЛ. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2023. Т. 70. С. 263–277.
- Дубровский 2023б — Дубровский И. В. Несколько описаний Петра I времен Великого посольства // Ежегодник Государственного архива Российской Федерации:

- публикации, исследования, рецензии / Гл. ред. С. В. Мироненко. М.: [б. и.], 2023. С. 13–30.
- Записная книжка — Записная книжка любопытных замечаний великой особы, странствовавшей под именем дворянина российского посольства в 1697 и 1698 году. СПб.: Тип. Богдановича, 1788. 50 с.
- Куракин — Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная // Архив князя Ф. А. Куракина. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1890. Кн. 1. С. 243–287.
- ПДС 1867 — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1867. Т. 8. [7] с., 1416, 164 стб.
- ПДС 1868 — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1868. Т. 9. [6] с., 1230 стб.
- Платонов — *Платонов С. Ф.* Б. И. Куракин и А. П. Прозоровский (1697–1720) // Доклады АН СССР. Сер. В. 1929. № 12. С. 236–237.
- Плохинский — *Плохинский М. М.* Путешествие иеромонаха Тарасия Коплонского в Италию в конце XVII столетия // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1896. Т. 8. С. 289–296.
- Пыпин — *Пыпин А. Н.* История русской литературы. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. Т. 3. X, 535 с.
- Толстой — Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе, 1697–1699 / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М.: Наука, 1992. 380 с.
- Шмурло — Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого / Собрал Е. Ф. Шмурло. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1903. XLVI, 728 с.
- Avisi italiani — *Avisi italiani, ordinarii e straordinarii, dell'anno 1697.* Vienna, [s. a.].
- Balatri — *Balatri F.* Vita e viaggi / A cura di M. Di Salvo. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2020. 746 p.
- Bodemann — *Briefe der Kurfürstin Sophie von Hannover an die Raugräfinnen und Raugrafen zu Pfalz / Hrsg. E. Bodemann.* Leipzig: Hirzel, 1888. XXVI, 355 S.
- Bourdieu — *Bourdieu P.* Choses dites. Paris: Éd. de Minuit, 1987. 231 p.
- Cornelis de Bruins Reizen over Moskovie — *Bruins C. de.* Reizen over Moskovie door Persie en Indie... t'Amsterdam: Gedrukt voor den Auteur, Door Willem en David Goeree, 1711. [12], 472, [12] p.
- Di Salvo — *Di Salvo M.* Vita e Viaggi di Filippo Balatri (preliminari all'edizione del testo) // *Russica Romana.* 1999. Т. 6. P. 37–57.
- Erman — *Erman J. P.* Mémoires pour servir à l'histoire de Sophie Charlotte, Reine de Prusse. Berlin: G. F. Starcke, 1801. 329 p.
- Leibniz — *Leibniz G. W.* Sämtliche Schriften und Briefe. Erste Reihe. Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Berlin: Akademie-Verlag, 1993. Bd. 14. LX, 1021 S.
- Mediger — *Mediger W.* Die Begegnung Peters des Großen und der Kurfürstin Sophie von Hannover in der Darstellung A. N. Tolstoj's // *Niedersächsisches Jahrbuch für Landesgeschichte.* 1954. Bd. 26. S. 137–143.
- Otten 1984a — *Otten F.* Reiseberichte der Petrinischen Zeit als linguistische Quelle («Dnevnik» — 1697/99) // *Zeitschrift für slavische Philologie.* 1984. Bd. 44, Hf. 2. S. 354–414.

- Otten 1984b — *Otten F.* Anmerkungen zu italienischen Lehnwörtern der Petrinischen Epoche // *Die Welt der Slaven*. 1984. Bd. 29. S. 250–267.
- Otten 1985 — *Otten F.* Der Reisebericht eines anonymen Russen über seine Reise nach Westeuropa im Zeitraum 1697/1699. Zum Autor und zur Sprache des Reiseberichtes. Berlin; Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1985. 79 S.
- Otten 1988 — *Otten F.* Neue Quellen zur Datierung einer Wachsfigur Friedrichs I. // *Zeitschrift des deutschen Vereins für Kunstwissenschaft*. 1988. Bd. 42, Hf. 2. S. 77–81.
- Otten 1991 — *Otten F.* Zur linguistischen und kulturhistorischen Bedeutung russischer Reiseberichte der Petrinischen Zeit // *Zeitschrift für Slawistik*. 1991. Bd. 36, Hf. 4. S. 564–579.
- Schnath — Briefwechsel der Kurfürstin Sophie von Hannover mit dem preußischen Königshause / Hrsg. G. Schnath. Berlin; Leipzig: K. F. Koehler, 1927. XXI, 331 S.
- Wittgenstein — *Wittgenstein L.* Werkausgabe. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984. Bd. 1. 621 S.

References

- Alekseev, A. I. (2021). 'K izucheniyu istoricheskogo narrativa Petrovskogo vremeni. «Zhurnal shestviya» v fondakh Otdela rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki', *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 26, 5, 217–224.
- Avisi italiani, ordinarii e straordinarii, dell'anno 1697*. [s. a.]. Vienna.
- Balatri, F. (2020). *Vita e viaggi*, a cura di M. Di Salvo. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 746 p.
- Bodemann, E., hrsg. (1888). *Briefe der Kurfürstin Sophie von Hannover an die Raugräfinnen und Raugrafen zu Pfalz*. Leipzig: Hirzel, XXVI, 355 S.
- Bogoslovskii, M. M. (1941). *Petr I. Materialy dlya biografii*. Moscow: Sotsekgiz. Vol. 2: Pervoe zagranichnoe puteshestvie, 623 p.
- Bourdieu, P. (1987). *Choses dites*. Paris: Éd. de Minuit, 231 p.
- Bruins, C. de (1711). *Reizen over Moskovie door Persie en Indie...* [Amsterdam: Gedrukt voor den Auteur, Door Willem en David Goeree, [12], 472, [12] p.
- Bulanin, D. M. (2004). 'Apraksin Andrei Matveevich', in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Vypusk 3, chast' 4. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 321–324.
- Di Salvo, M. (1999). 'Vita e Viaggi di Filippo Balatri (preliminari all'edizione del testo)', *Russica Romana*, 6, 37–57.
- Dubrovskii, I. V. (2023). 'Neskol'ko opisaniy Petra I vremen Velikogo posol'stva', in: S. V. Mironenko, ed., *Ezhegodnik Gosudarstvennogo arkhiva Rossiiskoi Federatsii: publikatsii, issledovaniya, retsenzii*. Moscow: [s. n.], 13–30.
- Dubrovskii, I. V. (2023). 'Noye dannye o sud'be knyazyza A. P. Prozorovskogo i povest' o Vasilii Kariotskom', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom». Vol. 70, 263–277.
- Erman, J. P. (1801). *Mémoires pour servir à l'histoire de Sophie Charlotte, Reine de Prusse*. Berlin: G. F. Starcke, 329 p.
- Guzevich, D. Yu. (2012). *Putevye zapiski Velikoi osoby (1697–1699): kriticheskaya istoriya publikatsii i problema avtorstva*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 215 p.

- Guzevich, D. Yu., Guzevich, I. D. (2022). 'Eshche raz o putevom zhurnale A. P. Izmailova («Velikoi osoby»), ili A v tom li zhanre?', in: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. Vol. 114. Saint Petersburg: [s. n.], 121–135.
- Leibniz, G. W. (1993). *Sämtliche Schriften und Briefe. Erste Reihe. Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel*. Bd. 14. Berlin: Akademie-Verlag, LX, 1021 S.
- Mediger, W. (1954). 'Die Begegnung Peters des Großen und der Kurfürstin Sophie von Hannover in der Darstellung A. N. Tolstoj's', in: *Niedersächsisches Jahrbuch für Landesgeschichte*. Bd. 26, 137–143.
- Ol'shevskaya, L. A., Travnikov, S. N., eds. (1992). *Puteshestvie stol'nika P. A. Tolstogo po Evrope, 1697–1699*. Moscow: Nauka, 380 p.
- Otten, F. (1984). 'Anmerkungen zu italienischen Lehnwörtern der Petrinischen Epoche', *Die Welt der Slaven*, 29, 250–267.
- Otten, F. (1984). 'Reiseberichte der Petrinischen Zeit als linguistische Quelle («Dnevnik» — 1697/99)', *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. 44, 2, 354–414.
- Otten, F. (1985). *Der Reisebericht eines anonymen Russen über seine Reise nach Westeuropa im Zeitraum 1697/1699. Zum Autor und zur Sprache des Reiseberichtes*. Berlin, Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 79 S.
- Otten, F. (1988). 'Neue Quellen zur Datierung einer Wachsfigur Friedrichs I', *Zeitschrift des deutschen Vereins für Kunstwissenschaft*. Bd. 42, 2, 77–81.
- Otten, F. (1991). 'Zur linguistischen und kulturhistorischen Bedeutung russischer Reiseberichte der Petrinischen Zeit', *Zeitschrift für Slawistik*. Bd. 36, 4, 564–579.
- Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii drevnei Rossii s derzhavami inostrannymi* (1867). Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. Vol. 8, [7] p., 1416, 164 col.
- Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii drevnei Rossii s derzhavami inostrannymi* (1868). Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. Vol. 9, [6] p., 1230 col.
- Platonov, S. F. (1929). 'B. I. Kurakin i A. P. Prozorovskii (1697–1720)', *Doklady Akademii nauk SSSR. Seriya V*, 12, 236–237.
- Plokhinskii, M. M. (1896). 'Puteshestvie ieromonakha Tarasiya Koplonskogo v Italiyu v kontse XVII stoletiya', *Sbornik Har'kovskogo istoriko-filologicheskogo obshchestva*, 8, 289–296.
- Pypin, A. N. (1899). *Istoriya russkoi literatury*. Saint Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha. Vol. 3, X, 535 p.
- Schnath, G., hrsg. (1927). *Briefwechsel der Kurfürstin Sophie von Hannover mit dem preußischen Königshause*. Berlin, Leipzig: K. F. Koehler, XXI, 331 S.
- Shmurlo, E. F. (1903). *Sbornik dokumentov, otnosyashchikhsya k istorii tsarstvovaniya imperatora Petra Velikogo*. Yur'ev: Tipografiya K. Mattisena, XLVI, 728 p.
- Voznesenskaya, I. A. (2018). '«Zhurnal o shestvii v evropeiskie kraja» v rukopisnoi traditsii XVIII veka (po rukopisyam iz sobraniya Biblioteki Akadtmii nauk)', in: *Kolleksii rukopisnykh knig v sovremennom mire: khranenie i izuchenie: Sbornik statei po itogam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Dvenadtsatye Zagrebinskie chteniya» (5–6 oktyabrya 2017 goda)*. Saint Petersburg: Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, 151–163.

- Voznesenskaya, I. A., Bazarova, T. A. (2019). 'Petrovskoe vremya v rukopisnoi traditsii', *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniï. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 4 (97), 9–19.
- Wittgenstein, L. (1984). *Werkausgabe*. Bd. 1. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 621 S.
- Zapishnaya knizhka lyubopytnykh zamechaniï velikoi osoby, stranstvovavshei pod imenem dvoryanina rossiiskogo posol'stva v 1697 i 1698 godu (1788)*. Saint Petersburg: Tipografiya Bogdanovicha, 50 p.
- 'Zhizn' knyazyya Borisa Ivanovicha Kurakina, im samim opisannaya' (1890), in: *Arkhiv knyazyya F. A. Kurakina*. Saint Petersburg: Tipografiya V. S. Balasheva. Vol. 1, 243–287.

А. А. Лебедева

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ РУССКОЙ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ 1820-х гг.

Резюме

В статье рассматриваются повествовательные стратегии, характерные для традиции русской фантастической повести на раннем этапе ее становления. Немногочисленные оригинальные произведения 1820-х гг. отражают ориентацию на те или иные иностранные образцы и еще не дают оформленной картины. Между тем специфика жанра, связанная с проблематизацией представлений о мире, обретает первые формы именно в это время. Ранние фантастические повести А. А. Бестужева-Марлинского, Н. А. Полевого, О. М. Сомова, В. Ф. Одоевского, В. П. Титова реализуют различные варианты «реакции» на «вторжение сверхъестественного». Среди наиболее характерных стратегий выделяются: введение нравственного поучения; апелляция к принципам той или иной философской системы; открытый спор о «возможном и невозможном». Подведение итога повествования во всех случаях сообщает фантастике служебную роль. Так формируется ранняя тенденция русской фантастической прозы — ее «идейная» устремленность за пределы художественного мира к тем или иным областям человеческих жизни и знания.

Ключевые слова: фантастическая повесть, русская литература 1820-х гг., повествовательные стратегии, А. Погорельский, А. А. Бестужев-Марлинский, Н. А. Полевой, О. М. Сомов, В. Ф. Одоевский, В. П. Титов

Anna A. Lebedeva

NARRATIVE STRATEGIES IN RUSSIAN FANTASTIC STORIES OF THE 1820S

Abstract

The article examines the narrative strategies that characterize the early stages of the formation of the tradition of the Russian fantastic story. The few original works that date from the

© А. А. Лебедева, 2024

1820s reflect an orientation towards foreign examples and do not yet provide a formalized picture. Nevertheless, the specificity of the genre, which is associated with a problematization of the view of the world, acquired its first forms precisely at that time. The early fantastic stories of Aleksandr A. Bestuzhev-Marlinsky, Nikolai A. Polevoy, Orest M. Somov, Vladimir F. Odoevsky, and Vladimir P. Titov present various reactions to the "invasion of the supernatural". Typical strategies include moral edification, an appeal to specific philosophical systems, and an open argument about the "possible and impossible". In all cases the narrative serves to summarize the fantastic elements. This is how the early tendency of Russian fantastic prose was formed. It aspired beyond the limits of the artistic world to include certain areas of human life and knowledge, which can be considered an ideological expansion.

Keywords: fantastic story, Russian literature of the 1820s, narrative strategies, Antonii Pogorelsky, Aleksandr Bestuzhev-Marlinsky, Nikolai Polevoy, Orest Somov, Orest Odoevsky, Orest Titov

DOI 10.31860/2712-7591-2024-1-35-53

Жанровая традиция повести, получившей в научной литературе название «фантастической», входит в русскую литературу во второй половине 1820-х гг. Интерес к ней был сформирован как прямым влиянием европейских литератур, так и возросшим в это время вниманием к идеалистической философии Шеллинга, мистике, алхимии, месмеризму¹. Возникновение жанра было подготовлено предшествующей литературной традицией². Журналы и альманахи принялись с усердием отвечать на потребность публики в «страшных» и «таинственных» рассказах.

Всякий жанр, являясь исторически сложившейся формой сосуществования элементов топики, стиля и наррации (или стиха), представляет собой определенный тип художественного мышления, способ отношения к действительности. С «вторжением» сверхъестественного, являющегося сюжетным остовом жанра³, в повествование неизбежно входит метафизическая

¹ Известно, например, что характерным явлением быта эпохи были устные фантастические рассказы. «В двадцатых (...) годах стало своеобразной традицией или даже модой, собравшись по вечерам, сочинять устные повести на манер гофмановских. С такими импровизированными повествованиями выступали в салонах Мицкевич и Пушкин (...) „Серрапионовские вечера“ устраивались в домах у А. А. Комарова и кадетского капитана Клюге фон Клюгенау» [Ботникова, с. 207].

² Связи фантастической повести с балладами В. А. Жуковского и готическим романом достаточно хорошо изучены. См.: [Измайлов, с. 137; Маркович 1987; Вацуро].

³ Именно так (с незначительными расхождениями в подробностях) определяют главный признак фантастики такие исследователи, как Ц. Тодоров, Пьер-Жорж Кастекс, Луи Вакс, Роже Кайуа, Н. В. Измайлов, Ю. В. Манн, В. М. Маркович. См.: [Тодоров; Castex; Vax; Caillois; Измайлов; Манн 1988; Маркович 1990].

проблематика⁴. Встреча с «ирреальным» обнаруживает лауну в имеющемся у человека знании о мире и положении в нем — и требует заполнения.

Вопрос об устройстве мироздания непременно присутствует в этом типе повести — имплицитно или эксплицитно. Герой, рассказчик или слушатель рассказа не могут его отклонить, поскольку «фантастическое» происшествие описывается как нечто действительно случившееся, как факт реальной жизни. Для «заверения» подлинности рассказа существует целый ряд характерных для жанра приемов — от подтверждений, которые приводятся в авторском предисловии, и введения образа рассказчика-очевидца до упоминания «уцелевших документов» и ссылки на предание. Подкрепляя «веру» в истинность странного события, фантастическая повесть демонстрирует иллюзорность привычного взгляда на мир, заставляет читателя усомниться в непоколебимости его представлений. Повествование призвано ответить на это сомнение или предоставить читателю самостоятельно искать ответ. Таким образом, «сверхъестественное» в фантастической повести вызывает к рефлексии.

Быстрое развитие жанра способствовало тому, что уже в отношении 1830-х гг. становится возможным выстраивать его типологию⁵. Повествования второй половины 1820-х гг. еще не являют столь оформленной картины. Оригинальные произведения в это время количественно сильно уступают переводным текстам. Русские писатели активно осваивают сюжеты и нарративные стратегии иностранных образцов и осуществляют это не в теории, а в художественной практике, не прибегая, в отличие от немцев, французов и англичан, к разработке принципов художественной фантастики в критических статьях и эстетических трактатах. В таких условиях жесткое оформление традиции не могло состояться. Между тем то главное, что составляет специфику жанра, — а именно рефлексия по поводу отношений области «чудесного» и реального мира — обретает свои первые очертания именно в это время. Вопрос об устройстве мироздания чаще всего решается в фантастических повествованиях 1820-х гг. посредством нравственного поучения, философского рассуждения или спора о «возможном и невозможном».

⁴ Вот как пишет об этом Ц. Тодоров: «...мы попали в самую сердцевину фантастического жанра. В хорошо знакомом нам мире, в нашем мире, где нет ни дьяволов, ни сильфид, ни вампиров, происходит событие, не объяснимое законами самого этого мира. Очевидец события должен выбрать одно из двух возможных решений: или это обман чувств, иллюзия, продукт воображения, и тогда законы мира остаются неизменными, или же событие действительно имело место, оно — составная часть реальности, но тогда эта реальность подчиняется неведомым нам законам» [Тодоров, с. 25].

⁵ См.: [Васильев; Карташова; Коровин; Манн 1988; Маркович 1987, с. 139; Маркович 1990; Семибратова; Чебанюк].

В ранней повести А. А. Бестужева-Марлинского «Кровь за кровь»⁶ читателю предлагается достоверный рассказ о «нравах и случаях», извлеченных из «ливонских хроник» [Бестужев-Марлинский, с. 115]. Поэтика повести обнаруживает связь с эстетикой исторических романов В. Скотта, фантастическими новеллами Гофмана, «готическим» романом, «средневековыми» балладами Жуковского. Потенции каждого из этих жанров по-своему отражаются в сюжетном уровне произведения, а балладная концепция мира с ее «коллизиями вселенской борьбы добра и зла» [Маркович 1990, с. 11] проецируется и на его идейное содержание. Фантастическое событие разоблачается (явившийся с того света «мертвец» оказывается живым братом убитого), но обостряет восприятие сюжетных перипетий. Повествование продолжается, сообщая о каре, наступающей мстителя за его зверства. Непрерывная цепочка убийств и мести обрывается только с разрушением замка Эйзен. В этом выходе к гражданской истории и символическому общению также можно усмотреть влияние баллады, но, приближаясь к тревожному звучанию строк «Замка Смальгольм» В. А. Жуковского («Выкупается кровью пролитая кровь, — / То убийце скажи моему» [Жуковский, с. 155]), содержание повести Марлинского все же не совпадает с ним. Различие определяется характером повествовательной инстанции — в повести «Кровь за кровь» «история рассказывается устами ультрасовременного гвардейского капитана, юмориста не без склонности к балагурству» [Вацу-ро, с. 368]. Фольклорные афористические формулы, составляющие выразительную приметку его речи, сообщают рассказу иронический тон, снижая трагический пафос. Другая черта повести — оценка «нравов» прошлых времен с позиций просветительского рационализма. Изложение событий в наиболее драматичных моментах перебивается сентенциями рассказчика («Бруно погиб — и дельно: он был виноват; да только правы ли его убийцы? Регинальд (...) восстал только для спасения своей жизни, а может быть, и для выгод своей жизни! Какая же в том заслуга?» [Бестужев-Марлинский, с. 112]; «Кажись, всех менее была виновата Луиза, а всех более пострадала. Однако Бог знает, что делает, кровь на мужчине часто смывает его прежние пятна, а на женщине, почитай всегда, хуже Каиновой печати. Луиза казнена жестоко; зато этот пример долго спасал многих от греха» [Там же, с. 114]). Нравственная аксиология баллады переводится на аналитический язык прозы: то, что у Жуковского достигается средствами поэтической суггестии, у Марлинского обретает свойства морального предписания. Так, еще

⁶ Впервые под заглавием «Замок Эйзен»: Невский альманах на 1827 год / Изд. Е. В. Аладыным. СПб., 1826 (без подписи).

не иницируя непосредственной рефлексии о возможности / невозможности сверхъестественного, фантастика в повести «Кровь за кровь» служит созданию «страшной» атмосферы, связанной с «чудесным». На ее фоне особую остроту обретает проповедь нравов.

Вспомогательную роль играет фантастика и в повести Н. А. Полевого «Святочные рассказы». Композиция этого произведения двухчастна. Рамка рассказа, описывающая разговор на Святках, постепенно перерастающий в спор о «чудесном», будет рассмотрена позже. Вторая часть повести представляет собой «быль», поведенную одним из участников разговора. Ее события разворачиваются в средневековом Новгороде в дни Святков. Чтобы узнать свою судьбу и судьбу всего Новгорода, сын одного из посадников Владимир отправляется в Бесово городище к кудеснику. За ним следует его друг Буслай; не догнав Владимира, он останавливается в избе, где находит старика, напоминающего беса. Герой крестится, в этот момент раздается «страшный хохот», и избушка вместе со стариком пропадает. Буслай встречает Владимира, который описывает происшедшее в заколдованном месте с ним: «...передо мной забегали чудищи... Венец... саван... гроб!» [Полевой, № 24, с. 162]. Пережив ужасы «бесовского обаяния», друзья возвращаются в Новгород. Фольклорная фантастика после этого исчезает, не получая развития и не влияя на ход дальнейшего повествования, которое ведется в двух взаимосвязанных планах: национально-историческом и семейно-бытовом.

Занимающие не более трети текста фантастические события в «Святочных рассказах» нужны лишь для того, чтобы ввести в рассказ о русской старине описание характерных для нее фольклорных верований⁷ и сообщить персонажу героические черты. «Я очнулся от твоего богатырского голоса... Ты спас меня!» — говорит Владимир Буслаю [Полевой, № 24, с. 162]. Ситуация спасения повторяется в рассказе еще дважды, но уже безотносительно к фантастике: Буслай освобождает друга из-под конвоя московских стражников, а позднее смягчает сердце князя Дмитрия, осудившего Владимира на смерть. Развитие сюжета последовательно демонстрирует преимущество жизненного поведения Буслая. Способствует этому заявленное уже в начале различие героев. Владимир — романтик-максималист, рано узнавший «то, что узнают в старости» [Полевой, № 24, с. 147]. В его душе бродят «черные думы» [Там же, с. 151], «тяжелая тайна» не дает ему покоя, веселье у него «как дождик весной: чуть перепадет, уже и высох» [Там же, с. 144]. Не случайно именно с ним связаны «страшные» чудеса повести. Колдовские чары проходят, когда из избы колдуна «на Божий свет» [Там же, с. 151]

⁷ См.: [Кондратьев, с. 11–12].

выходит Буслай — верный друг и храбрый воин, который «всегда весел» [Там же, с. 144]. Еще красноречивее о превосходстве этого героя и избранных им ценностей свидетельствует счастливый финал повести (свадьба Буслая). Таким образом, Полевой переосмысляет романтическую концепцию исключительной личности в соответствии со своими представлениями о национальной истории⁸.

Совсем иначе использует фантастические элементы сюжета О. М. Сомов. В его повести «Приказ с того света»⁹ акцентирована клишированность жанровых примет, знакомых читателям переводной беллетристики. Рассказу предпослано типовое сюжетное обрамление: гостей в загородном поместье застаёт гроза, в доме не находится карт, начинается случайный необязательный разговор, один из гостей, «неутомимый охотник путешествовать и рассказывать» [Сомов 1990, с. 147], вспоминает слышанную им в Германии «повесть о духах» [Там же]. Рассказ описывает таинственные события, которые разворачиваются вокруг хозяина трактира Иогана Штауфа. Приближается «роковое двестилетие», когда герою должна явиться тень предка «для устроения фамильных дел» [Сомов 1990, с. 156]. Ночью его посещает чёрный рыцарь и сообщает требование покойного барона: прийти в фамильный замок для получения приказаний. В назначенный час трактирщик, леденя от ужаса, является на поклон к почтенному предку и слышит его наказ: отдать свою дочь Минну замуж за Эрнста Германа, потомка знаменитого Арминия (Германа). «Чудное видение» становится причиной затянувшейся горячки Иогана. Опомившись, он исполняет «приказ с того света» и благословляет Минну и её возлюбленного Эрнста, соединению которых прежде решительно препятствовал ввиду бедности юноши.

⁸ В 1843 г. Полевой включил несколько изменённую версию «Святочных рассказов» в цикл «Повестей Ивана Гудошника» под заглавием «Повесть о Буслае Новгородце». Как замечает М. Н. Красникова, в ней нашли отражение демократические убеждения Полевого-историка, сформировавшиеся под влиянием французских историков периода Реставрации (Гизо, Минье, Тьерри), — в частности, представление о развитии истории как проявлении народного духа, а не достижений властелинов и завоевателей. Исследовательница говорит о варианте повести, относящемся к 1843 г., однако основные черты героя получили оформление уже в первой публикации. См.: [Красникова, с. 766–767]. Характерно, что несмотря на фантастический элемент и романтическую поэтику «Святочных рассказов» (отчасти даже напоминающую традицию «неистовых романтиков») исследователи почти единодушно относят их к ранним историческим повестям Н. А. Полевого (см., например: [Кондратьев, с. 12; Сорочан]). В контексте фольклорной традиции «чудесное» происшествие является нормой и не требует рефлексии. Оно выступает законной частью святочного рассказа, главным событием которого становится не «вторжение сверхъестественного», но «чудо преображения в душах людей» [Красникова, с. 770].

⁹ Впервые: Литературный музей на 1827 год / Изд. В. В. Измайловым. М., 1827. С. 165–226.

Сомов не прибегает к финальному разоблачению чудес, но авторская ирония многократно дискредитирует фантастику на протяжении повествования. Так, у таинственного рыцаря-вестника из-под шлема торчат «курчавые, черные бакенбарды» [Сомов 1990, с. 156], совсем как у гауз-кнехта трактирщика, а ужасная тень напоминает Иогану его друга Самуэля Нессельзамме, что, как думает герой, объясняет то «непонятное, сверхъестественное влечение» [Там же, с. 160], которое всегда было у него к этому человеку. Недогадливость героя и его склонность верить в чудеса превращают розыгрыш, устроенный друзьями Минны и Германа, в таинственную «повесть о духах». Финальное воссоединение возлюбленных, совершенное по воле хранителя древнего рода, могло бы стать поводом для подведения нравственного итога, соответствующего слышанным Иоганом Штауфом поучениям пастора «о гордости и тщете богатств», — но прием мистификации обнажает пародию на него. В примечании к повести О. М. Сомов прямо указывает на предмет своего иронического переосмысления — один из популярных в то время готических романов¹⁰, а заодно подвергает насмешке обыкновение авторов объяснять, сколько в их произведениях «правды и неправды» [Сомов 1990, с. 163].

Другой способ введения фантастики для Сомова — обращение к народным преданиям и суевериям¹¹. К концу 1820-х гг. относятся его «Сказки

¹⁰ Как указывает В. Э. Вацуро, путешествуя в окрестностях Гельнгаузена, писатель видел объявление о продаже книги «Замок Фридерика Барбароссы близ Гельнгаузена, исторический роман, в коем выводится на сцену тень Гогенштауфена» — одну из местных коммерческих переделок весьма популярного в России романа «Старик везде и нигде» (Der Alte überall und nirgends, 1792) Х. Г. Шписса. См.: [Вацуро, с. 378–379].

Способ пародийного снижения модели готического романа был подсказан Сомову новеллами В. Ирвинга, к творчеству которого он обращается в 1827 г. — переводит две главы из его книги «Юмористы, или Замок Бресбидж». В примечании переводчика Сомов указывал, что отрывки Ирвингова романа предлагаются читателю как «образчик юмористического рассказа», содержащий замысловатую шутку «насчет таинственных лиц, беспрестанно встречающихся в новых романах» [Две главы из Вашингтона-Ирвинга, № 101]. В новеллах Ирвинга использовано несколько способов иронической игры с таинственным сюжетом: «от пародийного „естественного объяснения“ (...) до обытовления сверхъестественного» и обрывания рассказа «перед ожидаемым разрешением загадки» (подробнее см.: [Вацуро, с. 377]). К первому из них и прибегает Сомов в повести «Приказ с того света», сохраняя при этом «всю занимательность тех таинственных и романтических повестей, которых ныне столь жадно ищут» [Две главы из Вашингтона-Ирвинга, № 101].

¹¹ В 1821 г. О. М. Сомов выступил с критикой мистицизма, свойственного поэзии В. А. Жуковского (см.: [Сомов 1821]), а в 1823-м сформулировал свои художественные принципы в статье «О романтической поэзии», где, в частности, писал: «Словесность народа есть говорящая картина его нравов, обычаев и образа жизни»; «Ни одна страна в свете не была столь богата разнообразными поверьями, преданиями и мифологиями, как Россия. Поэт может в ней с роскошью выбирать то, что ему нравится, и отметить, что не нравится» [Сомов 1974, с. 553, 556].

о кладях»¹², завязку которых составляют «поверия, распространенные в Малороссии и Украине» [Сомов 1984б, с. 217]. Следуя сюжету ирвинговской новеллы «Вольферт Веббер, или Золотые сны»¹³, Сомов вновь иронически разоблачает фантастику. Возможность утверждения в финале нравственных ценностей, связанных с тщетой корыстолюбия, скомпрометирована средствами пародии¹⁴.

Отчетливо пародийный вариант нравоучения содержит «народная сказка» «Оборотень»¹⁵. Ироничный тон звучит уже во вступлении, позволяя прояснить то общее представление о фантастических повестях, которое сложилось к концу 1820-х гг. «„Это что за название?“ — скажете или подумаете вы, любезные мои читатели (...) что ж делать! виноват ли я, что неусыпные мои современники, романтические поэты в стихах и в прозе, разобрали уже по рукам все другие затейливые названия? Корсары, Пираты, Гяуры, Ренегаты и даже Вампиры попеременно, одни за другими, делали набеги на читающее поколение или при лунном свете закрадывались в будуары чувствительных красавиц» [Сомов 1984а, с. 145]. Как указывает Н. Н. Мизина, «смещение готической традиции и занимательной тематики массовой литературы» часто находило выражение в форме заглавий, которые настраивали «на присутствие в тексте сверхъестественных мотивов» [Мизина, с. 145]¹⁶. Сомов, формально следуя этой традиции, указывает на свое «новаторство», служащее ему оправданием: «...я хотел вас подарить чем-то новым, небывалым; а русские оборотни, сколько помню, до сих пор еще не пугали добрых людей в книжном быту» [Сомов 1984а, с. 146]. Сам рассказ повествует о богатом крестьянине, колдуне Ермолае. Ряд комичных ситуаций, связанных с его несмышленным приемным сыном и его мудрой возлюбленной Акулиной, заканчивается идиллией: молодые женятся, вместе с ними «честно и смиренно» [Там же, с. 155] доживает свой век Ермолай. Венчает все эпилог, в котором автор сетует на необходимость присовокуплять мораль ко всякому произведению. Не умея придумать должного наставления, Сомов выбирает

¹² Впервые: Невский альманах на 1830 год / Изд. Е. В. Аладыным. СПб., 1829. Ч. 1. С. 1–154 (подпись: Байский Порфирий).

¹³ Ее перевод, выполненный Н. А. Полевым, был напечатан во 2-м и 3-м номерах «Московского телеграфа» за 1826 год.

¹⁴ Эту повесть высоко оценил Пушкин, назвав ее «лучшим из произведений Байского [псевдоним О. М. Сомова], доньине известных» [Пушкин, с. 117].

¹⁵ Впервые: Подснежник на 1829 год. СПб., 1829. С. 189–225.

¹⁶ Традиция «страшных» названий сформировалась в немецкой литературе (И. А. Апель. «Невеста мертвеца»; Т. Кернер. «Арфа. К вопросу о вере в привидения»; Э. Т. А. Гофман. «История с привидением», «Зловещий гость», «Вампиризм», «Мертвый гость» и т. д.) и была воспринята русскими авторами фантастических повестей. Подробнее см.: [Мизина].

«нравоучение близкое и ясное»: «...тот, у кого нет волчьей повадки, не должен наряжаться волком» [Там же, с. 155].

Пародийный характер повестей О. М. Сомова, который разными способами дискредитировал попытки утвердить нравственный смысл средствами фантастики, парадоксальным образом подтверждает актуальность введения нравоучительной темы в рамки жанра («...пародия литературно жива постольку, поскольку живо пародируемое» [Тынянов, с. 141]). Позднее авторы откроют непосредственную связь между фантастикой и этикой: вопрос о реальности запредельного будет проблематизировать нравственное измерение жизни героя или всего человечества. К таким текстам можно отнести «Страшное гаданье» (1831) Бестужева-Марлинского, а также, с определенными оговорками, «Космораму» В. Ф. Одоевского (1840)¹⁷.

Другой тип идейной направленности жанра связан с его немецкими «истоками» и оформляется в виде той или иной философской доктрины, утверждаемой фантастическими повествованиями. В 1830-е гг. появляются такие жанровые разновидности, как «философская романтическая новелла» и утопия, в первую очередь представленные произведениями В. Ф. Одоевского. Описание творческого пути писателя иногда начинают с его сборника «Пестрые сказки» (1833), в котором отмечают гротескную фантастику, близкую к традициям позднего немецкого романтизма¹⁸. В «Пестрых сказках» действительно впервые нашла оформленное выражение становящаяся эстетико-философская концепция Одоевского, однако этот сборник не был первым его опубликованным произведением. На 1820-е гг. приходится ряд произведений, в которых писатель обращается к различным областям искусства — в первую очередь к музыке, создавая своего рода «фрагменты» и притчи, посвященные таинственным и прекрасным областям бытия.

Таково его сочинение «Бесструнная лютня», носящее подзаголовок «Персидское предание». «В бесконечном пространстве, во времени непроходящем (...) сидит величественная Сура», держащая в руках «золотую лютню» [Одоевский 1825а, с. 151]. Проходят века, сменяют друг друга поколения в «мирах бесчисленных», но не умолкает «звук чудный», которому

¹⁷ В этой повести «фантастическое» осложняется мотивом безумия, из-за чего этическая проблематика обретает иную масштабность.

¹⁸ Последователем и подражателем ведущего представителя этой традиции, Гофмана, считали Одоевского многие современники и критики. Однако, как доказывает П. Н. Сакулин, круг источников фантастических произведений русского писателя гораздо шире. Ориентация на поэтику Гофмана была для Одоевского определенным этапом становления его художественных принципов, и уже на этом этапе определялись черты их самобытности. См.: [Сакулин, ч. 1, с. 325–616; ч. 2, с. 342–361].

«подчинена жизнь вселенной» и чья вечность — гармония [Там же]. Содержание художественного образа вполне прозрачно: оно отсылает к философскому пониманию музыки у немецких романтиков¹⁹. Произведение, однако, заканчивается не утверждением идеалистической онтологии, а практическим наставлением поэтам и музыкантам: божественная лютня не имеет струн, только «лучи солнечные оструняют небесное орудие» — так и творцам, «пресмыкающимся по земле», следует дожидаться, пока взойдет для них «солнце — вдохновение» [Там же]. Космологическое предание становится поводом для поучительной аллегории.

«Фантастическое», по замечанию Ц. Тодорова, предполагает «особую манеру прочтения», которая не должна быть «ни „поэтической“, ни „аллегорической“» [Тодоров, с. 31]. В случае рассматриваемых сочинений Одоевского аллегорическая форма, однако, обнаруживает свою теоретическую оправданность. В системе Шеллинга под аллегорией понимается один из способов изображения в искусстве (наряду со схемой и символом), при котором «общее созерцается через особенное» [Шеллинг, с. 106]. Одним из выразителей такого способа провозглашается музыка: «...в гармонической музыке конечное, или различие, проявляется лишь как аллегория бесконечного, или единства» [Там же, с. 204]. Совсем иной характер имеют аллегии Ф. Н. Глинки, использующие фантастические мотивы в качестве прямого иносказания (таинственным вожатым оказывается воображение, незримой спутницей — мечтательность и т. п.)²⁰. Ряд ранних произведений Одоевского, публиковавшихся в «Мнемозине», также имеет характер прямого иносказания, хотя в них автор и прибегает порой к «фантастическим» мотивировкам вроде видения²¹.

Тему музыки, заданную в «Бесструнной лютне», продолжает короткая повесть «Мир звуков». Ученые затевают спор о качествах звука, но повествователь сразу же объявляет несостоятельными их притязания: «...математическим ножом хотели они открыть его (звука) сокровенное таинство» [Одоевский 1827, с. 43]. В подтверждение авторской мысли является старец, играющий прекрасную мелодию на лютне. Он не верит «вычислениям ложной опытности» и носит в душе «чувство высшее (...) которого обширность может измериться лишь вселенною» [Там же, с. 44]. Избранный учеными

¹⁹ «Жизнь с ее тайным поступательным движением в вещах, в телах романтики именовали музыкой (...) музыка выражает бытие самого бытия, жизнь самой жизни, чуть ли не совпадает с ними» [Берковский, с. 21].

²⁰ См., например: [Глинка 1824; 1826а; 1826b; 1826с; 1827].

²¹ См.: [Одоевский 1824а; 1824b; 1825b].

«своим судиею», он говорит им о тщетности усилия «вычислить неисчислимое, духовное рассечь, как грубое вещество» и передает то, что древние жрецы поведали ему «о таинствах звука» [Там же, с. 44]²².

К 1820-м гг. относится рассказ «Два дни в жизни земного шара»²³ — предвестник будущих утопий Одоевского. В гостиной графини Б. ведутся толки о приближающейся к Земле комете, предсказанной астрономами. Желая развлечь гостей, хозяйка придумывает игру: каждому подобает написать свои мысли о судьбе человечества. Содержание одной из записок, «более других замечательной» [Одоевский 1828, с. 123], автор передает читателю. В ней рассказано, что комета стремится на Землю и люди в трепетном ужасе забывают свои «наслаждения, заботы, бедствия» [Там же, с. 123]. Только один человек, восьмидесятилетний старец, который « всю жизнь свою верил больше (...) мечтам (...) нежели действительности » [Там же, с. 126], сохраняет спокойствие духа и силу рассудка. Он уверен, что «Земля еще не достигла своей возмужалости» [Там же], а потому гибель ее пока не случится. Предсказание старца сбывается: после страшной ночи комета удаляется. Случившееся волшебным образом преобразует планету и ее обитателей. Прошли «времена несовершенства и предрассудков (...) вместе с болезнями человеческими», «небесное сделалось земным, земное небесным» [Там же, с. 128]. Так, в форме «фантазии на случай» утверждается шеллингианская идея о синтезе конечного и бесконечного, реального и идеального.

Уже первые, пока лишь «полуфантастические» сюжеты Одоевского обнаруживают философскую основу его произведений, а вместе с ней — «подчиненность определенным заданиям» [Измайлов, с. 164]. Этот ранний опыт «фантазий» и волшебных «преданий» будет усвоен авторами сказочных повествований 1830-х гг. — в частности, И. В. Киреевским и К. С. Аксаковым, чьи повести «Опал» (1830) и «Облако» (1836) посвящены утверждению ценностей романтического искусства.

²² К ряду «музыкальных апологов» примыкают две сказки Одоевского: «Новая мифология» и «Музыкальный инструмент», предназначенные для «Московского вестника», но не опубликованные при жизни. Отголоски шеллингианской темы музыки как основы универсума звучат в «Пестрых сказках», в романе «Иордан Бруно и Петр Аретино» (оставшемся незаконченным), в «Русских ночах». Позднее Одоевский предпринял и теоретическую разработку этой темы в ряде своих философско-эстетических трактатов. Так, например, в статье «О способах выражения идеи» (1832) он писал: «...язык музыки приближается наиболее к сему внутреннему языку, на котором есть выражение для идей, посему музыка есть высшая наука и искусство. Будет время, когда, может быть, все способы выражения сольются в музыку. Древние как бы предчувствовали темно это, соединив все науки под общее название музыки, или это было воспоминание первого выражения человечества во времени его младенчества» [Одоевский 1982, с. 37].

²³ Под текстом первой публикации указана дата создания повести: 1825 г.

Последний тип обращения к фантастике, возникающий в повестях 1820-х гг., представляет собой непосредственное предъявление вопроса о природе «сверхъестественного». К этой группе можно отнести «Уединенный домик на Васильевском» В. П. Титова, представляющий собой первый русский образец «неявной», или «завуалированной», фантастики [Манн 1976, с. 290]. «Чудесное» здесь проступает по ходу повествования с разной степенью интенсивности и определенности: то пугая своей несомненностью, то скрываясь в область намеков, кажимостей и «болезненных» чувствований. Так, описание сцены поездки с извозчиком-мертвецом обладает всеми свойствами балладной суггестии, а пережитый героем ужас подтверждается его продолжительным припадком. Но повествование не исключает и возможности «рационального» объяснения: многократно подчеркнуто расстроенное и возбужденное состояние юноши, предшествовавшее мистическому происшествию. В конце повести истинность рассказа подтверждается традиционным для фантастических повествований способом — ссылкой на «изустное предание». Далее следует ироническое обращение к читателю, вновь отменяющее едва возникшую определенность: «Впрочем, почтенные читатели, вы лучше меня рассудите, можно ли ей поверить и откуда у чертей эта охота вмешиваться в людские дела, когда никто не просит их?» [Титов, с. 217].

«Святочные рассказы» Полевого, как уже было сказано, открываются спором гостей, собравшихся в праздничный вечер. Один из его участников, Терновский, представлен в повести «добрым философом», который «все старался изъяснять (...) естественным образом»; другого, Шумилова, читатель узнает как «записного охотника рассказывать русские были и сказки» [Полевой, № 23, с. 105–106]. Между ними Полевой распределяет характерные для фантастических повествований позиции «романтика» и «скептика», впрочем представленные в довольно специфическом варианте. Так, Терновский признается, что и сам верит духам, «только по-своему». Его «философия привидений» вкратце такова: в природе много еще есть тайного, и человеку доступны особые «тайные чувства и расположения» [Там же, с. 117], которым и следует приписывать необъяснимое. В подтверждение герой приводит «дела, не подверженные сомнению»: физиогномику, «предчувствия, сны, видения самого себя» [Там же, с. 117–118]. Шумилов парирует каждый из этих примеров, настаивая на том, что «все приметы, причуды, вера в сны, предчувствия» [Там же, с. 119] происходят из одной только способности воображать подобное. Расходясь в интерпретациях, участники спора сходятся в своей вере в существование «тайного» в мире. Для дальнейшего повествования «Святочных рассказов» этот диалог не обрывает

существенного значения, но само его появление в ранней повести Полевого весьма характерно. Заимствованный из иностранной литературы (в частности, у Гофмана²⁴) прием введения беседы-спора о «сверхъестественном» получит широкое распространение в более поздних повестях. Он же станет структурной основой для их объединения в циклы.

Первым сборником подобного типа стал «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» А. Погорельского, автора «Лафертовской маковницы» (1825) — первой и весьма необычной русской повести в фантастическом роде. Счастливый финал вершится в ней словно по законам волшебной сказки, не служа назиданию, не утверждая ценностей философской системы и не вызывая к пересмотру знаний о мире. «Сверхъестественное» здесь (колдовской обряд, метаморфозы черного кота, принимающего человеческий облик, и др.) не разоблачается — покидая жизнь героев, оно обретает свое непонятное, но вполне законное место в бытии. Не акцентируются при всей их устойчивости и нравственные законы. Проникнутая мягким юмором фантастика исчезает так же легко, как возникла, не означая ничего, кроме себя самой²⁵.

«Двойник...»²⁶ представляет собой сборник повестей, организованный по принципу «Фантазуса» Л. Тика и «Серапионовых братьев» Э. Т. А. Гофмана: ряд новелл обрамляется беседой героев, которые обсуждают достоинства и недостатки отдельных рассказов. Интересно, что область фантастического распространяется Погорельским на сюжетную рамку: к скучающему в деревне Антонию является его собственный образ, Двойник, с целью «усладить» его уединение. В компании таинственного существа герой проводит шесть вечеров, за время которых звучат четыре повести и ведутся разговоры о возможности сверхъестественных явлений. Комичности происходящему

²⁴ См., например: [Гофман].

²⁵ При публикации повести в «Новостях литературы» за 1825 г. издатель журнала А. Ф. Воейков сопроводил ее примечанием, озаглавленным «Развязка», мотивируя это желанием *удовлетворить любопытству читателей и сделать явной ту цель, которую «автор сей русской повести, вероятно, имел здесь»: «показать, до какой степени разгоряченное и с детских лет сказками о ведьмах напуганное воображение представляет все предметы в превратном виде»* [Погорельский 1825, с. 133–134]. Включив повесть в сборник «Двойник», Погорельский оставил текст без изменений, но ввел иронический по отношению к примечанию Воейкова диалог: «...напрасно, однако ж, вы не прибавили развязки. Иной и в самом деле подумает, что Машина бабушка была колдунья. — Для суеверных людей развязок не напасешься (...). Впрочем, кто непременно желает знать развязку моей повести, тот пускай прочитает „Литературные новости“ 1825 года. Там найдет он развязку, сочиненную почтенным издателем „Инвалида“, которую я для того не пересказал вам, что не хочу присваивать чужого добра» [Погорельский 1853, с. 222–223].

²⁶ Впервые отдельным изданием: Двойник, или Мои вечера в Малороссии. Сочинение Антония Погорельского. СПб., 1828.

добавляет тот факт, что Двойник олицетворяет в дружеских диспутах рационалистическое начало, в то время как Антоний выказывает склонность к суевериям и мистическим верованиям. Здесь повторяется прием, использованный ранее в «Лафертовской маковнице»: странный гость появляется без всякой мотивировки и так же немотивированно исчезает.

Художественный опыт Погорельского не был воспринят, авторы большей части фантастических повестей 1820-х гг. обращались к этому жанру, считая его имманентным свойством проблематизацию мировоззренческих основ. Сюжетом, модальностью рассказа либо прямым авторским словом они стремились утвердить идеал нравственного поведения или выразить ценности какой-либо философской системы. В иных случаях «сверхъестественное» сопровождалось в повестях возможными толкованиями, выбрать из которых предлагалось самому читателю. Если же автор пародировал жанр, он формально отрекался от «высоких» целей, но все же продолжал иметь их в виду. Необходимость того или иного «ясного» итога сообщала фантастике преимущественно служебную роль — она так или иначе должна была приводить к этому итогу.

Конечно, наиболее востребованным аспектом жанра фантастической повести в 1820-е гг. была его увлекательность, эмоциональный диапазон, сопровождающий страшные и таинственные рассказы. Вместе с тем повествования этого времени обнаруживают весьма примечательную тенденцию: фантастическим сюжетам и образам сопутствует некое объяснение, предостережение, мораль — то, что имеет отношение уже не к законам искусства, но к реальности человеческой жизни. Эта устремленность литературного жанра за собственные пределы отражается в последующем развитии его магистральной линии: появляются новые варианты «разоблачения» «чудесного», вводятся двойные мотивировки его возникновения, возникают «типы» героев, различно интерпретирующих фантастику (ученые-скептики, философы-идеалисты, прагматики, носители фольклорного сознания и др.). Не случайно итоговое произведение В. Ф. Одоевского, «Русские ночи» (1844), задуманное как сборник фантастических повестей, преодолевает это жанровое определение и приближается к философскому тексту.

На раннем этапе существования жанра его нацеленность на то, что лежит за рамками литературного творчества, еще не простирается так далеко, оставаясь только служебным заданием фантастического повествования. Произведения Марлинского, Полевого, Сомова, раннего Одоевского при всем их различии сходятся в одном: художественные миры обращены в них на служение «идее», какой бы она ни была.

Литература

- Берковский — *Берковский Н. Я.* Романтизм в Германии. СПб.: Азбука-Классика, 2001. 512 с.
- Бестужев-Марлинский — *Бестужев-Марлинский А. А.* Кровь за кровь // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.): Сб. произведений / Сост. и коммент. А. А. Карпова, Р. В. Иезуитовой, М. А. Турьян и др.; вступ. ст. В. М. Марковича. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 99–115.
- Ботникова — *Ботникова А. Б.* Немецкий романтизм: Диалог художественных форм. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2003. 341 с.
- Васильев — *Васильев С. Ф.* Поэтика реального и фантастического в русской романтической прозе // Проблемы исторической поэтики: Исследования и материалы: Межвуз. сб. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1990. Вып. 1. С. 73–81.
- Вацуро — *Вацуро В. Э.* Готический роман в России. М.: НЛО, 2002. 544 с.
- Глинка 1824 — *Глинка Ф. Н.* Неузнанная // Северные цветы на 1825 год / Изд. Иваном Слениным. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1824. С. 245–250.
- Глинка 1826а — *Глинка Ф. Н.* Вожатый // Северные цветы на 1826 год / Изд. Иваном Слениным. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1826. С. 212–213.
- Глинка 1826b — *Глинка Ф. Н.* Непонятный союз // Северные цветы на 1826 год / Изд. Иваном Слениным. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1826. С. 182–188.
- Глинка 1826с — *Глинка Ф. Н.* Неразлучные // Северные цветы на 1826 год / Изд. Иваном Слениным. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1826. С. 189–198.
- Глинка 1827 — *Глинка Ф. Н.* Чудесная сопутница // Северные цветы на 1827 год / Изд. бароном Дельвигом. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1827. С. 75–84.
- Гофман — *Гофман Э. Т. А.* Пустой дом / Пер. с нем. В. Лангера // Литературная газета. 1830. Т. 1, № 31. С. 245–250; № 32. С. 253–258; № 33. С. 261–264.
- Две главы из Вашингтона-Ирвинга — Две главы из Вашингтона-Ирвинга / Пер. О. М. Сомова // Северная пчела. 1827. № 101, 23 авг.; № 102, 25 авг.; № 104, 30 авг.; № 105, 1 сент. (подпись: С....).
- Жуковский — *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 3. 452 с.
- Измайлов — *Измайлов Н. В.* Фантастическая повесть // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра / Под ред. Б. С. Мейлаха. Л.: Наука, 1973. С. 134–169.
- Карташова — *Карташова И. В.* Романтизм в творчестве Н. В. Гоголя // Русский романтизм / Под ред. Н. А. Гуляева. М.: Высшая школа, 1974. С. 140–169.
- Кондратьев — *Кондратьев Б. С.* Три «жизни» Николая Полевого // Полевой Н. А. Мечты и жизнь / Сост., вступ. ст. и примеч. Б. С. Кондратьева. М.: Советская Россия, 1988. С. 3–18.
- Коровин — *Коровин В. И.* О русской фантастической повести // Русская фантастическая повесть эпохи романтизма / Сост., вступ. ст. и примеч. В. И. Коровина. М.: Советская Россия, 1987. С. 5–22.

- Красникова — *Красникова М. Н.* Фольклорная традиция в исторической «Повести о Буслае Новгородце» Н. Полевого // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2010. Т. 12, № 5 (3). С. 766–770.
- Манн 1976 — *Манн Ю. В.* Поэтика русского романтизма. М.: Наука, 1976. 375 с.
- Манн 1988 — *Манн Ю. В.* Реальное и фантастическое // Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. 2-е изд., доп. М.: Худож. лит., 1988. С. 55–129.
- Маркович 1987 — *Маркович В. М.* Балладный мир Жуковского и русская фантастическая повесть эпохи романтизма // Жуковский и русская культура: Сб. науч. трудов / [Отв. ред.] Р. В. Иезуитова. Л.: Наука, 1987. С. 138–166.
- Маркович 1990 — *Маркович В. М.* Дыхание фантазии // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.): Сб. произведений / Сост. и коммент. А. А. Карпова, Р. В. Иезуитовой, М. А. Турьян и др.; вступ. ст. В. М. Марковича. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 5–47.
- Мизина — *Мизина Н. Н.* Интерпретация Н. А. Полевым новеллы Э. Т. А. Гофмана «Маркиза де ла Пивардьер» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Киров, 2011. № 2. С. 144–149.
- Одоевский 1824а — [Одоевский В. Ф.] Старики или остров Панхаи (Дневник Ариста) // Мнемозина. М.: Тип. Имп. Московского театра, 1824. Ч. 1. С. 1–12 (подпись: Одвск).
- Одоевский 1824б — [Одоевский В. Ф.] Четыре аполога // Мнемозина: Тип. Имп. Московского театра. М., 1824. Ч. 3. С. 1–10 (подпись: Одвск).
- Одоевский 1825а — [Одоевский В. Ф.] Бесструнная лютня (Персидское предание) // Московский телеграф. 1825. Ч. 6, № 22. С. 151–152 (подпись: двск).
- Одоевский 1825б — [Одоевский В. Ф.] Еще два аполога // Мнемозина. М.: Тип. Имп. Московского театра, 1825. Ч. 4. С. 35–48 (подпись: Одвск).
- Одоевский 1827 — [Одоевский В. Ф.] Мир звуков // Московский вестник. 1827. Ч. 4, № 13. С. 43–46 (подпись: Каллидор).
- Одоевский 1828 — [Одоевский В. Ф.] Два дни в жизни земного шара // Московский вестник. 1828. Ч. 10, № 24. С. 120–128 (подпись: Каллидор).
- Одоевский 1982 — *Одоевский В. Ф.* О способах выражения идеи // Одоевский В. Ф. О литературе и искусстве / Вступ. ст., сост. и коммент. В. И. Сахарова. М.: Современник, 1982. С. 37–38.
- Погорельский 1825 — *Погорельский А.* Лафертовская маковница // Новости литературы. 1825. Кн. 11, март. С. 97–134.
- Погорельский 1853 — *Погорельский А.* Двойник, или Мои вечера в Малороссии // Погорельский А. Сочинения: В 2 т. СПб.: Изд. Александра Смирдина, 1853. Т. 2. С. 7–297.
- Полевой — [Полевой Н. А.] Святочные рассказы // Московский телеграф. 1826. Ч. 12, № 23. С. 103–127; № 24. С. 141–192 (подпись: Н. П.).
- Пушкин — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.] М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11. 600 с.
- Сакулин — *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский: Мыслитель. Писатель. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1913. Т. 1, ч. 1. 616 с.; ч. 2. 479 с.
- Семибратова — *Семибратова И. В.* Типология фантастики в русской прозе 30–40-х годов XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 20 с.

- Сомов 1821 — [Сомов О. М.] Ответ на (так названный) ответ Господина Ф. Б.... жителю Галерной Гавани // Невский зритель. 1821. Ч. 5. С. 277–279 (подпись: Житель Галерной Гавани).
- Сомов 1974 — Сомов О. М. О романтической поэзии // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: В 2 т. / Сост., вступ. ст. и примеч. З. А. Каменского. М.: Искусство, 1974. Т. 2. С. 545–562.
- Сомов 1984a — Сомов О. М. Оборотень // Сомов О. М. Были и небылицы / Сост., вступ. ст. и примеч. Н. Н. Петруниной. М.: Советская Россия, 1984. С. 145–155.
- Сомов 1984b — Сомов О. М. Сказки о кладах // Сомов О. М. Были и небылицы / Сост., вступ. ст. и примеч. Н. Н. Петруниной. М.: Советская Россия, 1984. С. 163–218.
- Сомов 1990 — Сомов О. М. Приказ с того света // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.): Сб. произведений / Сост. и коммент. А. А. Карпова, Р. В. Иезуитовой, М. А. Турьян и др.; вступ. ст. В. М. Марковича. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 146–163.
- Сорочан — Сорочан А. Ю. От «Святочных рассказов» к «Повести о Буслае Новгородце»: Первая историческая повесть Н. А. Полевого // Историко-литературный сборник. Тверь, 2006. Вып. 4. С. 108–113.
- Титов — [Титов В. П.] Уединенный домик на Васильевском // Северные цветы на 1829 год. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1828. С. 147–217 (подпись: Тит Космократов).
- Тодоров — Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / Пер. с фр. Б. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.
- Тынянов — Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции // Тынянов Ю. Н. Литературный факт / Вступ. ст., коммент. В. И. Новикова; сост. О. И. Новиковой. М.: Высшая школа, 1993. С. 137–148.
- Чебанюк — Чебанюк Т. А. Фантастическая повесть в историко-литературном процессе 20-х — начала 40-х годов XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. 16 с.
- Шеллинг — Шеллинг В. Ф. Философия искусства / Пер. П. С. Попова; под общ. ред. М. Ф. Овсянникова. М.: Мысль, 1966. 496 с.
- Caillois — Caillois R. Au cœur du fantastique. Paris: Gallimard, 1965. 180 p.
- Castex — Castex P.-G. Le conte fantastique en France de Nodier à Maupassant. Nouvelle ed. Paris: Librairie José Corti, 1951. 466 p.
- Vax — Vax L. L'art et la littérature fantastique. 4e éd. mise à jour. Paris: Presses Universitaires de France, 1974. 144 p.

References

- Berkovskii, N. Ya. (2001). *Romantizm v Germanii*. Saint Petersburg: Azbuka-Klassika, 512 p.
- Bestuzhev-Marlinskii, A. A. (1990). 'Krov' za krov', in: A. A. Karpov, R. V. Iezuitova, M. A. Tur'yan, eds., *Russkaya fantasticheskaya proza epokhi romantizma (1820–1840): Sbornik proizvedenii*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 99–115.
- Botnikova, A. B. (2003). *Nemetskii romantizm: Dialog khudozhestvennykh form*. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 341 p.
- Caillois, R. (1965). *Au cœur du fantastique*. Paris: Gallimard, 180 p.
- Castex, P.-G. (1951). *Le conte fantastique en France de Nodier à Maupassant*. Nouvelle ed. Paris: Librairie José Corti, 466 p.

- Chebanyuk, T. A. (1979). *Fantasticheskaya povest' v istoriko-literaturnom protsesse 20-kh — nachala 40-kh godov XIX veka: Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. Moscow, 16 p.
- 'Dve glavy iz Vashingtona-Irvinga' (1827), transl. from English by O. M. Somov, *Severnaya pchela*, 101 (23 Aug.); 102 (25 Aug.); 104 (30 Aug.); 105 (1 Sept.).
- Glinka, F. N. (1824). 'Neuznannaya', in: *Severnnye tsvety na 1825 god*. Saint Petersburg: Tipografiya Departamenta narodnogo prosveshcheniya, 245–250.
- Glinka, F. N. (1826). 'Neponyatnyi soyuz', in: *Severnnye tsvety na 1826 god*. Saint Petersburg: Tipografiya Departamenta narodnogo prosveshcheniya, 182–188.
- Glinka, F. N. (1826). 'Nerazluchnye', in: *Severnnye tsvety na 1826 god*. Saint Petersburg: Tipografiya Departamenta narodnogo prosveshcheniya, 189–198.
- Glinka, F. N. (1826). 'Vozhatyi', in: *Severnnye tsvety na 1826 god*. Saint Petersburg: Tipografiya Departamenta narodnogo prosveshcheniya, 212–213.
- Glinka, F. N. (1827). 'Chudesnaya soputnitsa', in: *Severnnye tsvety na 1827 god*. Saint Petersburg: Tipografiya Departamenta narodnogo prosveshcheniya, 75–84.
- Hoffmann, E. T. A. (1830). 'Pustoi dom', transl. from German by V. Langer, *Literaturnaya gazeta*, 1830. Vol. 1, 31, 245–250; 32, 253–258; 33, 261–264.
- Izmailov, N. V. (1973). 'Fantasticheskaya povest'', in: B. S. Meilakh, ed., *Russkaya povest' XIX veka: Istoriya i problematika zhanra*. Leningrad: Nauka, 134–169.
- Kartashova, I. V. (1974). 'Romantizm v tvorchestve N. V. Gogolya', in: N. A. Gulyaev, ed., *Russkii romantizm*. Moscow: Vysshaya shkola, 140–169.
- Kondrat'ev, B. S. (1988). 'Tri «zhizni» Nikolaya Polevogo', in: B. S. Kondrat'ev, ed., Polevoi, N. A. *Mechty i zhizn'*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 3–18.
- Korovin, V. I. (1987). 'O russkoi fantasticheskoi povesti', in: V. I. Korovin, ed., *Russkaya fantasticheskaya povest' epokhi romantizma*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 5–22.
- Krasnikova, M. N. (2010). 'Fol'klornaya traditsiya v istoricheskoi «Povesti o Buslae Novgorodtse» N. Polevogo', *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. Vol. 12, 5 (3), 766–770.
- Mann, Yu. V. (1976). *Poetika russkogo romantizma*. Moscow: Nauka, 375 p.
- Mann, Yu. V. (1988). 'Real'noe i fantasticheskoe', in: Mann, Yu. V. *Poetika Gogolya*. 2nd ed., exp. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 55–129.
- Markovich, V. M. (1987). 'Balladnyi mir Zhukovskogo i russkaya fantasticheskaya povest' epokhi romantizma', in: R. V. Iezuitova, ed., *Zhukovskii i russkaya kultura: Sbornik nauchnykh trudov*. Leningrad: Nauka, 138–166.
- Markovich, V. M. (1990). 'Dykhanie fantazii', in: A. A. Karpov, R. V. Iezuitova, M. A. Tur'yan, eds., *Russkaya fantasticheskaya proza epokhi romantizma (1820–1840): Sbornik proizvedenii*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 5–47.
- Mizina, N. N. (2011). 'Interpretatsiya N. A. Polevym novelly E. T. A. Hoffmanna «Markiza de la Pivard'er»', *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2, 144–149.
- [Odoevskii, V. F.] (1824). 'Stariki ili ostrov Pankhai (Dnevnik Arista)', in: *Mnemozina*. Moscow: Tipografiya Imperatorskogo Moskovskogo teatra. Vol. 1, 1–12.
- [Odoevskii, V. F.] (1824). 'Chetyre apologa', in: *Mnemozina*. Moscow: Tipografiya Imperatorskogo Moskovskogo teatra. Vol. 3, 1–10.
- [Odoevskii, V. F.] (1825). 'Besstrunnaya lyutnya (Persidskoe predanie)', *Moskovskii telegraf*. Vol. 6, 22, 151–152.
- [Odoevskii, V. F.] (1825). 'Eshche dva apologa', in: *Mnemozina*. Moscow: Tipografiya Imperatorskogo Moskovskogo teatra. Vol. 4, 35–48.

- [Odoevskii, V. F.] (1827). 'Mir zvukov', *Moskovskii vestnik*. Vol. 4, 13, 43–46.
- [Odoevskii, V. F.] (1828). 'Dva dni v zhizni zemnogo shara', *Moskovskii vestnik*. Vol. 10, 24, 120–128.
- Odoevskii, V. F. (1982). 'O sposobakh vyrazheniya idei', in: V. I. Sakharov, ed., Odoevskiy, V. F. *O literature i iskusstve*. Moscow: Sovremennik, 37–38.
- Pogorel'skii, A. (1825). 'Lafertovskaya makovnitza', *Novosti literatury*, 11 (Mar.), 97–134.
- Pogorel'skii, A. (1853) 'Dvoinik, ili Moi vechera v Malorossii', in: Pogorel'skii, A. *Sochineniya*. 2 vols. Saint Petersburg: Izdanie Aleksandra Smirdina. Vol. 2, 7–297.
- [Polevoi, N. A.] (1826). 'Svyatochnye rassказы', *Moskovskii telegraf*. Vol. 12, 23, 103–127; 24, 141–192.
- Pushkin, A. S. (1949). *Polnoe sobranie sochinenii*. [16 vols.]. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 11, 600 p.
- Sakulin, P. N. (1913). *Iz istorii russkogo idealizma: Knyaz' V. F. Odoevskiy. Myslitel'. Pisatel'*. Moscow: Izdanie M. i S. Sabashnikovskh. Vol. 1, chast' 1, 616 p.; chast' 2, 479 p.
- Schelling, V. F. (1996). *Filosofiya iskusstva*, transl. from German by P. S. Popov, M. F. Ovsyannikov, ed. Moscow: Mysl', 496 p.
- Semibratova, I. V. (1973). *Tipologiya fantastiki v russkoi proze 30–40-kh godov XIX veka: Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. Moscow, 20 p.
- [Somov, O. M.] (1821). 'Otvét na (tak nazvannyi) otvet Gospodina F. B.... zhitelyu Galernoï Gavani', *Nevskii zritel'*, 5, 277–279.
- Somov, O. M. (1974). 'O romanticheskoi poezii', in: Z. A. Kamenskii, ed., *Russkie esteticheskie traktaty pervoi treti XIX veka*. 2 vols. Moscow: Iskusstvo. Vol. 2, 545–562.
- Somov, O. M. (1984). 'Oboroten', in: N. N. Petrunina, ed., Somov O. M. *Byli i nebylitsy*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 145–155.
- Somov, O. M. (1984). 'Skazki o kladakh', in: N. N. Petrunina, ed., Somov O. M. *Byli i nebylitsy*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 163–218.
- Somov, O. M. (1990) 'Prikaz s togo sveta', in: A. A. Karpov, R. V. Iezuitova, M. A. Tur'yan, eds., *Russkaya fantasticheskaya proza epokhi romantizma (1820–1840): Sbornik proizvedenii*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 146–163.
- Sorochan, A. Yu. (2006). 'Ot «Svyatochnykh rasskazov» k «Povesti o Buslae Novgorodtse»: Pervaya istoricheskaya povest' N. A. Polevogo', in: *Istoriko-literaturnyi sbornik. Tver'*, 2006. Vol. 4, 108–113.
- [Titov, V. P.] (1828). 'Uedinennyi domik na Vasil'evskom', in: *Severnnye tsvety na 1829 god*. Saint Petersburg: Tipografiya Departamenta narodnogo prosveshcheniya, 147–217.
- Todorov, Ts. (1999). *Vvedenie v fantasticheskuyu literaturu*, transl. from French by B. Narumov. Moscow: Dom intellektual'noi knigi, 144 p.
- Tynyanov, Yu. N. (1993). 'O literaturnoi evolyutsii', in: O. I. Novikova, ed. Tynyanov, Yu. N. *Literaturnyi fakt*, Moscow: Vysshaya shkola, 137–148.
- Vasil'ev, S. F. (1990). 'Poetika real'nogo i fantasticheskogo v russkoi romanticheskoi proze', in: *Problemy istoricheskoi poetiki. Issledovaniya i materialy: Mezhdvuzovskii sbornik*. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo universiteta. Vol. 1, 73–81.
- Vatsuro, V. E. (2002). *Goticheskii roman v Rossii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 544 p.
- Vax, L. (1974). *L'art et la littérature fantastique*. 4e éd. mise à jour. Paris: Presses Universitaires de France, 144 p.
- Zhukovskii, V. A. (2008). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 20 vols. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. Vol. 3, 452 p.

Е. И. Вожик

«ВЕЧНЫЕ ФЛАМАНДЦЫ»: ЯЗЫК ОПИСАНИЯ ФЛАМАНДСКОЙ ЖИВОПИСИ В 1830–1850-х гг.

Резюме

В статье анализируется прагматика упоминаний фламандской (голландской) школы живописи, распространенных в литературе 1830–1850-х гг., а также устанавливаются возможные пути складывания языкового и мыслительного клише, которое представляют собой рассуждения об эстетическом качестве фламандского искусства. Реконструкция практик, сопутствующих восприятию живописного произведения в первой половине XIX в., показывает, что знакомство с полотнами фламандской школы, несмотря на то что они были широко представлены в частных и императорских собраниях, осуществлялось в первую очередь по разнообразным печатным изданиям (каталогам картин, сборникам литографий и полиптижей, зарубежной и отечественной периодике, а также изданиям энциклопедического или искусствоведческого толка), выстраивавшим повествование о фламандской живописи не только на визуальном, но и на вербальном уровне. Определение круга возможных иконографических и преимущественно текстуальных источников, формирующих представление о живописной манере художников-фламандцев, позволяет остановить внимание на некоторых особенностях ее репрезентации и описания. Так, фламандская школа в 1830–1850-е гг. чаще всего характеризуется обобщенно — нередко через короткое словесное обозначение, своего рода формулу. Не всегда обладая внешним единообразием, такие формулы вместе с тем содержат в себе устойчивый комплекс смыслов, который соотносится с активно обсуждаемой в критике этого периода проблемой отражения действительности в искусстве.

Ключевые слова: фламандская школа живописи, визуальное восприятие, язык описания, словесная формула, эстетический канон, Г. Гегель, критическая программа

Ekaterina I. Vozhik

THE FLEMISH SCHOOL OF PAINTING AND THE LANGUAGE OF ITS DESCRIPTION IN THE 1830S–1850S

Abstract

The article deals with the pragmatics of references to the Flemish (Dutch) school of painting that pervaded the literature of the 1830s–1850s; it also considers how speculations about the aesthetic quality of Flemish art eventually turned out to be a linguistic and mental cliché. By reconstructing the practices that accompanied the perception of a painting in the first half of the XIX century, the author shows that although Flemish art was well represented in private and imperial collections, knowledge of this art was primarily obtained from various publications (catalogues of paintings, lithographs and polytypes, domestic and foreign periodicals, encyclopedias and art criticism). These iconographic and mainly textual sources formed both a visual and a verbal narrative about the Flemish painting style and therefore considerably influenced the way this style was represented. The author demonstrates that the Flemish school of the 1830s–1850s is most often characterized in general terms — frequently through a short verbal formula. Although they usually lacked in formal consistency, such formulas nevertheless contained a stable set of meanings. This set of meanings corresponded with the problem of the correlation between art and reality, which was actively discussed in the press at that time.

Keywords: Flemish school of painting, visual perception, language of description, verbal formula, aesthetic canon, Georg Hegel, critical program

DOI 10.31860/2712-7591-2024-1-54-79

В 1831 г. литератор К. П. Масальский, готовя к публикации собрание своих сочинений, существенно перерабатывает стихотворение «Картина Петергофа», появившееся несколькими годами ранее на страницах «Сына отечества и Северного архива» [Масальский 1829, с. 119], с намерением включить его в состав поэмы «Мщение ветерка». В результате традиционное поэтическое описание дворцово-паркового ансамбля Петергофа открывалось изображением пестрой столичной толпы, направляющейся за город:

Весь Петербург собирается в дорогу.
Через Калинкин мост стремится, как река,
Народ к воротам триумфальным.
Какие хлопоты жандармам и квартальным!
Карет, телег, колясок, дрожек ряд
И без конца и без начала
К заставе тянется. Все за город спешат;
Как будто бы вода столицу потопляла.

Везде встречает взор
 Корзинки, узелки с съестным и самовары.
 Здесь песенников хор
 Идет под звук рожка, бандуры иль гитары;
 Там тащит римлянин шарманку на плечах;
 Здесь спор у мужиков зашел о калачах
 И пряниках: они огромную корзину
 Рассыпали, запнувшись, на траву.
 Там, небо сброся с плеч, поставил на голову
 Атлант — клубнику и малину.
 Но где нам дописать картину!
 Жаль, что Теньер свой карандаш
 Не завещал ни одному поэту,
 А взял с собой и кинул в Лету.
 [Масальский 1831, с. 44–45]

Желая составить у читателей сколько-нибудь яркое впечатление от этой картины — сюжетной, многоперсонажной, изобилующей бытовыми подробностями, — Масальский использует модную аллюзию на фламандского живописца Теньера (Давида Тенирса Младшего)¹, важным достоинством произведений которого признавался их миметический потенциал: так, в десятом томе «Энциклопедического словаря» К. Крайя под редакцией А. В. Старчевского (1848) говорится, что главные качества таланта Тенирса состоят в «верной снимке, умении подметить характеристические черты из жизни фламандцев, глубокой наблюдательности и бойкой кисти» [Старчевский, с. 212].

Подобные отсылки к фламандской (голландской) жанровой живописи так называемого золотого века очень характерны для русской литературы первой половины века девятнадцатого; особенно распространены они в 1830–1840-е гг., когда, по выражению А. Ф. Вельтмана, в литературе, как и во фламандском искусстве XVII в., «как это естественно!» берет верх над «как это изящно!» [Вельтман, с. 67–68]. По числу упоминаний в разнообразных литературных, критических и научных сочинениях фламандские и голландские жанристы (Давид Тенирс, Адриан ван Остаде, Арт ван дер Нер, Герард Дау, Паулюс Поттер, Габриель Метсю, Франс ван Мирис, Герард Терборх и др.) оставляют далеко позади французских или испанских художников, хотя последние в рассматриваемую эпоху известны образованной публике ничуть не меньше.

¹ В России Тенирса называли Теньером на французский лад; одно из немногих упоминаний его имени в правильной огласовке встречается в «Энциклопедическом лексиконе» А. А. Плюшара [Плюшар, с. 153]. Аналогично, с учетом особенностей французского произношения, видоизменялись имена и других фламандских и голландских художников.

Хрестоматийную известность получила стихотворная строчка «фламандской школы пестрый сор», описывающая новый, «прозаический» идеал жизни автора-повествователя в романе «Евгений Онегин» [Пушкин, с. 201] (см. об этом: [Лотман, с. 742; Газиева]). Изображение «фламандского мужика с трубкою и выломанною рукою» встречается среди низкосортных картин на Шукином дворе главному герою гоголевского «Портрета» [Гоголь, с. 79]; комнатой «во вкусе Теньера» называет студию Чарткова экзальтированная любительница художеств, заказывающая у него портрет своей дочери [Гоголь, с. 100]. Прекрасной коллекцией фламандской живописи владеет Адуев-старший, человек дела, думающий и чувствующий «по-земному» [Гончаров, с. 217]; в финале «Обыкновенной истории» «теньеровской» картиной «хлопотливой, семейной жизни» будет любоваться уже Адуев-младший, вернувшись из столицы в деревню [Гончаров, с. 446; см. также с. 742–743, 761–762 (коммент.)]. Частью своей литературной программы делает Тенирса писатель А. Е. Измайлов, назвавший себя «Российским Теньером первым» [Измайлов, с. 613] и обогативший русский язык окказионализмами «теньерить» и «теньерство» в стремлении охарактеризовать свой писательский стиль (см.: [Доманский; Рублева]).

Ко второй половине XIX в. знание о художественной манере Тенирса существенно трансформируется, а характерные черты его живописи нередко предстают в гиперболизированном виде. Например, «Теньером в своем роде» называет себя главный герой очерка И. В. Омулевского «Без крова, хлеба и красок» (1883) — нищенствующий художник Иван Петрович Толстопяткин, «забитый талант», пишущий грубо-натуралистические, «бесстыжие» картины, сюжеты которых, вероятно, привели бы в смущение и самих фламандских художников:

Он (эскиз) изображал часть занесенного снегом забора у дровяного двора, при слабом лунном освещении в морозную ночь. Подле забора, на снегу, лежало какое-то жалкое подобие человеческой фигуры в образе замерзшей старухи, облеченной в такие же жалкие лохмотья; сквозь дыры их просвечивало тощее синеватое тело. На изможденное лицо старухи падал красновато-желтый луч от фонаря, который держал в руке наклонившийся над ней городской, с поднятым выше ушей воротником форменной шинели. Налево, несколько отвернувшись от трупа, весь закутанный в теплую шубу дворник флегматично отправлял естественную потребность [Омулевский, с. 169].

Отдельные упоминания художников-фламандцев, безусловно, встречаются и позднее, в начале XX в. Характерно, однако, что в это время фламандское искусство и представление о мире уже не кажется актуальным, современным, а аллюзии на Тенирса, Остаде или Мириса осмысляются как

примечательная особенность литературы ушедшей эпохи. Так, В. Данилов в 1915 г., рассуждая на страницах «Русского архива» об идейно-эстетическом сходстве фламандцев с такими писателями, как Ф. Н. Глинка, А. В. Кольцов, Д. В. Григорович и В. И. Даль, называет Тенирса «символом реализма в русской литературе» 1830–1840-х гг. [Данилов, с. 164].

Мы не проводим здесь строгого различия между художниками фламандской и голландской школ живописи; это решение связано с тем, что определения «фламандский» и «голландский», разделяемые многими искусствоведами XIX в. (см., например: [Siret]), в анализируемых нами контекстах, как правило, также не различаются: предпочтение обычно отдается первому из них или же они используются как синонимы. На повсеместную путаницу определений «фламандский» и «голландский» сетует в статье 1856 г. художественный критик В. В. Стасов, объясняя это склонностью русских литераторов перенимать «французскую смутную терминологию» [Стасов, с. 32]². Так или иначе, еще французские просветители выделяли у фламандской и голландской школ живописи общие достоинства и недостатки:

Фламандская школа (*в живописи*). Полотна этой и голландской школ отличаются совершенным пониманием светотени, завершенностью работы без сухости, искусным сочетанием хорошо подобранных цветов и мягкой кистью. Что касается ее недостатков, то они у нее общие с недостатками голландской школы. Очень жаль, что художники этих двух школ, усердствуя в раболепном подражании природе, изобразили ее такой, какая она есть, а не такой, какой она могла бы быть... [Encyclopédie, p. 315]³.

В этой статье мы постараемся сделать несколько предварительных замечаний о том, как русская письменная культура изменяла свое представление о фламандской живописи, и тем самым выйти за рамки жанра реального комментария к отдельным упоминаниям Метсю или ван дер Нера в литературе. Не пытаясь определить, насколько справедливы указания на эстетическое качество фламандской живописи, мы оценим их прагматику, а также установим возможные пути складывания языкового и мыслительного клише, которое представляют собой многочисленные апелляции к художникам-фламандцам. Для этого нами будет предпринята попытка реконструировать практики, сопутствующие восприятию живописного произведения в первой половине XIX в., и в общих чертах воссоздать способ бытования фламанд-

² В частности, Стасов неодобрительно высказывается о терминологии, используемой Луи Виардо. На страницах книги «Музеи Европы» Виардо, действительно, заявляет, что разделение фламандской и голландской школ живописи «не имеет никакого смысла и никакой пользы; более того, оно невозможно» [Viardot, p. 117] (аргументацию этой точки зрения см. далее).

³ Здесь и далее при отсутствии ссылки на русское издание перевод выполнен мной.

ского искусства в поле внимания отечественных литераторов, любителей изящного и читателей периодических изданий.

Воображаемые фламандцы

Один из героев романа А. Ф. Писемского «Тысяча душ» (1858), Бела-вин, рассказывая своей собеседнице о местах в Петербурге, где можно «эстетически» провести время, называет итальянскую оперу и Эрмитаж, главным богатством которого, по его представлениям, являются полотна Мурильо и картины фламандской школы [Писемский, с. 297]. Фламандское и голландское собрания действительно составляли важнейшую часть эрмитажной коллекции со времен Екатерины II (см. об этом в путеводителе 1859 г.: [Сомов, с. 83]). Тем не менее рядовые ценители изящных искусств испытывали затруднения с тем, чтобы взглянуть на оригиналы полотен Дау или Поттера: хорошо известно, что Эрмитаж был открыт для посетителей 5 февраля 1852 г.; до этого его живописные коллекции были доступны весьма ограниченному кругу лиц.

Картины фламандских живописцев можно было найти и едва ли не в каждой частной коллекции художеств, которые создавались в первой трети XIX в. на волне интереса к собиранию и экспонированию предметов искусства. «У кого же этого нет?» — равнодушно замечает еще одна героиня «Тысячи душ» о полотнах фламандской школы в собрании вице-губернатора [Писемский, с. 362]. Активно о частных коллекциях писал, например, П. П. Свинын, стремясь создать на страницах журнала «Отечественные записки» воображаемый «музеум», сокровищницу искусств, которая могла бы умножить славу Российской империи (см. об этом: [Вишленкова]). В 1820 г. Свинын составил подробный перечень московских частных собраний редкостей, библиотек и картинных галерей и описал их содержимое: так, из этих описаний следует, что полотна Тенирса, Поттера и Остаде были не редкостью в собраниях картин Н. Б. Юсупова, М. П. Голицына, А. С. Власова, А. С. Васильчикова и многих других коллекционеров [Свинын]⁴. В это же время утверждалась идея об открытости и публичности таких собраний: выражением этой идеи служило, например, создание первой общедоступной картинной галереи Голицынской больницы в Москве (1810–1817), фламандская коллекция которой также оживленно обсуждалась в прессе (см.: [Третьякова]).

⁴ Обладатели частных собраний и сами нередко каталогизировали их содержимое, стремясь словесным описанием произведения искусства создать эффект адекватности реальному перцептивному опыту. Одним из первых такой каталог составил гр. А. С. Строганов — еще один известный владелец коллекции картин фламандской школы (см.: [Stroganoff]).

Вместе с тем чтобы понимать, как работали фламандские художники, не обязательно было смотреть на оригиналы их полотен: визуальная «грамотность» образованного человека первой половины XIX в. формировалась множеством источников⁵. Одним из самых ранних изданий, посвященных картинам императорского собрания, была «Эрмитажная галерея» (1805–1809) Ф. И. Лабенского, украшенная гравюрами с известнейших картин Эрмитажа. Уже у Лабенского читатель находит знакомую по более поздним изданиям характеристику фламандской школы: «Живопись, столь часто занимавшаяся ничтожными предметами и посвящаемая одному увеселению глаз...» [Лабенский, т. 1, с. 5]. Своеобразным продолжением каталога Лабенского было описание предметов искусства в эрмитажной коллекции, составленное Г. Шницлером для «виртуальных» посетителей галереи⁶.

Из европейских изданий особую известность получил многотомный компендиум Ж. Дюшена и Э. А. Ревейля «Musée de peinture et de sculpture...» (1829–1834), содержащий биографические сведения о художниках, а также гравюры с их полотен, дополненные развернутыми словесными описаниями. Так, восьмой том «Музея живописи и скульптуры» (1830) содержит обширные сведения о Тенирсе, главным талантом которого признается здесь умение правдиво изображать «знакомые до банальности сцены из жизни фламандцев» [Duchesne, Réveil, p. 915], а любимым объектом изображения — «кермессы, или фламандские крестьянские праздники» [Ibid., p. 851]; в числе произведений Тенирса, сюжет, композиция и художественное задание которых описаны Дюшеном, — «Сельский праздник» («Fête de village»), «Курильщик» («Un fumeur») и др.

Аналогом справочника Дюшена и Ревейля в России явилась «Императорская Эрмитажная галерея» (1844–1847), еще до выхода из печати ставшая масштабным событием в сфере отечественного книгоиздания. П. Ф. Гойе-Дефонтену, стараниями которого этот проект был реализован, удалось предложить российской публике литографии прекрасного качества — при этом по весьма умеренной цене. Н. А. Некрасов назвал издание Гойе-Дефонтена «предприятием, художественнее которого (...) у нас ничего еще не бывало» [Некрасов, с. 113] и отдельно отметил его доступность — от 2 до 3 рублей серебром за тетрадь: «Дешевле этого быть не может!» [Там же]. Важным следствием дешевизны этого издания мыслилась свобода распространения знания о сокровищах Эрмитажа и создание воображаемого сооб-

⁵ См. об этом в связи с репрезентацией картин Сальватора Розы в английской романтической литературе: [Wordsworth, Jay, Woof, p. 90]; см. также на примере анализа экфрасиса в стихотворении А. С. Пушкина «Буря»: [Мазур].

⁶ О фламандской и голландской школах см. по указателю: [Schnitzler, p. 134–141].

щества любителей художеств, частью которого теперь могли стать и жители провинции [Некрасов, с. 130]⁷. Еще одной значимой для нас особенностью «Императорской Эрмитажной галереи» Гойе-Дефонтена было то, что она содержала немало литографий картин фламандской и голландской школ, описанных на французском и русском языках: «Дуо» («Le duo»), «Разговор наедине» («Le tête-à-tête flamande»), «Сельский праздник» («Fête de village»), «Старый музыкант» («Le vieux musicien») Тенирса; «Отдыхающее стадо» («La vache qui pisse»), «Сторожевая собака» («Le chien de garde»), «Белая лошадь» («Le cheval blanc»), «Молочница» («La laitière») Поттера; «Кухарка» («La cuisinière»), «Мотальщица» («La dévideuse»), «Читательница» («La liseuse») Дау; «Зима» («L'hiver»), «Голландский скрипач» («Le violon hollandais») Остаде и др.

Во второй половине 1820-х гг. к изданию литографий с картин фламандской школы из собрания Эрмитажа приступило Общество поощрения художников. Основная серия была закончена к 1831 г., отдельные же репродукции поступили в продажу в конце 1835 — начале 1836 г.; это были литографические копии с картин Тенирса («Деревенский праздник» И. С. Щедровского, «Деревенский музыкант» К. С. Осокина, «Сельский пейзаж» А. М. Калашникова). Сюжеты из жизни голландских крестьян пользовались большой популярностью, поэтому вскоре за фламандской серией последовали издания, содержащие уже оригинальные литографии («Сцены русского народного быта» с рисунками Щедровского, «Сцены из народной жизни» Р. К. Жуковского, «Знакомые» Н. А. Степанова и др.) (см.: [Мирослобова, с. 212–216, 219–225]).

Безусловно, популяризации фламандского искусства и «канонизации» способа мыслить о нем способствовало также распространение с 1830-х гг. массовой тиражной графики — недорогих политипажных изданий и, в частности, иллюстрированных справочников по всем областям знаний. К числу таких «энциклопедий в картинках» можно отнести «Картины света» А. Ф. Вельтмана и «Живописное обозрение» Н. А. Полевого. Оба издателя, по собственному признанию, ориентировались на аналогичные английские и французские сборники: в 1832 г. был опубликован первый номер английского «The Penny Magazine» (1832–1845), иллюстрированного еженедельника для рабочих; подобные издания выходили также во Франции («Le Magasin pittoresque» (1833–1938), «Le Magasin universel» (1833–1840)) и Германии («Das Heller-Magazin» (1834–1842)) (см. подробнее: [Грачева]); все они, в свою очередь, черпали сведения из авторитетных словарей,

⁷ См. об этом также в «Северной пчеле»: [Межевич].

к числу которых относится, например, знаменитый «Biographie universelle ancienne et moderne...», впервые увидевший свет в 1810–1820 гг. Стремясь упростить процесс издания, Вельтман и Полевой покупали готовые поли-типажи у зарубежных коллег, поэтому российские читатели имели возможность знакомиться с картинами из собрания Лувра или Лондонской национальной галереи, не выходя из дома. Так, в «Живописном обозрении», более богатом политипажами в целом, были опубликованы оттиски с таких картин фламандских живописцев, как «Точильщик» («Le rémouleur», «The Knife-grinder») Тенирса, «Курильщик» («Le fumeur», «The Smoker») Остаде, «Мать» («La mère», «Mother») Дау, «Мыльные пузыри» («Bulle de savon», «Soap Bubbles») Мириса и др.

Большой вес имели суждения о фламандской школе, высказанные в зарубежной журнальной периодике, в первую очередь французской, внимательно прочитываемой отечественными литераторами — в том числе авторами периодических изданий о художествах (Н. В. Кукольник, А. Н. Струговщиков и др.) и статей об искусстве в специализированных разделах толстых журналов (В. П. Гаевский, А. Н. Майков и др.). Так, имена фламандских художников нередко появляются на страницах «Journal des débats», где они фигурируют в рассуждениях о частных коллекциях картин или выставках французских художников. Например, в одном из фельетонов газеты за 1831 г. Дау, Тенирс, Терборх и другие фламандцы называются создателями «лучших руководств по подражанию природе» [Journal des débats 1831, p. 2]. Примечательно, что к концу 1830-х гг. упоминания представителей фламандской школы все чаще выступают в роли метафоры, позволяющей дать оценку писательской манере того или иного литератора. Таково, к примеру, суждение о современной французской поэзии, испытывающей влияние прозы и потому подобной полотнам Тенирса [Journal des débats 1835, p. 1]; см. также заметку Филарета Шаля о сходстве фламандской живописи и писательского стиля Ч. Диккенса: [Chasles 1839], а также позднейшие аналогичные упоминания фламандских художников (например, в связи с романом Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» [Journal des débats 1853, p. 3]). Постепенно так называемый фламандский стиль, постоянно обсуждаемый в прессе, становится настолько узнаваем, что для его обозначения хватает нескольких слов. Именно об этом, в сущности, пишет в фельетоне 1849 г. Жюль Жанен, рассуждая о неповторимом своеобразии манеры А. Дюма-сына, особенности изображения дуэлей в пьесах которого ярко свидетельствуют о принадлежности его воображению и перу — подобно тому, как кабаки и крестьянские праздники («les cabarets et les kermesses») на живописных полотнах являются знаком авторства Тенирса [Janin, p. 1].

Не последнюю роль в процессе формализации знания о типическом фламандском направлении в искусстве сыграли, как кажется, многочисленные, встречающиеся почти в каждом номере газеты объявления о продаже картин, в которых отсутствуют имена написавших их художников, но фигурируют названия живописных школ и формульные указания на сюжеты полотен («*intérieur d'un ménage / de cabaret*», «*paysans / kermesses*», «*buveurs / fumeurs*» — нередко с определением «*flamand(s)*»; то же самое в отечественной прессе).

Представляется, что названные здесь издания оказали не меньше влияния на формирование общей осведомленности о фламандском искусстве, чем специализированные книги о живописи на русском языке, подробно характеризующие национальное качество разных художественных школ и авторскую манеру отдельных их представителей, — хотя бы потому, что эти издания оказались в распоряжении российских читателей довольно поздно, уже во второй половине 1850-х гг. В первую очередь речь идет о книге А. Н. Андреева «Живопись и живописцы главнейших европейских школ» (1857), во многом ориентирующегося на комpendиум Дюшена—Ревейля и справочники А. Сире [Siret] и Л. Виардо [Viardot], а также о путеводителе «Картины Эрмитажа» (1859), составленном известным историком искусства А. И. Сомовым в жанре аннотированного каталога и предлагающем совершить уже не виртуальное, а реальное путешествие по залам Эрмитажа. Вместе с тем книги Андреева и Сомова полезны для нас тем, что аккумулируют повторяющиеся сведения из других источников, демонстрируя один из наиболее значимых изводов «фламандского канона».

Так, частью этого канона, несомненно, являлись некоторые факты из жизни фламандских живописцев, имевшие полулегендарный характер. Например, история о том, как Тенирс однажды расплатился за трактир средствами, которые были выручены им с продажи написанного за час портрета слепого флейтиста, получила распространение как в периодике (см.: [Литературная газета; *The Penny Magazine*, p. 258]), так и в энциклопедических изданиях (см.: [Biographie universelle, p. 141]) и отсюда перешла в позднюю искусствоведческую литературу (см.: [Андреев, с. 221–222]); большинство указанных здесь изданий в связи с этим сюжетом приводит также характерное прозвище Тенирса — «обезьяна искусства» (*Singe de la peinture*, *Ape of Painting*). Судя по всему, не менее известной была и легенда о том, как Дау потратил несколько дней на то, чтобы тщательно выписать на картине ручку метлы (см., например: [Живописное обозрение 1840, с. 34; Siret, p. 114; Гойе-Дефонтен, тетр. 28; Сомов, с. 122; Андреев, с. 264–265]).

Традицию мифологизации жизненного пути Тенирса остроумно описывает в повести «Прекрасный человек» (1840) И. И. Панаев. Ее персонаж молодой литератор Зет-Зет сочиняет драму с куплетами под заглавием «Давид Теньер, или Фламандские нравы»; драма ставится на сцене Александринского театра, но успеха не имеет. Показательно, что Панаев соединяет сюжетный ход популярной биографической легенды о Тенирсе с романтическим мотивом безумия художника, введение которого призвано выдать в Зет-Зете эпигонствующего графомана, бездумно воспроизводящего знакомые повествовательные клише:

— В первом акте я представил Теньера, списывающего копии с Тинторетто и Рубенса: он живет совершенно обеспеченный и, по-видимому, счастливый, но гений его не дает ему покоя: он мучится, сам не зная отчего, худеет, бледнеет... уж если человек болен душевно, то, заметьте, непременно и лицо его изменяется. К нему приходит заказывать один вельможа копию: он берется окончить ее в два дня; но душевная болезнь его в эти дни увеличивается, и он не может приняться за кисть. На третий день вельможа является за картиной, узнает, что Теньер еще не начал заказанной ему копии, кричит, сердится. Теньер говорит: «Так ждите же здесь, копия ваша через час будет готова!» — и с диким вдохновением схватывает кисть. Изумленный вельможа остается. Ровно через час копия, не уступающая оригиналу, готова. Вельможа осыпает Теньера похвалами и золотом и хочет взять копию, но Теньер в бешенстве выхватывает ее у него из рук, режет ножом и с диким хохотом выбегает из мастерской [Панаев, т. 2, с. 32–33]⁸.

Таким образом, жизнеописания наиболее известных представителей фламандской школы осмыслились как неотъемлемая часть их художественной программы. Следствием такого подхода к биографиям фламандских жанристов было то, что в критике и публицистике о них нередко писали так же, как и о персонажах их картин: фламандцы, как правило, «веселые и добродушные», «здоровые и сытые, навеселе, с трубкою в зубах, с забавным рассказом» [Живописное обозрение 1835, с. 122], «дикие и неуклюжие», «толстяки» [Дружинин 1988, с. 130] и т. п.

Этот краткий обзор, не претендуя на полноту, тем не менее позволяет установить некоторые закономерности распространения знания о произведениях фламандской школы, знакомство с которыми, несмотря на их ши-

⁸ Характерно, что спектакли о жизни известных художников действительно получили распространение на сценах европейских театров: например, в России была известна постановка о жизни Рубенса под названием «Страшный суд» («Рубенс в Мадриде, или Король и живописец») — выполненная В. А. Каратыгиным переделка исторической драмы Ш. Бирх-Пфейфер (Birch-Pfeiffer) «Rubens in Madrid», имевшая водевильный характер; премьера этой постановки состоялась 11 января 1843 г. на сцене Александринского театра (см.: [Дризен, с. 259–260]).

рокую представленность в частных и императорских картинных галереях, осуществлялось в первую очередь по разнообразным печатным изданиям. Так, фламандский канон, по всей видимости, утверждался благодаря каталогам картин, сборникам литографий и политипажей, современной периодике, а также изданиям энциклопедического или искусствоведческого толка, выстраивавшим повествование о фламандском искусстве не только на визуальном уровне, но и — преимущественно — средствами языка, за счет апелляции к воображению читателя. Примечательно, что полотна фламандской школы, составлявшие достояние многочисленных российских коллекций, едва ли казались отечественным литераторам более известными, чем картины, которые экспонировались в крупнейших европейских столицах. Так, вполне в беньяминовском духе, об этом пишет Некрасов: «...но надо признаться, что многие из нас до сей поры более обращают внимания на каждую гравюру, вышедшую в Париже, чем, например, на художественные сокровища, хранящиеся в Эрмитажной галерее...» [Некрасов, с. 145].

Слово о фламандцах

На наш взгляд, определение круга возможных иконографических и, в первую очередь, текстуальных источников, формирующих представление о фламандском характере в искусстве, позволяет остановить внимание на некоторых особенностях его репрезентации и описания. Так, следует признать, что многим авторам, высказывающимся по вопросам искусства или сравнивающим литературу с живописью, практически не свойственно обращение к сюжетам отдельных фламандских полотен, а также анализ художественных (особенно колористических) средств, использованных тем или иным живописцем. Фламандская школа чаще всего характеризуется литераторами обобщенно — нередко через короткое словесное обозначение, своего рода формулу, не всегда обладающую формальным постоянством, однако содержащую в себе устойчивый комплекс смыслов. Попробуем продемонстрировать это на нескольких примерах, не выделяя среди отзывов о фламандцах «положительные» и «отрицательные», но останавливая внимание на схемах рассуждения, лежащих в их основе.

Одной из наиболее расхожих в России и Европе формул фламандской живописи становятся «фламандские коровы»⁹ или «коровы Поттера». Впрочем, одна из коров, изображенная этим художником, получила особую

⁹ О коровах и овцах на картинах фламандских художников уже в 1819 г. пишет обозреватель газеты «Journal des débats», отмечая, впрочем, что выбор подобных сюжетов не делает чести порядочным пейзажистам [Journal des débats 1819, p. 1].

популярность: речь идет о картине 1649 г. из эрмитажного собрания, известной во Франции как «La vache qui pisse» и проходящей под менее красноречивыми названиями у отечественных знатоков живописи («Отдыхающее стадо» [Гойе-Дефонтен] или просто «Корова» [Сомов]). Несмотря на то что на этом полотне изображены «животные всех домашних пород, фотографически верно срисованных с натуры и написанных с крайней, но далекой от сухости окончательностью» [Сомов, с. 111], устоявшийся способ смотреть на него и строить о нем высказывание ограничивал фокус внимания зрителей одной суггестивной деталью картины. Например, у П. А. Вяземского в рассуждении о природе таланта Н. В. Гоголя читаем: «Смотрите на картины Теньера, на корову Поль Поттера и спросите после: как могло возвышенное искусство посвятить кисть свою на подобные предметы?..» [Вяземский, с. 149–150]; А. А. Фет в путевом очерке «Из-за границы» (1856), описывая картину Рембрандта «Похищение Ганимеда», хранящуюся в Дрезденской картинной галерее, отмечает, что младенца Ганимеда страх заставляет «делать то же самое, чем прославилась известная корова Поля Поттера (в нашем Эрмитаже)» [Фет, с. 32]¹⁰. Коров Поттера упоминает И. С. Тургенев в письме к Клоди Виардо от 14 (26) мая 1872 г.: «...я еще хочу сходить в Эрмитаж посмотреть его живописную коллекцию — и увижу, красивее ли коровы настоящего *Пауля Поттера*, чем моя» [Тургенев, с. 382]¹¹.

Другим общим местом во фламандской живописи могло считаться изображение мужиков, крестьян и — шире — так называемых естественных, если обращаться к языку Руссо, людей. Например, В. П. Гаевский в одном из обзоров выставки в Академии художеств проводит характерное сравнение персонажей Тенирса и Остаде с «разноплеменными типами» русских людей, или «русскими мужичками», к изучению которых следовало бы применить свою «наблюдательную кисть» художнику А. А. Риццони, чье «направление таланта» близко фламандской живописной манере [Гаевский, с. 77]. Аналогичное сравнение встречается и в одном из фельетонов А. В. Дружинина, где критик анализирует рассказ Вашингтона Ирвинга «Дольф Хейлигер» из сборника «Брейсбридж Холл» (1823) и указывает на сходство его героев — голландских поселенцев, «которые борются с могучей природой без пособий, доставляемых образованием и ассоциацией», — с персонажами картин фламандских жанристов. Дружинин относит их к числу «людей, которые не могут спать на своей постели и счастливы только тогда, если им приходится провести ночь под открытым небом, у костра, в виду широкой реки и ди-

¹⁰ О полемике вокруг картины Рембрандта см.: [Долинин, с. 179–184].

¹¹ По-видимому, имеется в виду картина из личного собрания писателя.

кого леса, в кругу болтливых товарищей-охотников» и противопоставляет их образованным европейцам, не знакомым с «поэзией кочующей жизни» и не ценящим «прелесть наблюдательности» [Дружинин 1865, с. 155–156].

Эта мысль доведена до предела у Н. А. Полевого, отметившего, что фламандская живопись известна «искусством изображать простую, грубую природу» [Живописное обозрение 1836, с. 79], и раскрывшего это утверждение в описании картины Тенирса «Точильщик»:

Имя *Теньера* напоминает того веселого, добродушного фламандца, который посвятил свои дарования и кисть свою изображениям фламандских *кермессов*, или деревенских праздников, свадьбам, разгулю, шалостям поселян, своих соотчичей. Корчма, гульба фламандцев, пьяные брабантские старики и веселые голландские старушки, пиво, трубка, волынка, пляска и ссора, которая кончится миром за последней кружкой пива, и за неспособностью соперников ни ссориться, ни шевелиться; проказы солдат, остановившихся на постое; трактир, кабак, с его застойкой, его облаками табачного дыма, карточным столом, шашечной доской; иногда семейная сцена — рождение, крещение, свадьба, игры детей — вот предметы, которые изображал Теньер, из которых создал он свой особенный род [Живописное обозрение 1835, с. 122]¹².

То, что казалось Полевому веселыми проказами и праздничным разгулем, называлось также «тусклой и будничной стороной существования», как в переведенной для «Современника» в 1849 г. повести Жюлья Сандо «Искатель приключений», содержащей характеристику «интимного» романа о частной жизни:

...надо вам знать, что интимный роман — самый низкий, самый простонародный род романа. Были ли вы в Нанте? (...) Без сомнения, вы заметили там картины фламандской школы; это большею частью сцены из домашней жизни или внутренности кухни. Ну, мой молодой друг, вот вам интимный роман: это существование с самой тусклой и будничной его стороны [Sandeau, p. 20–21; Сандо, с. 268–269].

Подобные трактовки фламандского искусства были так многочисленны, что в 1856 г. художественный критик В. В. Стасов дал гневную отповедь литераторам, упрекавшим голландских живописцев в неизбирательности и сводившим содержание их картин к изображению «кухни, или жареного гуся, или жирного пирога, или толстой кухарки» [Стасов, с. 35]. Рассуждения Стасова могли бы быть дополнены и другими примерами суженного представления о фламандской школе. Так, отсылки к ней появляются в случаях, когда прибегающий к ним автор относится к описываемому им предмету с покровительственной снисходительностью или иронией. Так выглядит

¹² См. политипаж с этой картины: [The Penny Magazine, p. 257].

сцена сватовства у М. Е. Салтыкова-Щедрина в повести «Жених» (1857), посвященной разоблачению провинциальных нравов:

Иван Павлыч сел подле невесты на диване, Порфирий Петрович расположился на кресле подле Ивана Павлыча, а Софья Григорьевна на диване же по другую сторону Тисочки. Таким образом, они представили из себя прелестнейшую семейную картину в фламандском вкусе [Салтыков-Щедрин, с. 45].

А так — эпизод знакомства с престарелыми родителями Каролины Павловой, описанный в литературных воспоминаниях И. И. Панаева:

Маменька была одета с немецкою аккуратностью и шепетильностью, в отлично сплюенном чепчике и в искусно гофрированном воротничке около шеи. Папенька в летнем пальто цвета небеленого батиста. Длинные серебряные его волосы, с тщательным пробором на середине головы, спускались до плеч. Эти две фигуры были точно сняты с какой-нибудь фламандской картины [Панаев, т. 6, с. 208–209].

Другие примеры формализованных сравнений в аналогичных контекстах дают также фельетон А.-О. Кювилье-Флери 1853 г. [Cuvillier-Fleury, p. 1] или повесть Л. Ф. Де Роберти «Трое» (1860) [Де Роберти, с. 170].

Следствием влияния классической риторической традиции следует, вероятно, признать тот факт, что характеристики фламандского искусства нередко строились на контрастном сравнении его с явлениями, выражающими, по мнению пишущего, противоположную мысль. Такие противопоставления были широко распространены во французской прессе. В 1839 г. Филарет Шаль сравнивает роман О. де Бальзака «Цезарь Бирото» с лицом, покрытым морщинами; разворачивая эту идею, критик использует ряд антитез в попытке определить значение того, что он называет «фламандской кистью» («le pinceau flamand»):

...эти морщины — великая заслуга портретов, написанных фламандской кистью. Бальзак считает их, раскапывает, выводит на поверхность, лелеет с отеческой заботой и любовью. До тех пор, пока на теле нашего современного общества будут бородавки, морщины, веснушки, неровности, складки, шрамы, у писателя, от которого мы отправляемся, не будет недостатка в произведениях. (...) Сможет ли г-н Бальзак, не свергая Декарта, не уничтожая Бэкона, довольствоваться ролью любознательного художника, рожденного для воспроизведения сцен, а не драм; случайных событий, а не закономерностей; непредсказуемых движений, а не торжества логики; волнений на водной глади, а не настоящей бури или штиля; он видел то, чего никто не видел; он слышал то, чего никто не слышал; это многого стоит [Chasles 1838].

Дружинин в 1850 г. ставит фламандскую школу живописи в оппозицию к «блестящим, ужасным, историческим» сюжетам и «увлекательным,

грандиозным» событиям, необходимым в беллетристических произведениях [Дружинин 1865, с. 341]. В том же духе отзывается о творчестве А. Е. Измайлова А. Д. Галахов, упоминая рядом с именем Тенирса классиков древнегреческой высокой поэзии: «Везде и во всем читатель увидит одно и то же: он увидит, что Измайлов не имел способности выражать нежное и величественное. Желая подчас показаться Анакреоном или Пиндаром, он всегда являлся Теньером» [Галахов, с. 69]. Полевой же противопоставляет «смешным рожам» фламандской живописи «идеал красоты, являемой Аполлоном Бельведерским» и добавляет, что фламандская живопись «есть то же в живописи, что волынка в музыке, задний двор при великолепных чертогах, пародия в Поэзии» [Живописное обозрение 1835, с. 202–203].

Система координат, в которой фламандская школа была противопоставлена «высокому» началу в искусстве, закреплялась эстетической теорией Г. Гегеля, получившей распространение в России со второй половины 1830-х гг., и в частности трактовкой, которую он дал фламандской (голландской в его терминологии) живописи [Hegel, p. 139, 144–147; Гегель, с. 89–90, 94–96]. Вместе с тем, вводя эту оппозицию, немецкий философ высказывался радикально иначе. Так, по Гегелю, как историческая и религиозная живопись, так и жанровые картины с изображением таверн и сельских праздников в равной степени отражают и одновременно оформляют голландский национальный характер. Более того: его воплощением на полотнах голландских художников служит не столько их содержание, которое оценивалось как «низкое» в категориях ранней эстетики, сколько использованные в них изобразительные средства, техника их исполнения [Гегель, с. 95]¹³.

Знакомство с этой концепцией Гегеля очевидно, например, у А. И. Герцена («От дикой, грозной фантазии ада и страшного суда до фламандской таверны с своим отвернувшимся мужиком, от Фауста до Фобласа, от Requiem'a до „Камаринской“ — все подлежит искусству...» [Герцен, с. 136]), однако еще глубже идею немецкого философа воспринял В. Г. Белинский, у которого сравнения писательского стиля с фламандской манерой письма являются уже не просто приемом, но частью критической программы. К положениям Гегеля Белинский прибегает, выстраивая аргументацию в защиту натуральной школы, «Ревизора» и «Мертвых душ» Гоголя, а также гоголевского — «теньеровского» — направления в целом:

...Мадонну и сцены мужиков, как ни различны эти явления, произвел один и тот же дух искусства (...) Рафаэль и Теньер оба художники и оба нашли содержание

¹³ О бытовании гегелевской теории в России см. в статье: [Стасов].

своих произведений в той же действительности, бесконечно разнообразной и всегда единой, как разнообразна и едина природа, как разнообразно и едино существо человека [Белинский, с. 248]¹⁴.

Вопрос снятия противоречия между «Рафаэлем и Теньером», или пушкинским и гоголевским направлениями в литературе, решался позднее и Дружининым, внимательным читателем Гегеля и Белинского. Исследователь его творчества А. М. Бройде показал, что если в статье «Русские в Японии» (1856) Дружинин был склонен относить Гончарова к пушкинскому направлению, то спустя несколько лет в статье о романе «Обломов» (1859) критик отметил способность писателя сочетать пушкинское и гоголевское начала, раньше казавшиеся Дружинину противоположными (см.: [Бройде, с. 403–405]). Представляется, что эволюцию взглядов критика удачно характеризует и его способ описания фламандской живописи. Значительную часть статьи о путевых заметках Гончарова Дружинин посвящает объяснению того, почему фламандское искусство не только не может быть презираемо за антиэстетизм, но и является «настоящей», «чистой» поэзией, обнаруживаемой в том, «что всеми считалось за безжизненную прозу» [Дружинин 1988, с. 129], — сознательно избранной стратегией видения и изображения мира, а не изъяном в его восприятии («Фламандцы все знали, все понимали и все-таки имели силу остаться фламандцами» [Там же, с. 130]). В рассуждениях же об «Обломове» Дружинин прибегает к другому типу аргументации: достоинством фламандской школы и Гончарова признается не только способность выражать чистую поэзию, подобно Челлини, Рафаэлю, Шекспиру или Пушкину, но и национальность, укорененность в окружающей действительности и усердие в ее постижении — то, за что Дружинин называет Гончарова реалистом, «достойным быть самой натуральной школы», при отсутствии «бесплодной и сухой натуральности» [Там же, с. 447].

Случаи Белинского и Дружинина, отличающиеся более глубоким осмыслением фламандского искусства и опорой на философское знание, безусловно, выделяются на общем фоне во многом случайных высказываний о фламандской школе, нередко решающих публицистическую задачу. Вместе с тем и у Белинского, и у Дружинина обращения к фламандцам выполняют вспомогательную функцию, потому что призваны включить пишущего в контекст спора о способах изображения действительности¹⁵. В этом смысле, на наш взгляд, совершенно не важно, приравнивается ли фламандский

¹⁴ Подробнее см., например: [Terras, p. 204–205].

¹⁵ Подробнее об этом в связи с формированием эстетических канонов «натуральной» школы см.: [Leblanc].

стиль к безжизненному натурализму или осмысляется как умение разглядеть поэзию в обыденном. В обоих случаях речь идет о художественном образе, которым опосредовано восприятие литературного произведения и действительности, — емкой метафоре, формуле или слове-сигнале, которые маркируют позицию автора по тому или иному вопросу и таким образом позволяют сократить промежуточные ходы мысли. Так, фламандская школа живописи может быть рассмотрена лишь как одна из подобных метафор: к их числу следует также отнести, например, дагерротип, образ которого с начала 1840-х гг. часто возникает в спорах о задачах искусства¹⁶.

Внешне разнообразные, несводимые к единому знаменателю способы обращения к фламандской живописи, распространенные вплоть до середины XIX в., к началу 1860-х гг. начинают унифицироваться, приобретая не только смысловую, но и формальную устойчивость, а затем и вовсе практически пропадают со страниц периодических изданий. Новое поколение литераторов — М. А. Антонович, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев, Н. Г. Чернышевский и др. — избирает способ оформления мысли, для которого почти не характерны живописные аллюзии, с намерением обеспечить читателю более прямой доступ к реальности. Примечательно, что вновь открывающиеся возможности для знакомства с оригиналами живописных произведений, охотно используемые литераторами-разночинцами¹⁷, оставляют их удивительно равнодушными к «эстетическому» языку описания.

Таким образом, «карандаш Теньера» действительно оказывается, по выражению Масальского, брошен в Лету: для того чтобы внимательно рассмотреть оставленный им след, русскому и — шире — европейскому наблюдателю потребуется немало времени; пока же, в первой половине XIX в., представление о фламандской школе живописи имеет преимущественно словесную природу и определяется воспроизводимыми описательными стратегиями, которые мы постарались показать в этой статье.

¹⁶ См. подробнее: [Вожик]; о смежности понятий «фламандская школа» и «дагерротипизм» пишет также М. Брансон в книге «Russian Realisms»: [Brunson, p. 51].

¹⁷ Н. А. Добролюбов рассказывает родным о своих «эрмитажных» впечатлениях в письме от 6 января 1854 г.: пораженный богатством эрмитажной коллекции, он признается, что об этих «дивных» произведениях «никакого понятия не дает ни печатный эстамп, ни мертвая ученическая копия, каких несколько случилось нам видеть в прежнее время» [Добролюбов, с. 92]. Подобным образом фиксирует свои впечатления от увиденного в Эрмитаже Д. И. Писарев, который 5 мая 1852 г. сообщает матери, что ему наконец удалось увидеть картины, с которыми он был раньше знаком только по описаниям [Писарев, с. 51].

Литература

- Андреев — Живопись и живописцы главнейших европейских школ: Настольная книга для любителей изящных искусств / Сост. по лучшим соврем. изд. А. Н. Андреевым. СПб.: Изд. М. О. Вольфа, 1857. 580 с.
- Белинский — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 10. 474 с.
- Бройде — *Бройде А. М. А. В. Дружинин: Жизнь и творчество.* Copenhagen: Rosenkilde & Bagger, 1986. 533 с.
- Вельтман — *Вельтман А. Ф.* Картины света: Энциклопедический живописный альманах на 1836 г.: В 2 ч. М.: Тип. С. Селивановского, 1837. Ч. 2. 452 стб.
- Вишленкова — *Вишленкова Е. А.* Виртуальный «музеум» Павла Свинына — забытая сокровищница русского искусства // История и историческая память. 2011. № 3. С. 108–120.
- Власова — *Власова О. В.* Частное коллекционирование русской гравюры и литографии в России в конце XVIII — начале XX в.: Дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2004. 217 с.
- Вожик — *Вожик Е. И.* «Псевдорреализм» и «дагерротипизм»: к вопросу о языке литературной критики рубежа 1840–1850-х гг. // Текстология и историко-литературный процесс: VII Международная конференция молодых исследователей: Сб. ст. М.: Буки Веди, 2018. С. 62–76.
- Вяземский — *Вяземский П. А.* Сочинения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. 383 с.
- Гаевский — [*Гаевский В. П.*] Выставка в Имп. Академии художеств. Октябрь, 1849 // Современник. 1849. № 11. Отд. II. С. 58–84.
- Газиева — *Газиева К. Т.* «Фламандской школы пестрый сор» в контексте романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Методология, теория и практика в современной филологии, культурологии, искусствоведении, истории: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: Центр содействия развитию научных исследований, 2013. С. 98–105.
- Галахов — [*Галахов А. Д.*] Сочинения Измайлова (Александра Ефимыча). Издание Смирдина // Современник. 1850. № 10. Отд. III. С. 53–100.
- Гегель — Курс эстетики, или Наука изящного. Сочинение В. Ф. Гегеля: [В 3 ч.] / Пер. В. Модестов. СПб.: Тип. В. Полякова, 1847. Ч. 1. 217 с.
- Герцен — *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 16. 529 с.
- Гоголь — *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 3. 728 с.
- Гойе-Дефонтен — Императорская Эрмитажная галерея, литографированная лучшими артистами Франции / Изд. П. Ф. Гойе-Дефонтен и П. Пети. СПб.: Тип. М. Ольхина; Тип. А. А. Плюшара, 1844–1847. Тетр. 1–30.
- Гончаров — *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. 832 с.
- Грачева — *Грачева А. А.* «Картины света» А. Ф. Вельтмана — опыт издания энциклопедического живописного альманаха (1836–1837) // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения — 2021): Сб. науч. трудов 21-й конференции. СПб.: СПбГУПТД, 2022. С. 26–30.
- Данилов — *Данилов В.* Мелочи литературного прошлого // Русский архив. 1915. Вып. 2. С. 159–170.
- Де Роберти — [*Де Роберти Л. Ф.*] Трое: Повесть // Современник. 1860. № 1. Отд. I. С. 33–176 (подпись: П. Волгонский).

- Добролюбов — *Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 9 т. М.; Л.: Худож. лит., 1964. Т. 9. 724 с.
- Долинин — *Долинин А. А.* Путешествие по «Путешествию в Арзрум». М.: Новое издательство, 2023. 308 с.
- Доманский — *Доманский В. А.* «Теньеризм» в творчестве русских писателей (1790–1840) // Евгений Александрович Маймин и его время: Материалы Междунар. науч. конф. Псков: ПсковГУ, 2017. С. 163–168.
- Дризен — *Дризен Н. В.* Драматическая цензура двух эпох, 1825–1881 / [Авт. вступ. ст., примеч., указ. Е. Г. Федяхина]. СПб.: Чистый лист, 2017. Ч. 1. 365 с.
- Дружинин 1865 — *Дружинин А. В.* Собр. соч.: В 8 т. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1865. Т. 6. 814 с.
- Дружинин 1988 — *Дружинин А. В.* Прекрасное и вечное. М.: Современник, 1988. 543 с.
- Живописное обозрение 1835 — Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития. М.: Тип. А. Семена, 1835. Т. 1. 396 с.
- Живописное обозрение 1836 — Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития. М.: Тип. А. Семена, 1836. Т. 2. 396 с.
- Живописное обозрение 1840 — Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития. М.: Тип. А. Семена, 1840. Т. 6. 396 с.
- Измайлов — Сочинения Измайлова (Александра Ефимовича): [В 2 т.] СПб.: Тип. экспедиции заготовления государственных бумаг, 1849. 740 с.
- Лабенский — Эрмитажная галерея, гравированная штрихами с лучших картин, одну составляющих: В 2 т. / Изд. Ф. И. Лабенским. СПб.: Тип. Шнора, 1805. Т. 1. 42 с.; Т. 2. 43 с.
- Литературная газета — Смесь // Литературная газета. 1831. № 32. С. 262.
- Лотман — *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Искусство—СПб, 1995. С. 472–762.
- Мазур — *Мазур Н. Н.* «Ты видел деву?»: Поэтика и психология романтического экфрасиса // Русская литература. 2018. № 3. С. 141–153.
- Масальский 1829 — *Масальский [К. П.]* Картина Петергофа // Сын отечества и Северный архив. 1829. Т. 8, № 48. С. 119.
- Масальский 1831 — Сочинения, переводы и подражания, в стихах. Константина Масальского. СПб.: Тип. Имп. Рос. академии, 1831. 93 с.
- Межевич — *Межевич В. [С.]* Смесь. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1844. № 118, 27 мая. С. 1–3.
- Миролюбова — *Миролюбова Г. А.* Русская литография, 1810-е — 1890-е годы: Очерки истории, мастера, печатные центры, издательства. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 303 с.
- Некрасов — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб.: Наука, 1995. Т. 12, кн. 1. 506 с.
- Омулевский — *Омулевский [И. В.]* Без крова, хлеба и красок: Очерк из мира забытых талантов // Художественный журнал. 1883. Т. 5, № 3. С. 157–171.
- Панаев — *Панаев И. И.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Изд. В. М. Саблина, 1912. Т. 2. 523 с.; Т. 6. 447 с.
- Писарев — *Писарев Д. И.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М.: Наука, 2012. Т. 11. 597 с.

- Писемский — *Писемский А. Ф.* Собр. соч.: В 9 т. М.: Правда, 1959. Т. 3. 479 с.
- Плюшар — Энциклопедический лексикон: В 17 т. СПб.: Тип. А. Плюшара, 1836. Т. 7. 622 с.
- Пушкин — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 6. 700 с.
- Рублева — *Рублева Л. И.* Василий Нарежный и Давид Теньер: К вопросу о том, как изображать «низкую действительность» // Филологический журнал. 2016. № 21. С. 35–38.
- Салтыков-Щедрин — *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1966. Т. 4. 611 с.
- Сандо — *Сандо Ж.* Искатель приключений: Роман // Современник. 1849. № 8. Отд. I. С. 259–402.
- Свиньин — [*Свиньин П. П.*] Первое письмо из Москвы: Частные библиотеки, галереи, разные кабинеты и русские художники // Отечественные записки. 1820. Ч. 1, № 1. С. 59–83; № 2. С. 195–238 (подпись: П. С.).
- Сомов — Картины Эрмитажа: Для посетителей этой галереи сост. А. [И.] Сомов. СПб.: Тип. А. Якобсона, 1859. 179 с.
- Старчевский — Справочный энциклопедический словарь: В 12 т. / Под ред. А. В. Старчевского. СПб.: Тип. К. Крайя, 1848. Т. 10. 692 с.
- Стасов — *Стасов В. В.* О голландской живописи: По поводу статьи г. М. Д. М. в «Русской беседе» 1856 г. (книжка I) // Стасов В. В. Избранные сочинения: В 3 т. М.: Искусство, 1952. Т. 1. С. 31–36.
- Третьякова — *Третьякова Н. Е.* От Картинной галереи Голицынской больницы до Голицынского музея на Волхонке: Художественные собрания князей Голицыных второй половины XVIII — XIX в.: Дис. ... канд. искусствоведения. М., 2005. 188 с.
- Тургенев — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1999. Т. 11: Письма. 614 с.
- Фет — *Фет А. А.* Соч. и письма: В 20 т. СПб.: Фолио-Пресс-Антон, 2007. Т. 4. 555 с.
- Biographie universelle — *Biographie universelle ancienne et moderne: histoire par ordre alphabétique de la vie publique et privée de tous les hommes qui se sont fait remarquer par leurs écrits, leurs actions, leurs talents, leurs vertus ou leurs crimes.* Nouvelle éd. Paris: Chez madame C. Desplaces; Leipzig: Librairie de F. A. Brockhaus, 1843. Т. 41: Tarabolous–Tory. 714 p.
- Brunson — *Brunson M.* Russian Realisms: Literature and Painting, 1840–1890. DeKalb: NIU Press, 2016. 263 p.
- Chasles 1838 — *Chasles Ph.* Variétés // Journal des débats. 1838. 30 janvier. P. 3.
- Chasles 1839 — *Chasles Ph.* Variétés // Journal des débats. 1839. 21 novembre. P. 3.
- Cuvillier-Fleury — *Cuvillier-Fleury [A. A.]* Feuilleton du Journal des débats // Journal des débats. 1853. 28 août. P. 1–2.
- Duchesne, Réveil — Musée de peinture et de sculpture, ou Recueil des principaux tableaux, statues et bas-reliefs des collections publiques et particulières de l'Europe, avec des notices descriptives, critiques et historiques par Duchesne aîné; dessiné et gravé à l'eau forte par Réveil: En 16 vol. Paris: Chez Audot, 1830. Vol. 8. 550 p.
- Encyclopédie — *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers.* Paris: Chez Briasson, David l'aîné, Le Breton, Durand, 1755. Т. 5. 1012 p.
- Hegel — Cours d'esthétique, par W.-Fr. Hegel, analysé et traduit en partie par M. Ch. Bernard. Paris: Chez Aimé André, 1840. Première partie. 348 p.

- Janin — [Janin J.] Feuilleton du Journal des débats // Journal des débats. 1849. 26 novembre. P. 1–3.
- Journal des débats 1819 — France // Journal des débats. 1819. 18 février. P. 1–2.
- Journal des débats 1831 — D. Beaux-arts // Journal des débats. 1831. 26 mai. P. 1–3.
- Journal des débats 1835 — L.-V. Théâtre français // Journal des débats. 1835. 21 octobre. P. 1–2.
- Journal des débats 1853 — Paris // Journal des débats. 1853. 19 janvier. P. 2–3.
- Leblanc — *Leblanc Ronald D.* Teniers, Flemish Art, and the Natural School Debate. *Slavic Review*. 1991. № 50 (3). P. 576–589.
- Sandeau — *Sandeau J.* La chasse au Roman. Bruxelles: Meline, Cans et compagnie, 1849. 224 p.
- Schnitzler — [Schnitzler G. H.] Notice sur les principaux tableaux au Musée Impérial de l'Ermitage à Saint-Pétersbourg. Saint-Pétersbourg: Chez J. Brieff, 1828. 156 p.
- Siret — Dictionnaire historique des peintres de toutes les écoles depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours, par A. Siret. Bruxelles: Librairie encyclopédique de Périchon, 1848. 527 p.
- Stroganoff — Catalogue raisonné des tableaux qui composent la collection du comte A. de Stroganoff. Saint-Pétersbourg: De l'Imprimerie impériale, 1793. 84 p.
- Terras — *Terras V.* Belinskij and Russian Literary Criticism. Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1974. 305 p.
- The Penny Magazine — Teniers // The Penny Magazine of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge. 1834. № 145. July 5. P. 257–258.
- Viardot — Les musées d'Europe / Éd. par L. Viardot. Paris: Chez L. Maison, 1855. 512 p.
- Wordsworth, Jay, Woof — *Wordsworth J., Jay M. C., Woof R.* William Wordsworth and the Age of English Romanticism. New Brunswick; London: Rutgers University Press, 1987. 261 p.

References

- Andreev, A. N., ed. (1857). *Zhivopis' i zhivopistsy glavneishikh evropeiskikh shkol: Nastol'naya kniga dlya lyubitel'nykh izyashchnykh iskusstv*. Saint Petersburg: Izdanie M. O. Vol'fa, 580 p.
- Belinskii, V. G. (1956). *Polnoe sobranie sochinenii*. 13 vols. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 10, 474 p.
- Broide, A. M. (1986). A. V. Druzhinin: *Zhizn' i tvorchestvo*. Copenhagen: Rosenkilde & Bagger, 533 p.
- Brunson, M. (2016). *Russian Realisms: Literature and Painting, 1840–1890*. DeKalb: NIU Press, 263 p.
- Chasles, Ph. (1838). 'Variétés', *Journal des débats* (Paris), 30 janvier, 3.
- Chasles, Ph. (1839). 'Variétés', *Journal des débats* (Paris), 21 novembre, 3.
- Cuvillier-Fleury, [A. A.] (1853). 'Feuilleton du Journal des débats', *Journal des débats* (Paris), 28 août, 1–2.
- D. (1831). 'Beaux-arts', *Journal des débats* (Paris), 26 mai, 1–3.
- Danilov, V. (1915). 'Melochi literaturnogo proshlogo', *Russkii arkhiv* (Moscow), 2, 159–170.
- [De Roberti, L. F.] (1860). 'Troë. Povest'', *Sovremennik* (Saint Petersburg), 1, Otdelenie I, 33–176.
- Diderot, D., D'Alembert, J., eds. (1755). *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. Paris: Chez Briasson, David l'aîné, Le Breton, Durand. Vol. 5, 1012 p.

- Dobrolyubov, N. A. (1964). *Sobranie sochinenii*. 9 vols. Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 9, 724 p.
- Dolinin, A. A. (2023). *Puteshestvie po «Puteshestviyu v Arzrum»*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 308 p.
- Domanskii, V. A. (2017). '«Ten'erizm» v tvorchestve russkikh pisatelei (1790–1840)', in: *Evgenii Aleksandrovich Maimin i ego vremya: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Pskov: Izdatel'stvo Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 163–168.
- Drizen, N. V., Fedyakhina, E. G., eds. (2017). *Dramaticheskaya tsenzura dvukh epokh, 1825–1881*. Saint Petersburg: Chisty list. Vol. 1, 365 p.
- Druzhinin, A. V. (1865). *Sobranie sochinenii*. 8 vols. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 6, 814 p.
- Druzhinin, A. V. (1988). *Prekrasnoe i vechnoe*. Moscow: Sovremennik, 543 p.
- Duchesne, J., Réveil, E. A. (1830). *Musée de peinture et de sculpture, ou Recueil des principaux tableaux, statues et bas-reliefs des collections publiques et particulières de l'Europe, avec des notices descriptives, critiques et historiques par Duchesne aîné; dessiné et gravé à l'eau forte par Réveil*. 16 vols. Paris: Chez Audot. Vol. 8, 550 p.
- Fet, A. A. (2007). *Sochineniya i pis'ma*. 20 vols. Saint Petersburg: Folio-Press-Anton. Vol. 4, 555 p.
- 'France' (1819). *Journal des débats* (Paris), 18 février, 1–2 [unsigned].
- [Gaevskii, V. P.] (1849). 'Vystavka v Imperatorskoi Akademii khudozhestv. Oktyabr', 1849', *Sovremennik* (Saint Petersburg), 11, Otdelenie II, 58–84.
- [Galakhov, A. D.] (1850). 'Sochineniya Izmailova (Aleksandra Efimycha). Izdanie Smirdina', *Sovremennik* (Saint Petersburg), 10, Otdelenie III, 53–100.
- Gazieva, K. T. (2013). '«Flamandskoi shkoly pestryi sor» v kontekste romana v stikhakh A. S. Pushkina «Evgenii Onegin»', in: *Metodologiya, teoriya i praktika v sovremennoi filologii, kul'turologii, iskusstvedenii, istorii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Novosibirsk: Tsent sodeistviya razvitiyu nauchnykh issledovaniy, 98–105.
- Gegel', V. F. (1847). *Kurs estetiki, ili Nauka izyashchnogo*. Saint Petersburg: Tipografiya V. Polyakova. Vol. 1, 217 p.
- Gertsen, A. I. (1959). *Sobranie sochinenii*. 30 vols. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 16, 529 p.
- Gogol', N. V. (1938). *Polnoe sobranie sochinenii*. 14 vols. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 3, 728 p.
- Goie-Defonten, P. F., ed. (1844–1847). *Imperatorskaya Ermitazhnaya galereya, litografirovannaya luchshimi artistami Frantsii*. 30 vols. Saint Petersburg: Tipografiya M. Ol'khina; Tipografiya A. A. Plyushara.
- Goncharov, I. A. (1997). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 20 vols. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 1, 832 p.
- Gracheva, A. A. (2022). '«Kartiny sveta» A. F. Vel'tmana — opyt izdaniya entsiklopedicheskogo zhivopisnogo al'manakha (1836–1837)', in: *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskie chteniya — 2021): Sbornik nauchnykh trudov 21-i konferentsii*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta promyshlennykh tekhnologii i dizaina, 26–30.
- Hegel, W.-Fr. (1840). *Cours d'esthétique, par W.-Fr. Hegel, analysé et traduit en partie par M. Ch. Benard*. Paris: Chez Aimé André. Part. 1, 348 p.

- Izmailov, A. E. (1849). *Sochineniya Izmailova (Aleksandra Efimovicha)*. Saint Petersburg: Tipografiya ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 740 p.
- [Janin, J.] (1849). 'Feuilleton du Journal des débats', *Journal des débats* (Paris), 26 novembre, 1–3.
- L.-V. (1835). 'Théâtre français', *Journal des débats* (Paris), 21 octobre, 1–2.
- Labenskii, F. I., ed. (1805). *Ermitazhnaya galereya, gravirovannaya shtrikhami s luchshikh kartin, onuyu sostavlyayushchikh*. 2 vols. Saint Petersburg: Tipografiya Shnora. Vol. 1, 42 p.; Vol. 2, 43 p.
- Leblanc, Ronald D. (1991). 'Teniers, Flemish Art, and the Natural School Debate', *Slavic Review*, 50 (3), 576–589.
- Lotman, Yu. M. (1995). 'Roman A. S. Pushkina «Evgenii Onegin»: Kommentarii', in: *Pushkin: Biografiya pisatelya; Stat'i i zametki, 1960–1990; «Evgenii Onegin»: Kommentarii*. Saint Petersburg: Iskusstvo–SPB, 472–762.
- Masal'skii, [K. P.] (1829). 'Kartina Petergofa', *Syn otechestva i Severnyi arkhiv* (Saint Petersburg), 48, 119.
- Masal'skii, K. P. (1831). *Sochineniya, perevody i podrazhaniya, v stikhakh. Konstantina Masal'skogo*. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Rossiiskoi akademii, 93 p.
- Mazur, N. N. (2018). '«Ty videl devu?»: poetika i psikhologiya romanticheskogo ekfrasisa', *Russkaya literatura* (Saint Petersburg), 3, 141–153.
- Mezhevich, V. [S.] (1844). 'Smes'. Zhurnal'naya vsyakaya vsyachina', *Severnaya pchela* (Saint Petersburg), 118, 27 may, 1–3.
- Michaud, L.-G., ed. (1843). *Biographie universelle ancienne et moderne: histoire par ordre alphabétique de la vie publique et privée de tous les hommes qui se sont fait remarquer par leurs écrits, leurs actions, leurs talents, leurs vertus ou leurs crimes. Nouvelle éd.* Paris: Chez madame C. Desplaces; Leipzig: Librairie de F. A. Brockhaus. Vol. 41: Tarabolous–Tory, 714 p.
- Mirolyubova, G. A. (2006). *Russkaya litografiya. 1810-e — 1890-e gody: Ocherki istorii, mas-tera, pechatnye tsentry, izdatel'stva*. Moscow: Zakrytoe aktsionernoe obshchestvo «Tsentrpoligraf», 303 p.
- Nekrasov, N. A. (1995). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 15 vols. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 12 (1), 506 p.
- Omulevskii, [I. V.] (1883). 'Bez krova, khleba i krasok. Ocherk iz mira zabitykh talantov', *Khudozhestvennyi zhurnal* (Saint Petersburg), Vol. 5, 3, 157–171.
- Panaev, I. I. (1912). *Sobranie sochinenii*. 6 vols. Moscow: Izdatel'stvo V. M. Sablina. Vol. 2, 523 p.; Vol. 6, 447 p.
- 'Paris', *Journal des débats* (Paris), 1853, 19 janvier, 2–3 [unsigned].
- Pisarev, D. I. (2012). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 12 vols. Moscow: Nauka. Vol. 11, 597 p.
- Pisemskii, A. F. (1959). *Sobranie sochinenii*. 9 vols. Moscow: Pravda. Vol. 3, 479 p.
- Plyushar, A. A. (1836). *Entsiklopedicheskii leksikon*. 17 vols. Saint Petersburg: Tipografiya A. Plyushara. Vol. 7, 622 p.
- Polevoi, N. A., ed. (1835). *Zhivopisnoe obozrenie dostopamyatnykh predmetov iz nauk, iskusstv, khudozhestv, promyshlennosti i obshchezhitiiya*. 9 vols. Moscow: Tipografiya A. Semena. Vol. 1, 396 p.
- Polevoi, N. A., ed. (1836). *Zhivopisnoe obozrenie dostopamyatnykh predmetov iz nauk, iskusstv, khudozhestv, promyshlennosti i obshchezhitiiya*. 9 vols. Moscow: Tipografiya A. Semena. Vol. 2, 396 p.

- Polevoi, N. A., ed. (1840). *Zhivopisnoe obozrenie dostopamyatnykh predmetov iz nauk, iskusstv, khudozhestv, promyshlennosti i obshchezhitiiya*. 9 vols. Moscow: Tipografiya A. Semena. Vol. 6, 396 p.
- Pushkin, A. S. (1937). *Polnoe sobranie sochinenii*. 16 vols. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 6, 700 p.
- Rubleva, L. I. (2016). 'Vasilii Narezhnii i David Ten'er: K voprosu o tom, kak izobrazhat' «nizkuyu deistvitel'nost'», *Filologicheskii zhurnal* (Yuzhno-Sakhalinsk), 21, 35–38.
- Saltykov-Shchedrin, M. E. (1966). *Sobranie sochinenii*. 20 vols. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 4, 611 p.
- Sandeau, J. (1849). *La chasse au Roman*. Bruxelles: Meline, Cans et compagnie, 224 p.
- Sandeau, J. (1849). 'Iskatel' priklyuchenii. Roman', *Sovremennik* (Saint Petersburg), 8, Ot-delenie I, 259–402.
- [Schnitzler, G. H.] (1828). *Notice sur les principaux tableaux au Musée Impérial de l'Ermitage à Saint-Pétersbourg*. Saint Pétersbourg: Chez J. Brieff, 156 p.
- Siret, A., ed. (1848). *Dictionnaire historique des peintres de toutes les écoles depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours, par A. Siret*. Bruxelles: Librairie encyclopédique de Périchon, 527 p.
- 'Smes'' (1831), *Literaturnaya gazeta* (Saint Petersburg), 32, 262 [unsigned].
- Somov, A. I. (1859). *Kartiny Ermitazha*. Saint Petersburg: Tipografiya A. Yakobsona, 179 p.
- Starchevskii, A. V., ed. (1848). *Spravochnyi entsiklopedicheskii slovar'*. 12 vols. Saint Petersburg: Tipografiya K. Kraiia. Vol. 10, 692 p.
- Stasov, V. V. (1952). 'O gollandskoi zhivopisi. Po povodu stat'i g. M. D. M. v «Russkoi besede» 1856 g. (knizhka I)', in: Stasov, V. V. *Izbrannye sochineniya*. 3 vols. Moscow: Iskusstvo. Vol. 1, 31–36.
- Stroganoff, A. S. (1793). *Catalogue raisonné des tableaux qui composent la collection du comte A. de Stroganoff*. Saint Pétersbourg: De l'Imprimerie imperiale, 84 p.
- [Svin'in, P. P.] (1820). 'Pervoe pis'mo iz Moskvy. Chastnye biblioteki, galerei, raznye kabinety i russkie khudozhniki', *Otechestvennye zapiski* (Saint Petersburg), 1, 59–83; 2, 195–238.
- 'Teniers', *The Penny Magazine of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge* (London), 1834, 145, July 5, 257–258.
- Terras, V. (1974). *Belinskij and Russian Literary Criticism*. Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 305 p.
- Tret'yakova, N. E. (2005). *Ot Kartinnoi galerei Golitsynskoi bol'nitsy do Golitsynskogo muzeya na Volkhonke: Khudozhestvennye sobraniya knyazei Golitsynykh vtoroi poloviny XVIII — XIX vekov: Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata iskusstvovedeniya*. Moscow, 188 p.
- Turgenev, I. S. (1999). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 30 vols. Moscow: Nauka. Vol. 11: Pis'ma, 614 p.
- Vel'tman, A. F. (1837). *Kartiny sveta: Entsiklopedicheskii zhivopisnyi al'manakh na 1836 god*. 2 vols. Moscow: Tipografiya S. Selivanovskogo. Vol. 2, 452 col.
- Viardot, L., ed. (1855). *Les musées d'Europe*. Paris: Chez L. Maison, 512 p.
- Vishlenkova, E. A. (2011). 'Virtual'nyi «muzeum» Pavla Svin'ina — zabytaya sokrovishchnitsa russkogo iskusstva', *Istoriya i istoricheskaya pamyat'* (Saratov), 3, 108–120.
- Vlasova, O. V. (2004). *Chastnoe kollekcionirovanie russkoi graviry i litografii v Rossii v kontse XVIII — nachale XX veka. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata iskusstvovedeniya*. Saint Petersburg, 217 p.

- Vozhik, E. I. (2018). '«Pseudorealizm» i «dagerrotipizm»: k voprosu o yazyke literaturnoi kritiki rubezha 1840–1850-kh godov', in: *Tekstologiya i istoriko-literaturnyi protsess: VII Mezhdunarodnaya konferentsiya molodykh issledovatelei*. Moscow: Buki Vedi, 62–76.
- Vyazemskii, P. A. (1982). *Sochineniya*. 2 vols. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 2, 383 p.
- Wordsworth, J.; Jay, M. C.; Woof R. (1987). *William Wordsworth and the Age of English Romanticism*. New Brunswick; London: Rutgers University Press, 261 p.

Р. Е. Тубылевич

ОБРАЗ ХАНШИ ТАЙДУЛЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ В. А. ЛЕБЕДЕВА «ИСКУПЛЕНИЕ»

Резюме

В статье автор анализирует образ Тайдулы, жены хана Мухаммеда Узбека, в романе В. А. Лебедева «Искупление» с точки зрения привлекаемых источников и приемов их интерпретации. Для достижения цели реализуются следующие задачи. Во-первых, с опорой на исторические и филологические труды изучается образ Тайдулы в русских летописях, восточных сочинениях и фольклорных преданиях. Во-вторых, кратко анализируется рецепция ее образа в русских исторических романах второй половины XX в. (М. Д. Каратеева, М. А. Рапова, Д. М. Балашова и В. Д. Афиногенова). В-третьих, проводится исследование художественной интерпретации образа Тайдулы в романе В. А. Лебедева. Применяя метод сравнительно-сопоставительного анализа, автор статьи приходит к следующим выводам. Главным источником для писателя стала летописная легенда об исцелении Тайдулы от слепоты на финальном этапе ее складывания в варианте, представленном в Никоновской летописи и Степенной книге. Пересказывая эпизоды этого сюжета в детском воспоминании князя Дмитрия Донского, В. А. Лебедев выделяет самые яркие, памятные для ребенка детали и объясняет символические подробности слухами очевидцев. Он дополняет сюжет об исцелении ханши вымышленной «генеалогией», согласно которой Тайдула является наполовину русской. Ход мысли автора, объясняющего благодеяния татарской ханши ее происхождением, находит параллели в предании, записанном в мемуарах известного географа и путешественника П. П. Семенова-Тян-Шанского, в русском фольклоре. Все это оказывает влияние на смену акцентов в легенде об исцелении и усиливает роль Тайдулы как защитницы русских земель в романе.

Ключевые слова: В. А. Лебедев, «Искупление», исторический роман, древнерусское историческое повествование, рецепция образов и мотивов, Тайдула, митрополит Алексей

Ruslana E. Tubylevich

THE IMAGE OF TAIDULA, THE KHAN'S WIFE, IN VASILIIY LEBEDEV'S HISTORICAL NOVEL *EXPIATION*

Abstract

This article employs the method of source criticism to analyze the image of Taidula, wife of Muhammad Uzbek, who was khan of the Golden Horde, in Vasiliiy Lebedev's historical novel *Expiation*. Building upon historical and philological research, the author studies the image of Taidula as it is found in Russian chronicles, oriental writings and folklore. The author then briefly analyzes the reception of this image in some Russian historical novels of the second half of the 20th century, including works by Mikhail Karateev, Mikhail Rapov, Dmitriy Balashov, and Vladimir Afinogenov. The article concludes with an investigation of the artistic interpretation of the image of Taidula in Vasiliiy Lebedev's novel. Using the method of comparative analysis, the author establishes that the main source for the writer was the chronicle legend about Taidula's healing from blindness that is found in the Nikon Chronicle and The Book of Degrees (Stepennaia kniga). In his retelling of the plot, Vasiliiy Lebedev focuses on the most vivid and memorable details from Prince Dmitry Donskoy's childhood memories. He explains the symbolic details using eyewitness accounts and supplements the story of the healing of the khan's wife with a fictional genealogy in which Taidula appears as a half-Russian. The legend of healing, which highlights Taidula's role as a defender of the Russian lands, finds parallels in the memoirs of the famous geographer and traveler Petr Semenov-Tyan-Shansky as well as in the plots of Russian folklore. The author's attempt to link the charitable deeds of the Tatar khan's wife to her origin contributes to the shift in the perception of her role.

Keywords: Vasiliiy A. Lebedev, *Expiation*, historical novel, Ancient Russian historical narration, reception of images and motives, Taidula, Metropolitan Aleksii

DOI 10.31860/2712-7591-2024-1-80-94

Литературный герой — актуальный объект изучения в современном литературоведении [Федосеева, с. 72]. Ряд трудов В. Д. Оскоцкого, А. А. Пауткина, О. В. Богдановой, О. С. Октябрьской, С. Ф. Меркушова, Д. В. Поля, Е. В. Кирпичевой и др. исследуют приемы интерпретации известных по русским летописям исторических лиц (например, Владимира Мономаха, Дмитрия Донского, Ивана Грозного) в русских исторических романах. Исследователи отмечают, что ни один из писателей не ставил перед собой задачу скрупулезного следования историческим документам. Они компилировали данные разных источников, «беллетризовали» или переосмыслили их [Оскоцкий, с. 10], создавая свою интерпретацию события или исторического лица.

В статье мы обращаемся к личности Тайдулы (Тайтуглы-хатун, умерла, по разным датировкам, в 1360 или в 1361 г.)¹ — жены хана Мухаммеда Узбека, правившего в Золотой Орде в 1313–1341/42 гг. [Селезнев]. Сведения о ней сохранили русские летописи и жития, труды восточных историков и путешественников. Цель статьи — проанализировать образ ханши в историческом романе В. А. Лебедева «Искупление» (1980) с точки зрения привлекаемых источников и приемов их интерпретации. Анализ будет предварен кратким обзором сведений о Тайдуле в русских летописях и восточных сочинениях, русских исторических романах второй половины XX в.

Эпизоды «биографии» ханши² на фоне политической обстановки в Орде были реконструированы в трудах историков А. П. и В. П. Григорьевых, Ю. В. Селезнева, И. Н. и Р. Ю. Почекаевых и др. Легенда о ее исцелении митрополитом Алексием рассмотрена в работах Д. Ю. Кривцова [Кривцов 2002; 2018]. Творчеству В. А. Лебедева посвящены работы Р. Д. Мессер [Мессер], О. В. Богдановой (Васильевой) [Богданова 2004; 2005; 2006; 2017а; 2017б; 2023; Васильева]. Интерпретация ее образа в русских исторических романах еще не изучалась. В этом и заключается новизна нашей работы.

Василий Алексеевич Лебедев (1934–1981) — прозаик, автор романов на современные и исторические темы [Богданова 2005, с. 404]. В исторических романах «Обреченная воля» (1975), «Утро Московии» (1976), «Искупление» (1980) доминирует «мотив духовной и национальной разрозненности русского народа» [Богданова 2005, с. 404], делается акцент на «внутренней, вневременной сути» событий, на том, как они «повлияли на духовное самоопределение (...) героев» [Богданова 2017а, с. 18]. Столкновение персонажей — выразителей разных «правд» и мировоззрений — дополняется размышлениями о роли русского национального характера в самые сложные для государства периоды [Богданова 2017а, с. 18–20; 2017б, с. 24].

Социально-психологический роман «Искупление» (первое название — «Небренное поле»), по определению О. В. Богдановой, является вершиной творчества писателя. В его основе лежит идея национального единения и искупления как важной категории исторического пути России. Искупление понимается не только как освобождение от татаро-монгольского ига, но и как «плата кровью за грехи вероотступничества, братопредания, междоусобия» [Богданова 2023, с. 246]. Доминантой художественного мира романа исследователи называют опору на средневековое мировоззрение с его верой

¹ Дата смерти Тайдулы у историков обозначена по-разному: у Ю. В. Селезнева — 1361 г., у И. Н. и Р. Ю. Почекаевых — 1360 г. [Почекаев, Почекаева, с. 202].

² Термин «ханша» в статье употребляется в значении «жена хана». Официальным правителем или регентом Тайдула не была, так как не принадлежала к ханскому роду.

в божественный миропорядок. Борьба русских княжеств с Ордой изображается как сражение «света и тьмы, Бога и дьявола» [Богданова 2023, с. 245]. Антитетичные образы и мотивы «дух — плоть, вера — неверие, святость — грех», «день — ночь, солнце — луна, восход — закат, гром — тишина» и др. влияют на все компоненты художественного мира романа³. Антитетичность характерна и для эпизодического образа ханши Тайдулы.

Сведения о ханше содержат сочинения восточных историков и путешественников, русские летописи. Как отмечают историки И. Н. и Р. Ю. Почекаевы, многое в биографии Тайдулы «спорно, противоречиво, а порой и просто мифологизировано» [Почекаев, Почекаева, с. 186]. С одной стороны, в записях купца Ибн Баттуты, персидского историка Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари и других авторов говорится о ее участии в официальных мероприятиях хана, приемах иностранных послов⁴, о покровительстве католикам, проживающим в Орде [Почекаев, Почекаева, с. 187–188, 196]. С другой — есть намеки на самое активное участие ханши в политической борьбе двух ее сыновей. Выдвижению одного — младшего, Джанибека, — в обход наследника престола — старшего, Тинибека, — мать поспособствовала при жизни мужа. Завершение борьбы между ними воцарением младшего и убийством старшего только упрочило положение Тайдулы⁵ во многих сферах, каковое сохранялось вплоть до ее казни в 1360 (или 1361) г. по приказу очередного хана [Почекаев, Почекаева, с. 196].

В русских летописях Тайдула представлена как «христианская заступница»⁶. Упрочению этой роли способствовала и легенда об ее исцелении от слепоты митрополитом Алексием в 1357 г. [Кривцов 2002]. Она прошла несколько этапов развития⁷. Созданная с опорой на агиографическую схему

³ См. об этом: [Богданова 2023, с. 245].

⁴ Статус ханши был определен рождением двух наследников и, по-видимому, принадлежностью к могущественному роду [Почекаев, Почекаева, с. 188].

⁵ В последние полгода жизни Тайдула заключила брак с Мухаммадом Наурусбеком (Наврусом в русских летописях), которого возвела на престол сама в надежде сохранить свою власть [Почекаев, Почекаева, с. 201].

⁶ Р. Ю. и И. Н. Почекаевы пишут о косвенном упоминании ханши в Тверской летописи под 1339 г., когда к ней обратился за помощью приговоренный к казни в Орде тверской князь Александр Михайлович, но получил отказ [Почекаев, Почекаева, с. 189–190]. Востоковед А. П. Григорьев выдвинул версию о том, что между ханскими женами могли быть распределены «конфессиональные» обязанности. Поэтому Тайдула могла отвечать за контакты с христианами, а другая жена — с мусульманами [Почекаев, Почекаева, с. 189].

⁷ Подробно процесс складывания этой легенды изложен в работе Д. Ю. Кривцова, мы лишь кратко обозначим эти этапы. В самом раннем рассказе «О Алексее митрополите», в Рогожском летописце, Симеоновской и Троицкой летописях легенды об исцелении ханши еще нет, упоминается только ее просьба к митрополиту приехать в связи с ее «нездоровьем». Здесь же как знак

об исцелении святым «нечестивого правителя или кого-нибудь из его близких родственников» и знакомая средневековому книжнику по житиям византийских святых, она не только закрепилась в русской культуре, но и обростала новыми подробностями. В частности, преданиями, связанными с подарками хана и его жены митрополиту — саккосом и перстнем, с бывшим ордынским подворьем в Москве, на котором был поставлен Чудов монастырь⁸.

Новые версии предания о поездке Алексия в Орду появились и в фольклоре [Медведев, с. 102]. К образу Тайдулы отсылает предание о церкви свв. Космы и Дамиана (Кузьмы и Демьяна) в с. Березово Рязского района Рязанской области⁹ в мемуарах П. П. Семенова-Тян-Шанского (1917). Его героиня, молодая жена диакона, захваченная в плен во время одного из татарских набегов, соотносится с ханшей Тайдулой: «...во время одного из татарских набегов Березово было разгромлено татарами, мужчины перебиты, а женщины, в том числе и жена убитого диакона, были взяты в плен. Необыкновенная ее красота обратила на себя внимание хана, который взял ее себе в жены. Это и была, по преданиям, знаменитая в русских летописях царица Тайдула, супруга хана Джанибека» [Семенов-Тян-Шанский, с. 50]. В записи второй половины XX в. от жителя того же села участниками фольклорной экспедиции Рязанского государственного педагогического института привязки к конкретной исторической личности нет [Соколова, с. 55]. В разных вариантах это предание вошло и в современные краеведческие энциклопедии [Березово; Мокроусов]. Оно отражает одну из реалий русско-ордынских отношений. Как пишет Н. Л. Пушкарева, русские пленницы¹⁰ «чаще всего

будущего благополучного возвращения митрополита появляется эпизод со свечой, зажегшейся в церкви ночью накануне его отъезда. Следующий по времени рассказ Новгородской четвертой и Софийской первой летописей повествует о поездке митрополита в Орду уже после смерти Джанибека, чтобы «усмирить» хана Бердибека, ханша в нем не упоминается. Соединение двух визитов митрополита в Орду и включение в рассказ о них множества новых деталей происходит в Житии митрополита Алексия, созданном Пахომием Логофетом, и связывается Д. Ю. Кривцовым с канонизацией этого духовного лица в середине XV в. Житие уже содержит развернутый рассказ об исцелении Алексием безымянной «Амуратовой царицы» от слепоты, дополненный уже встречавшимся ранее знамением со свечой, воском которой, святой водой и молитвами митрополит и исцеляет жену Амурата. В Никоновской летописи и Степенной книге образы безымянной царицы и Тайдулы соединяются [Кривцов 2002].

⁸ См. об этом: [Кривцов 2018].

⁹ Пересказано также в книге: [Россия, с. 407]. Соотнесение героини предания с Тайдулой звучит как гипотеза: «Не была ли эта ханша женой Чанибека, „царицей Тайдулой“, и не объясняется ли этим и дарование ей ханом удела вблизи от ее родины и обращение ее за исцелением к (...) митрополиту Алексию?» [Россия, с. 407].

¹⁰ Эта проблема нашла отражение в русском фольклоре: см. сюжет «Теща в плену у зятя» [Вот не шум шумит, с. 23–24].

превращались татарами в наложниц или, „если повезет“, во вторых жен» [Пушкарева, с. 58].

Следующей ступенью развития образа ханши становятся исторические романы. Ханша Тайдула упоминается в романах «Зори над Русью...» (1954–1958) М. А. Рапова, «Карач-Мурза» (1962) М. Д. Каратеева, «Симеон Гордый» (1983) и «Ветер времени» (1987) Д. М. Балашова, «Конец черного темника» В. Д. Афиногенова (1995). Ее образ в них различается в зависимости от авторского замысла и использованных источников. Так, в романе В. Д. Афиногенова дается развернутая картина ордынской «замятни», на фоне которой автор уделяет внимание участию Тайдулы в борьбе за власть. Опираясь на восточные сочинения, он создает отталкивающий образ коварной и жестокой ханши, под прикрытием материнской заботы сталкивающей сыновей друг с другом.

В романах М. А. Рапова и М. Д. Каратеева на первый план выходит процесс укрепления и централизации Руси на фоне ордынских междоусобиц. В связи с необходимостью подчеркнуть новую расстановку сил образ ханши создается с опорой на летописную легенду об исцелении, ставящую Тайдулу в зависимость от милосердия, силы веры и особых умений русского митрополита. Она отличается кротостью, благодарит своего целителя и даже становится его духовной ученицей (у М. Д. Каратеева).

Самый сложный образ Тайдулы создает Д. М. Балашов. Изображая ее с «психологической достоверностью» как неоднозначную личность, он пытается воссоздать ее мироощущение через призму темы бремени власти, которая становится доминирующей в его цикле «Государи Московские» (1975–2000) [Капица, Колядич, с. 263–264, 266–268]. Используя весь арсенал источников о Тайдуле, он изображает ее в разные периоды жизни, показывает, как в ее личности сочетаются роли жены, матери и владычицы Орды. Жажда власти становится стержнем ее характера.

Оригинально, с опорой на различные источники, создает ее образ В. А. Лебедев. В романе ханша — эпизодический персонаж. Она появляется в детских воспоминаниях уже взрослого князя Дмитрия Донского¹¹:

У знаменитого Узбек-хана был темник, не уступавший по жестокости самому Ногаю, зверю из зверей, убивавшему ханов, назначавшему новых и повелевавшему Ордой. У того темника родилась от русской пленницы красавица дочь. Сын Узбек-

¹¹ Учитывая, что датой рождения Дмитрия Донского называется 1350 г., в 1357 г., когда митрополит Алексий ездил в Орду для лечения Тайдулы, ему было около семи лет. В качестве мужа ханши в романе указан ее сын — Джанибек. Эта ошибка отразилась и в русских летописях, а затем «нашла отражение в позднейшей историографии XIX–XX веков» [Почкаев, Почкаева, с. 193].

хана Джанибек купил ее в жены. И как ни старались темники, беги, эмиры, как ни выискивали они ему жен из своей родни — не было прекрасней и умней ее. Русская кровь дала ей спокойный нрав, русые волосы, легкую поступь длинных красивых ног, каких не сыскать во всей Орде, неискоренимую и удивительную для кочевников привычку к чистоте тела. Умом превосходя многих советников хана, она стала и его первой советницей в делах государственных. С ней он чувствовал себя спокойно, и кто знает, не Тайдула ли целых семнадцать лет держала татарские орды в степях, не отпуская на милую Русь. Боялись и ненавидели ее в Золотой Орде...

И вот однажды — помнит Дмитрий переполох в Москве — уезжал митрополит в Орду. Вот так же провожали его. Народ не спал, выходил на улицы. Мальчишки висели на деревьях, чернели шапками, будто прибавилось грачиных гнезд... Это митрополит ехал в Орду лечить Тайдулу. Она ослепла в одночасье. «Мы слышали, что небо ни в чем не отказывает молитве главного попа вашего: да испросит же он здравия моей супруге», — написал хан в Москву. Митрополит догадывался, что Тайдулу замыслили отравить, но она осталась жива. В ночь перед его отъездом сама возгорелась в церкви свеча, такова молва шла по Москве, — воском той свечи да водой святой митрополит вернул зрение Тайдуле. На радостях хан Джанибек одарил митрополита Московского великими дарами, а красавице Тайдуле сделал тоже подарок — как сказывали — заложил будто бы в порубежье русской земли и ордынских пределов город ее имени — Тайдула, что стал зваться на Руси то Ай-Тула, то проще Тула... Так ли было оно — неведомо [Лебедев, с. 111–112].

Рассказ о ханше условно делится на две части: краткая «генеалогия» Тайдулы, частично выдуманная писателем, и эпизод ее исцеления митрополитом, созданный с опорой на средневековые письменные источники. С учетом особенностей долговременной памяти эти эпизоды фрагментарны и охватывают только самые яркие моменты: долгий зимний вечер в княжьем дворце; разговор отца (князя Ивана II Красного) с митрополитом о грядущей поездке в Орду; «переполох в Москве» перед выездом Алексия. В этом эпизоде появляются яркие детали, запомнившиеся маленькому Дмитрию: народ, вышедший на улицы, мальчишки, облепившие деревья и «черневшие шапками, будто прибавилось грачиных гнезд» [Лебедев, с. 111–112] и — на фоне общей напряженности — свеча, зажегшаяся в церкви в ночь перед поездкой.

Рассказывая об исцелении Тайдулы, автор опирается на легенду в ее «финальном» варианте из Никоновской летописи и Степенной книги. Он сохраняет ее основные мотивы: слепоту Тайдулы, вызов митрополита в Орду, чудо с зажегшейся накануне поездки митрополита свечой, использование ее воска и святой воды для исцеления ханши и вознаграждение митрополита (бывшее ордынское подворье). Как и М. Д. Каратеев, упоми-

нает Тулу как резиденцию Тайдулы («заложил будто бы в порубежье русской земли и ордынских пределов город ее имени — Тайдула, что стал зваться на Руси то Ай-Тула, то проще — Тула» [Лебедев, с. 112]) и отсылает к гипотезе Н. М. Карамзина об этимологии названия этого города¹². Эта популярная и в XX в. версия, по словам Т. В. Майоровой и С. А. Мельниковой, расходится с данными летописей [Майорова, Мельникова].

События до и после исцеления ханши сопровождаются оговорками: «кто знает»; «такова молва шла»; «заложил будто бы...»; «так ли было оно — неведомо» [Лебедев, с. 111–112]. Опора на слухи, детский возраст очевидца событий и большой временной отрезок, отделяющий прошлое от настоящего, — все это помогает писателю встроить и мистический мотив о загоревшейся свече, и вымышленный материал в советский исторический роман с его тяготением к реализму и факту. Сюда же относится и оригинальная гипотеза о генеалогии Тайдулы.

М. А. Рапов и М. Д. Каратеев не касались вопроса национальности ханши¹³. У Д. М. Балашова нет сомнений в том, что Тайдула — монголка [Балашов, с. 238]. В. А. Лебедев усложняет «биографию» Тайдулы, вводя в произведение несколько вымышленных фактов о ее полурусском происхождении: «У знаменитого Узбек-хана был темник, не уступавший по жестокости самому Ногаю, зверю из зверей (...) У того темника родилась от русской пленницы красавица дочь...» [Лебедев, с. 111]. Уже обращавшийся к исследованию русского национального характера в романах «Обреченная воля» и «Утро Московии» писатель акцентирует внимание на русских качествах ее характера и внешности: «Русская кровь дала ей спокойный нрав, русые волосы, легкую поступь длинных красивых ног, каких не сыскать во всей Орде...» [Лебедев, с. 111].

«Пограничный» статус Тайдулы подкреплён и подарком ее мужа — городом Тулой, находящимся на границе территорий Руси и Орды. В реализации житийной «схемы» «приобщение язычницы к христианской благодати» теряет свою актуальность: Тайдула формально «чужая», но по сути «своя». Ее роль как «христианской заступницы» В. А. Лебедевым расширяется. Она

¹² «...Город Тула, названный именем Царицы Тайдулы, жены Чанибековой, и некогда управляемый ее Баскаками...» [Карамзин, с. 46]. Согласно летописям, ханша помогла разрешить спор о пограничных землях между московскими и рязанскими князьями, взяв территорию под свое управление. Даже название ее города-центра — Тулы — рядом исследователей возводилось к Тайдуле [Почекаев, Почекаева, с. 193].

¹³ О ее происхождении точно неизвестно. Востоковед А. П. Григорьев предполагает, что Тайдула могла принадлежать к тюрко-монгольскому племени кунграт, со времен Чингисхана «оставляющему» его потомкам невест [Почекаев, Почекаева, с. 186].

становится «защитницей Руси», ее возможным влиянием объясняется либеральная политика Орды того периода¹⁴: «не Тайдула ли целых семнадцать лет держала татарские орды в степях, не отпуская на милую Русь...» [Лебедев, с. 111]. Объяснение расположения Тайдулы к Руси ее полурусским происхождением отсылает к преданию, пересказанному П. П. Семеновым-Тянь-Шанским и вошедшему в издание «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества». Соотнесение героини с Тайдулой становится логичной ступенью в развитии образа от «единовременной» благодарной «амуратовой царицы» до ханши, которая ведет благожелательную к Руси политику (выдает выгодные для русской церкви ярлыки, разбирает тяжбы князей и т. д.) не из-за собственной выгоды, а на безвозмездной основе. Похожей логике следует и В. Лебедев в своем романе.

Знакомство писателя, имеющего филологическое образование¹⁵, с преданием, например, по классическому изданию «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» было возможным. Кроме того, у В. А. Лебедева была определенная база знаний, в том числе и в области фольклористики¹⁶. Вместе с тем образ славянки, попавшей в плен и ставшей женой восточного правителя, находит параллели и в произведениях русской и советской литературы — например, в «Бахчисарайском фонтане» А. С. Пушкина (1823) или «Роксолане» П. А. Загребельного (1980). В определяющем для героини влиянии русских «корней» можно увидеть и уже отмеченное О. В. Богдановой [Богданова 2005, с. 404] тяготение автора к писателям деревенской прозы, в контексте которой связь с родом и прошлым становится «некой духовной субстанцией», «корневой основой личности» [Новожеева, с. 100]. Эта установка проявилась и в творчестве В. Лебедева,

¹⁴ В правление «доброе» (по русским летописям) хана Джанибека «не было ни одного нашествия на Русь» [Почекаев, с. 132]. Для сравнения, о его отце, «капризном» и «импульсивном» Узбеке, историки пишут так: «...ни один золотоордынский монарх ни до него, ни после не вмешивался так часто и так решительно в дела „русского улуса“, не назначал князей по своему усмотрению, не казнил их в таком количестве и не направлял так часто свои войска на Русь, чтобы заставить русских исполнять свою волю!» [Почекаев, с. 111].

¹⁵ См.: [Богданова 2005, с. 404].

¹⁶ Поэтому, например, тексты на сюжет «Теща в плену у зятя», вероятно, были ему знакомы. Как отмечают исследователи, фольклорные герои и сюжеты периодически возникали у В. Лебедева. Так, Р. Д. Мессер пишет, что сказка В. А. Лебедева «На заставе богатырской» (1974) является «оригинальной трактовкой известного былинного сюжета» [Мессер, с. 31], а в романе «Обреченная воля» есть следы «поэтических легенд» о временах Степана Разина и Ермака [Мессер, с. 40]. Как отмечает О. В. Богданова, опора на фольклор (сказки, былины, легенды, предания), в частности при написании В. Лебедевым сказок, была связана с «близостью эстетического идеала писателя народному эстетическому идеалу» [Богданова 2004, с. 30].

задающегося вопросом: «С чего начинается человек?» — ответом на который становится отношение к Родине и своим корням [Мессер, с. 10–11, 16].

Бескорыстное участие Тайдулы в судьбе русских земель в «Искуплении» высвечивает ее образ в мрачной¹⁷ галерее портретов ордынских правителей и их окружения. Перегибы их политики сжато представлены в монологе жены Дмитрия Донского Евдокии, в котором перечисляются самые известные преступления ордынских ханов против русских князей: «Они отравили прапрадеда твоего, Александра Ярославича (...) Это они убили благочестивого князя Черниговского со боярином Феодором. (...) Вспомни (...) как издевались над князем Михаилом Тверским — в колоде на шее водили по торгам... А не они ли (...) вырезали всех предков Ольга Рязанского?» [Лебедев, с. 65]. Коварство ордынцев заставляет Дмитрия беспокоиться за свою жизнь по дороге в Орду: «...ежели татары мыслят умертвить его, то проще всего свершить им это в чистом поле, будто пал великий князь русский от рук случайных кочевников...» [Лебедев, с. 110]. Помощь ханского посла Сарыхожи тоже не вызывает у него доверия: «А ведь обещал проводить, помочь, подготовить прием у хана. Этот подгото-овит!» [Лебедев, с. 110]. На фоне возрастающей напряженности повествования образ ханши Тайдулы становится тем «оберегом» от ордынского произвола, которого так не хватает Дмитрию и русским княжествам.

На антитезе, которая, по словам О. В. Богдановой, проявляется на всех уровнях произведения [Богданова 2023], построен и образ ханши Тайдулы. Он отличается синтезом противопоставленных в мировоззрении средневекового человека полюсов русского как «своего», «светлого», «положительного» и татарского как «чужого», «темного», «отрицательного». При внешнем противопоставлении чуждого Руси «татарского» начала в ней наблюдается внутреннее доминирование другого («русского»), что приводит к негативному восприятию ханши ее окружением¹⁸ («Боялись и ненавидели ее в Золотой Орде» [Лебедев, с. 111]), но позволяет героине выполнять миссию хранителя Руси. Образ Тайдулы цельный, ее душа не отягощена внутренним конфликтом. В отличие, например, от героя цикла романов М. Д. Каратеева «Русь и Орда» (1958–1967) Карач-Мурзы. Сын беглого

¹⁷ Это выражается и в темной цветовой гамме, связанной с образами татаро-монголов, где главенствующую роль играют оттенки черного [Богданова 2004, с. 89–90].

¹⁸ С этой точки зрения она близка другой героине романа — татарке Халиме, вышедшей замуж за русского Елизара Серебряника и оказавшейся в чуждой ей и негативно настроенной среде. Как образ Халимы воспринимается как «чужеродный и обособленный» [Богданова 2004, с. 98], так и Тайдула наполювину по крови и всецело по своим политическим взглядам выделяется из ханского окружения.

карачевского князя Василия Пантелеймоновича и дочери белоордынского хана Фейзулы, в условиях татаро-монгольского ига он испытывает проблемы с самоидентификацией. Благодаря помощи митрополита Алексия Карач-Мурза принимает свою «раздвоенность» и на протяжении всей своей деятельности в качестве советника ордынских ханов старается не нанести ущерба ни Руси, ни Орде. Подобный сюжетный ход, когда герой находится между двумя народами, находящимися в конфликте друг с другом, не только отражает исторические реалии, но и становится одним из приемов исторических романов со времен Вальтера Скотта.

Таким образом, противоречивый в восточных сочинениях образ ханши Тайдулы в русской агиографической и летописной традициях транслирует одну, главную для древнерусских книжников, роль защитницы русских земель от ханского произвола. Легенда о чудесном исцелении русским митрополитом ослепшей татарской ханши оказала влияние и на фольклорные предания, образ Тайдулы в которых мог приобретать неожиданные нюансы, например русское происхождение. В исторических романах М. Д. Каратеева, М. А. Рапова, В. А. Лебедева, Д. М. Балашова, В. Д. Афиногенова Тайдула становится как эпизодическим «монокромным» персонажем, так и психологически сложным, многогранным образом.

В. А. Лебедев, как и его предшественники, пересказывает легенду об исцелении Тайдулы митрополитом Алексием. Он дополняет ее вымышленной им, но имеющей параллели в русском фольклоре и литературе «генеалогией» ханши. В русле представлений авторов «деревенской прозы» о памяти рода как категории, значимой для характеристики персонажа, а также размышлений автора о русском национальном характере Тайдула выступает как мудрая советчица ордынского хана и становится главной защитницей Руси. Воспоминание об одном из редких светлых образов на фоне жестоких ордынских правителей становится своего рода лучом света для направляющегося в Орду Дмитрия Донского и напоминанием о том, что даже в Орде можно найти поддержку. Все это подготавливает главное событие для героев романа и закономерный этап исторического развития русско-ордынских отношений того периода — Куликовскую битву, которая, по мысли писателя, становится возможной благодаря единению всего народа.

Литература

- Балашов — *Балашов Д. М.* Ветер времени: Роман. Екатеринбург: Каменный пояс — книга, 1993. 544 с.
- Березово — Березово // Топонимический словарь населенных пунктов Рязанской области. URL: <https://istrzn.ru/ryazhsk/> (дата обращения — 12 декабря 2023 г.).

- Богданова 2004 — *Богданова О. В.* Историческая проза 1960–1990-х годов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 105 с.
- Богданова 2005 — *Богданова О. В.* Лебедев Василий Алексеевич // Русская литература XX века: прозаики, поэты, драматурги: Биобиблиографический словарь: в 3 т. / Под ред. Н. Н. Скатова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 2. С. 404–405.
- Богданова 2006 — *Богданова О. В.* Творчество Василия Лебедева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 152 с.
- Богданова 2017а — *Богданова О. В.* Библейский мотив в романе В. А. Лебедева «Обреченная воля» // Успехи науки 2017: X Междунар. науч.-практ. конф. (1 июня 2017 г.): Сб. материалов. М.: НИЦ «Империя», 2017. С. 18–22.
- Богданова 2017б — *Богданова О. В.* Мотивы лесковского «Левши» в историческом романе В. А. Лебедева «Утро Московии» // Успехи науки 2017: X Междунар. науч.-практ. конф. (1 июня 2017 г.): Сб. материалов. М.: НИЦ «Империя», 2017. С. 22–24.
- Богданова 2023 — *Богданова О. В.* «Искупление» Василия Лебедева: национальное и государственное // Богданова О. В., Цветова Н. С. Эпох скрещенье... Русская проза 1960-х — 2020-х годов. СПб.: Алетейя, 2023. С. 245–261. URL: https://www.rulit.me/books/epoch-skreshchene-russkaya-proza-vtoroj-poloviny-hh-nachala-hhi-v-read-794923-103.html#section_31 (дата обращения — 12 декабря 2023 г.).
- Васильева — *Васильева О. В.* Творчество В. А. Лебедева в литературном процессе 60-х — 80-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990. 214 с.
- Вот не шум шумит — «Вот не шум шумит, да и не гром гремит» // Песни и сказки пушкинских мест. Фольклор Горьковской области. Л.: Наука, 1979. Вып. 1 / Изд. подгот. В. И. Еремина, М. А. Лобанов, В. Н. Морохин. С. 23–24.
- Капица, Колядич — *Капица Ф. С., Колядич Т. М.* Образ Древней Руси в современной прозе // Герменевтика древнерусской литературы / Отв. ред. Ф. С. Капица. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. [Сб. 14]. С. 258–357.
- Карамзин — *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. М.: Наука, 1993. Т. 5. 560 с.
- Кривцов 2002 — *Кривцов Д. Ю.* Рассказ о поездке митрополита Алексия в Орду в литературных источниках и историографии // Мир истории. 2002. № 5. URL: <http://krotov.info/history/14/2/kriv2002.html> (дата обращения — 10 декабря 2023 г.).
- Кривцов 2018 — *Кривцов Д. Ю.* Легенда о ханском подворье на месте Чудова монастыря в источниках и исторической литературе // «Вертоград многоцветный»: Сб. к 80-летию Б. Н. Флори / Отв. ред. А. А. Турилов. М.: Индрик, 2018. С. 201–212.
- Лебедев — *Лебедев В. А.* Искупление: Исторический роман. Л.: Сов. писатель, 1991. 400 с.
- Майорова, Мельникова — *Майорова Т. В., Мельникова С. А.* Родилась ли в споре истина? (О происхождении названия «Тула») // Тульский краеведческий альманах: Ист.-краевед. ежегодник. 2003. № 1. С. 28–32. URL: https://tulalmanac.blogspot.com/2011/07/blog-post_14.html (дата обращения — 18 декабря 2023 г.).

- Медведев — *Медведев А. А.* Устные предания о московском святителе Алексии // Русская речь. 2018. № 5. С. 99–104.
- Мессер — *Мессер Р. Д.* Идущие вослед: Литературные портреты. Л.: Лениздат, 1979. 240 с.
- Мокроусов — *Мокроусов О. Ю.* Берёзово (Козьмы и Демьяна) // Весь Рязск: Народная энциклопедия. URL: <https://весь-ряжск.рф/rubriki/tserkov/tserkvi/berjozovo-kuzmy-i-demyana.html> (дата обращения — 12 декабря 2023 г.).
- Новожеева — *Новожеева И. В.* Концепция человека в деревенской прозе 1960–1980-х гг. // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. СПб., 2007. № 10 (31). С. 99–102.
- Оскоцкий — *Оскоцкий В. Д.* Временник Павла Загребельного // Загребельный П. А. Собрание сочинений: В 5 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 5–20.
- Почекаев — *Почекаев Р. Ю.* Цари ордынские: Биографии ханов и правителей Золотой Орды. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Евразия, 2012. 464 с.
- Почекаев, Почекаева — *Почекаев Р. Ю., Почекаева И. Н.* Властительницы Евразии: История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв. СПб.: Евразия, 2012. 384 с.
- Пушкарева — *Пушкарева Н. Л.* Полонянки // Родина. 1997. № 3–4. С. 58–61.
- Россия — Россия: Полное географическое описание нашего Отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1902. Т. 2: Среднерусская Черноземная область: Курская, Орловская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Воронежская и Пензенская губернии. 717 с.
- Селезнев — *Селезнев Ю. В.* Тайтуглы-хатун // Элита Золотой Орды / Под ред. И. М. Миргалеева. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 167.
- Семенов-Тян-Шанский — *Семенов-Тян-Шанский П. П.* Мемуары: В 5 т. М.: Кучково поле, 2019. Т. 1. 560 с.
- Соколова — *Соколова В. К.* Исторические предания Рязанской области // Литературоведческий сборник (статьи и публикации) / Рязан. гос. пед. ин-т; отв. ред. Р. А. Фридман. Рязань: [б. и.], 1972. С. 39–69.
- Федосеева — *Федосеева Т. В.* О литературной антропологии и литературном антропоцентризме современного литературоведения // Вестник РГУ им. С. А. Есенина. 2016. № 3 (52). С. 72–82.

References

- Balashov, D. M. (1993). *Veter vremeni. Roman*. Ekaterinburg: Kamennyi poyas — kniga. 544 p.
- 'Berezovó', in: *Toponimicheskii slovar' naseleennykh punktov Ryazanskoi oblasti*, accessed December 12, 2023, <https://istrzn.ru/ryazhsk/>
- Bogdanova, O. V. (2004). *Istoricheskaya proza 1960–1990-kh godov*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 105 p.
- Bogdanova, O. V. (2005). 'Lebedev Vasilii Alekseevich', in: N. N. Skatov, ed., *Russkaya literatura XX veka: prozaiki, poety, dramaturgi. Biobibliograficheskii slovar'*. 3 vols. Moscow: OLMA-PRESS Invest, Vol. 2, 404–405.
- Bogdanova, O. V. (2006). *Tvorchestvo Vasiliya Lebedeva*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 152 p.

- Bogdanova, O. V. (2017). 'Bibleiskii motiv v romane V. A. Lebedeva «Obrechennaya volya»', in: *Uspekhi nauki 2017: X Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (1 iyunya 2017 goda): Sbornik materialov*. Moscow: Nauchno-izdatel'skii tsentr «Imperiya», 22–24.
- Bogdanova, O. V. (2017). 'Motivy leskovskogo «Levshi» v istoricheskom romane V. A. Lebedeva «Utro Moskovii»', in: *Uspekhi nauki 2017: X Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (1 iyunya 2017 goda): Sbornik materialov*. Moscow: Nauchno-izdatel'skii tsentr «Imperiya», 24–29.
- Bogdanova, O. V. (2023). '«Iskuplenie» Vasiliya Lebedeva: natsional'noe i gosudarstvennoe', in: Bogdanova, O. V., Tsvetova, N. S. *Epokh skreshchen'e.... Russkaya proza 1960-kh — 2020-kh godov*. Saint-Petersburg: Aleteiya, 245–261, accessed December 12, 2023, https://www.rulit.me/books/epoh-skreshchene-russkaya-proza-vtoroj-pолоviny-hh-nachala-hhi-v-read-794923-103.html#section_31.
- Eremina, V. I., Lobanov, M. A., Morokhin, V. N., eds. (1979). 'Vot ne shum shumit, da i ne grom gremit', in: *Pesni i skazki pushkinskikh mest. Fol'klor Gor'kovskoi oblasti*. Leningrad: Nauka. Vol. 1, 23–24.
- Fedoseeva, T. V. (2016). 'O literaturnoi antropologii i literaturnom antropotsentrizme sovremennoogo literaturovedeniya' [On literary anthropology and anthropocentrism of modern literary criticism], *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni S. A. Esenina*, 3 (52), 72–82.
- Kapitsa, F. S., Kolyadich, T. M. (2010). 'Obraz Drevnei Rusi v sovremennoi proze', in: F. S. Kapitsa, ed., *Germenevtika drevnerusskoi literatury*. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi. [Vol. 14], 258–357.
- Karamzin, N. M. (1993). *Istoriya Gosudarstva Rossiiskogo*. 12 vols. Moscow: Nauka. Vol. 5, 560 p.
- Krivtsov, D. Yu. (2002). 'Rasskaz o poezdke mitropolita Aleksiya v Ordu v literaturnykh istochnikakh i istoriografii', *Mir istorii*, 5, accessed December 10, 2023, <http://krotov.info/history/14/2/kriv2002.html/>
- Krivtsov, D. Yu. (2018). 'Legenda o khanskom podvor'e na meste Chudova monastyrya v istochnikakh i istoricheskoi literature', in: A. A. Turilov, ed., «Vertograd mnogotsvetnyi»: *Sbornik k 80-letiyu B. N. Flori*. Moscow: Indrik, 201–212.
- Lebedev, V. A. (1991). *Iskuplenie. Istoricheskii roman*. Leningrad: Sovetskii pisatel', 400 p.
- Maiorova, T. V., Mel'nikova, S. A. (2003). 'Rodilas' li v spore istina? (O proiskhozhdenii nazvaniya «Tula»)', in: *Tul'skii kraevedcheskii al'manakh. Istoriko-kraevedcheskii ezhegodnik*, 1, 28–32, accessed December 18, 2023, https://tulalmanac.blogspot.com/2011/07/blog-post_14.html.
- Medvedev, A. A. (2018). 'Ustnye predaniya o moskovskom svyatitele Aleksii', *Russkaya rech'*, 5, 99–104.
- Messer, R. D. (1979). *Idushchie vosled. Literaturnye portrety*. Leningrad: Lenizdat, 240 p.
- Mokrousov, O. Yu. (2023). 'Berezovo (Koz'my i Dem'yana)', in: *Ves' Ryazhsk: Narodnaya entsiklopediya*, accessed December 12, 2023, <https://vesь-ряжск.рф/rubriki/tserkov/tserkvi/berjozovo-kuzmy-i-demyana.html>
- Novozheeva, I. V. (2007). 'Kontseptsiya cheloveka v derevenskoi proze 1960–1980-kh godov', *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*, 10 (31), 99–102.
- Oskotskii, V. D. (1986). 'Vremennik Pavla Zagrebel'nogo', in: *Zagrebel'nyi P. A. Sobranie sochinenii*. 5 vols. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 1, 5–20.

- Pochekaev, R. Yu. (2012). *Tsari ordynskie. Biografii khanov i pravitelei Zolotoi Ordy*. Saint-Petersburg: Evraziya, 464 p.
- Pochekaev, R. Yu., Pochekaeva, I. N. (2012). *Vlastitel'nitsy Evrazii. Istoriya i mify o pravitel'nitsakh tyurko-mongol'skikh gosudarstv XIII–XIX vekov*. Saint Petersburg: Evraziya, 384 p.
- Pushkareva, N. L. (1997). 'Polonyanki', *Rodina*, 3–4, 58–61.
- Seleznev, Yu. V. (2009). 'Taitugly-khatun', in: I. M. Mirgaleev, ed., *Elita Zolotoi Ordy*. Kazan: Izdatel'stvo «Fen» Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 167.
- Semenov-Tyan-Shanskii, P. P. (2019). *Memuary*. 5 vols. Moscow: Kuchkovo pole. Vol. 1, 560 p.
- Semenov-Tyan-Shanskii, V. P., ed. (1902). *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisaniye nashego Otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudei*. Saint-Petersburg: Izdanie A. F. Devriena. Vol. 2, 717 p.
- Sokolova, V. K. (1972). 'Istoricheskie predaniya Ryazanskoj oblasti', in: R. A. Fridman, ed., *Literaturovedcheskij sbornik (stat'i i publikatsii)*. Ryazan': [s. n.], 39–69.
- Vasil'eva, O. V. (1990). *Tvorchestvo V. A. Lebedeva v literaturnom protsesse 60-kh — 80-kh godov : dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. Leningrad, 214 p.

И. А. Лобакова

«ИЗОБРАЖАТЬ НЕ БИТВУ, А СИМВОЛ БИТВЫ»:
Д. С. ЛИХАЧЕВ КАК АВТОР НАБРОСКОВ
К «СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Резюме

Проблема прочтения текста «Слова о полку Игореве» художниками уже ставилась исследователями, так как этот памятник древнерусской литературы более других привлекал внимание иллюстраторов. Многообразие художественных решений (от театральных до монументальных, от попыток передать реальность прошлого до многофигурных композиций авторских интерпретаций минувшего) нашло выражение в изданиях к 800-летию похода Игоря 1185 г. В обнаруженном в архиве Д. С. Лихачева черновике письма к Н. Н. Акатовой содержатся важные наблюдения ученого о принципах иллюстрирования памятника (символическое прочтение материала, использование в оформлении разнообразных птиц, а также элементов, связанных со смеховой культурой). Однако наибольший интерес представляют наброски, сделанные его рукой, с комментариями к ним.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», принципы иллюстрирования, Д. С. Лихачев, архив ученого

Irina A. Lobakova

«DEPICTING NOT THE BATTLE, BUT THE SYMBOL OF THE
BATTLE»: DMITRY S. LIKHACHEV AS THE AUTHOR OF
SKETCHES FOR *THE LAY OF IGOR'S CAMPAIGN*

Abstract

The problem of how artists read and interpret the text of *The Lay of Igor's Campaign* has already been discussed by researchers since this text has attracted the attention of illustrators more than any other source of Old Russian literature. Publications in honor of the 800th anniversary of Igor's campaign in 1185 expressed a variety of artistic solutions,

© И. А. Лобакова, 2024

ranging from theatrical to monumental and including attempts to convey the reality of the past. The draft of a letter to Natalia N. Akatova, which was discovered in Likhachev's archive, contains significant notes by the scholar on the principles of illustrating the text (the symbolic reading of the material, the use of different varieties of birds in the design, and elements associated with the culture of laughter). Of particular interest are the sketches that Likhachev himself made and annotated with comments.

Keywords: *The Lay of Igor's Campaign*, principles of illustration, Dmitry Likhachev's archive

DOI 10.31860/2712-7591-2024-1-95-107

Выражение личностных представлений о мире, его красках, предметах и явлениях находит выражение в самых различных формах. Возможность самовыражения через рисунок стала доступна человечеству много раньше возникновения письменных систем. Когда стены пещер покрывались рисунками, которые, безусловно, выполняли ритуальные функции, поддерживая охотничьи успехи (а значит, и жизнь племени), личность рисовальщика, его видение, навыки, выбор материалов и талант проявлялись в полной мере. В этой связи достаточно вспомнить исследования, посвященные изучению работ мастеров, оставивших изображения в пещерах Альтамиры в северной Испании (около 20 000 лет назад), Ласко на юго-западе Франции (почти 17 000 лет), Тассили на севере Африки (их датируют временем от 12-го до 7-го тысячелетия до н. э.). Если обратиться к изобразительной культуре времен Античности, то очевидно, насколько значительное место в ней занимала интерпретация мифологических сюжетов, нашедшая свое воплощение в различных материалах (скульптуре, мозаиках, художественных росписях, краснофигурной и чернофигурной керамике). Наряду с мифами источниками изображений часто становились сюжеты, известные по таким произведениям, как «Илиада» Гомера, «Одиссея», «Метаморфозы» Овидия, о чем свидетельствуют росписи сохранившихся зданий в Помпеях, например. Разумеется, в полном смысле слова назвать эти произведения иллюстрациями затруднительно, но уже в них обнаруживается индивидуальное начало в осмыслении текста, в выборе различных приемов при передаче образов и событий.

Традиция иллюстрирования литературного текста имеет свою историю, в которой отразились различные подходы к интерпретации связей текста и изображения. Исследование этих связей также уже насчитывает не одно десятилетие. В течение долгого времени активно разрабатывается проблема диалогичности культуры в синхронии и диахронии (писатель — читатель; художник — зритель; писатель — художник). Такой подход пред-

полагает изучение иллюстрации как проекции, с одной стороны, прочтения художником авторского текста, а с другой — восприятия читателем (с его индивидуальным набором представлений и предпочтений) предложенного художественного осмысления произведения. Проблему соотношения текста и изобразительного ряда как особой формы диалога можно рассматривать на различном материале.

Рассуждения о диалоге как основной форме организации взаимодействия в сфере культуры интересны, но не лишним будет напомнить, что этот диалог достаточно условен. Не вполне разделявший мнение исследователей об универсальности категории диалога в культуре М. Л. Гаспаров справедливо отметил: «Книги отвечают нам не на те вопросы, которые задавал себе писатель, а на те, которые в состоянии задать себе мы сами, а это часто очень разные вещи» [Гаспаров, с. 99].

Принципиально важным, как представляется, остается ряд теоретических выводов о связи текста и иллюстраций. Наблюдения были сделаны исследователями в разное время, оставаясь в высшей степени значимыми при рассмотрении проблем визуализации литературного текста независимо от времени его создания.

Так, Ю. Н. Тынянов, рассуждая о свойствах, которые должны быть присущи иллюстрациям к художественному произведению, писал: «Рисунок должен быть рассматриваем, очевидно, не сам по себе, он должен что-то дополнить в произведении, чем-то обогатить, в чем-то конкретизировать его. Иллюстратор стремится представить тот или иной эпизод художественного произведения через призму собственного мироощущения и своего художественного стиля» [Тынянов, с. 311]. По мнению И. В. Абдрашитовой, иллюстрация становится самоценной частью текста: «Иллюстрация — часть отдельного произведения и культурно-исторического пространства. (...) Толкование текста с помощью изображения является семантическим минимумом, определяющим дискурс. (...) Иллюстрация — это интерпретация текста. Современная культура с помощью изображения фиксирует собственное семантическое толкование произведения» [Абдрашитова, с. 47—56].

Вопрос, как иллюстрировать памятники, созданные несколько веков назад, представляется наиболее сложным. С XIX в. наиболее распространенным было требование, которое выдвигалось и по отношению к исторической живописи. Главной задачей художника-иллюстратора считали грамотное и точное изображение исторических и бытовых деталей так, как их понимали современники [Бакулина, Трынова]. В этой связи можно вспомнить создание своего рода коллекций предметов и одежды, которые были собраны худож-

никами, в частности В. И. Суриковым, И. Е. Репиным, В. М. Васнецовым, работавшими над полотнами на историческую тему.

При этом, безусловно, существует разница между монументальными историческими полотнами и иллюстрациями к литературному произведению. Ю. Н. Тынянов заметил: «Конкретность произведения словесного искусства не соответствует его конкретности в плане живописи. Вернее, специфическая конкретность поэзии прямо противоположна живописной конкретности: чем живее, ощутимее поэтическое слово, тем менее оно переводимо на план живописи» [Тынянов, с. 311]. Развивая мысль ученого о невозможности выразить средствами изобразительного искусства художественные приемы, используемые автором литературного произведения, известный автор теоретических работ по семантике иллюстрации Ю. А. Герчук полагал, что основная задача художника — понять замысел автора. Он подчеркивал, что у «наиболее глубоких и тонких иллюстраторов ни острые моменты сюжета, ни облик героев не становились сами по себе главными предметами внимания. Их интересует другое — глубинные смыслы литературного произведения, его атмосфера, стиль автора, в котором проявляется свойственное ему отношение к жизни» [Герчук 2016, с. 84].

Безусловно, работы специалистов по искусству книги [Герчук 1989; Кузьмин; Гончаров; Ганкина; Ляхов] позволяют увидеть общность проблем визуализации текста как в произведениях литературы Нового времени, так и в памятниках средневековой литературы. Не ставя своей задачей дать анализ всему сложному комплексу вопросов, связанному с исследованием иллюминированных рукописей, отмечу лишь этикетность изобразительного ряда, каноничность художественных средств и повествовательный характер изображений. Исследования Д. С. Лихачева [Лихачев 1979; 1982], О. А. Белобровой [Белоброва 2003; 2004], Ю. А. Грибова [Грибов 1999; 2013], Н. Э. Юферевой [Юферева] можно считать своего рода ключами к пониманию проблемы взаимоотношений текста и изображения в Древней Руси (я не касаюсь искусствоведческих работ о сюжетах фресковой живописи и иконописи).

Важно отметить, что издания произведений древнерусской литературы с XIX в. могли получать декоративное оформление, первоначально довольно скромное и условно-поэтическое (лира, цветы, лавровая ветвь) в виде гравированных заставок и концовок.

Что касается работ иллюстраторов, то, разумеется, наиболее часто их внимание привлекало «Слово о полку Игореве». О. А. Белобровой принадлежит специальная статья [Белоброва 1995], в которой прослежена история художественного сопровождения текста памятника в русских и иностранных

изданиях и показана разница подходов художников к решению своих задач. От театральности первых иллюстраторов (М. Зичи, И. Колочков, Н. Каразин, А. Земцов) до динамичных образов, в которых ошутима попытка передать общечеловеческий смысл памятника (мюнхенское издание 1923 г. с иллюстрациями Н. Гончаровой и использованием готического шрифта); от попыток создать своего рода «лицевое издание» Слова со сценками-клеймами, растительными орнаментами палешан И. Голикова и Р. Смирновой до выразительных гравюр и заставок В. Фаворского; от символической абстрактности гравюр Г. Якутовича до соединения реалистических сюжетных иллюстраций и символических заставок Д. Бисти и сложных многофигурных композиций И. Воловича.

Тема соотношения средневекового текста и изобразительного ряда входила в круг научных интересов Д. С. Лихачева. Так, в «Текстологии» глава «Особенности изучения иллюстрированных рукописей» была посвящена этому предмету. Главной задачей изучения таких памятников становилось решение проблемы, «был ли иллюстрирован протограф изучаемой рукописи, являются ли иллюстрации рукописи копиями с более древних иллюстраций или плодом самостоятельного творчества иллюстратора изучаемой рукописи» [Лихачев 2001, с. 426]. Ответ на данный вопрос мог прояснить историю текста памятника. Ученый также отметил: «Иллюстрации могут представить интерес и с точки зрения того, как интерпретировался в определенную эпоху и в определенной среде тот или иной сюжет. Миниатюрист может подчеркнуть тот или иной момент сюжета, может даже в известной мере изменить идеи памятника, внести в него новые темы и т. п.» [Лихачев 2001, с. 430]. Особенности прочтения текста средневековыми миниатюристами посвящен специальный раздел «Поэтики древнерусской литературы» [Лихачев 1979, с. 36–54].

Многочисленные издания «Слова о полку Игореве» с иллюстрациями разных авторов появились к 800-летию похода князя Игоря Новгород-Северского. В 1985–1986 гг. произведение неоднократно публиковалось различными издательствами. Значительная часть этих изданий содержала текст памятника в переводе Д. С. Лихачева. Сам он полагал, что включение в издание фотографий храмов XI–XII в., фресковой живописи, предметов воинского снаряжения и быта того времени дает наибольший простор для фантазии читателей и помогает понять тот мир, в котором создавалось Слово и жили его читатели. Именно в таком оформлении (с привлечением миниатюр Изборника Святослава 1073 г., Радзивилловской летописи в списке XV в. и Лаптевского тома Лицевого летописного свода XVI в., с фотографиями обнаруженных археологами предметов сельского хозяйства, оружия

и воинского снаряжения, украшений XI–XIII вв., с воспроизведениями фресок и мозаик XI в.) было издано «Слово о полку Игореве» с предисловием ученого [Слово о полку Игореве]. Однако, как известно, в подавляющем большинстве случаев издательство самостоятельно заключало договоры с художниками на создание изобразительного ряда, ставя во главу угла вид издания (массовое, научно-популярное, подарочное, для школьников и т. д.), поэтому вопрос о принципах иллюстрирования «Слова о полку Игореве» не становился предметом специального обсуждения при публикации памятника. О том, что думал Дмитрий Сергеевич о работе художника с этим древнерусским произведением, свидетельствует черновик письма, в котором читается подготовленный ответ молодой художнице Наталье Николаевне Акаповой¹. Этот черновик был обнаружен во время работы по предварительному описанию писем из архива академика, который хранится в Пушкинском Доме².

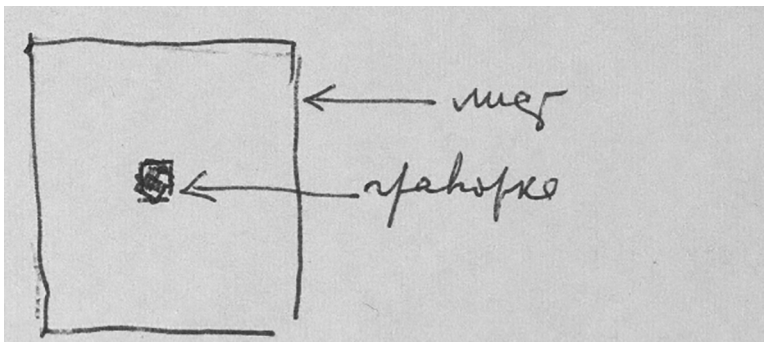
Судя по началу письма Дмитрия Сергеевича, Наталья Николаевна обратилась к нему, выразив желание сделать оформление в стилистике Палеха, так как Дмитрий Сергеевич пишет: «Первая мысль о „палешанском“ оформлении должна отпасть, так как „Аврора“ переиздает издание „Слова“ с оформлением Голикова, а кроме того, палешане делают и новое издание в оформлении Р. А. Смирновой (я проект видел — неплохой). Делать еще третье издание в стиле Палеха невозможно».

Далее академик Лихачев оставил краткое замечание о другом стиле «классических» иллюстраций: «Оформление в типе Шмаринова, Семенова — невозможно. Слишком *не по эпохе реалистично* (выделено мною. — И. Л.)». Как очевидно из текста, речь идет об Алексее Дементьевиче Шмаринове, сыне известного художника Дементия Алексеевича Шмаринова, автора иллюстраций к «Войне и миру» Л. Н. Толстого, «Преступлению и наказанию» Ф. М. Достоевского и многих других произведений. А. Д. Шмаринов участвовал в оформлении «Задонщины» для издания 1980 г. [На поле Куликовом]. Его динамичные композиции по форме тяготеют к типу иконы с клеймами, но средник соответствует строго реалистическому методу изображения главных персонажей. Что касается Владимира Семенова, то его яркий подарочный альбом [Семенов] был выполнен в монументально-декоративной стилизованной манере.

¹ Насколько удалось установить, «Слово о полку Игореве» с иллюстрациями этой художницы издано не было.

² Фонд 769 РО ИРЛИ закрыт, так как в настоящее время проходит научно-техническую обработку.

После этого читаем: «Предлагаю следующее. Оформлять гравюрами на дереве, сделанными тонко, хорошо. Гравюры должны быть небольшими и свободно располагаться в центре большого белого листа. Так» (ил. 1).

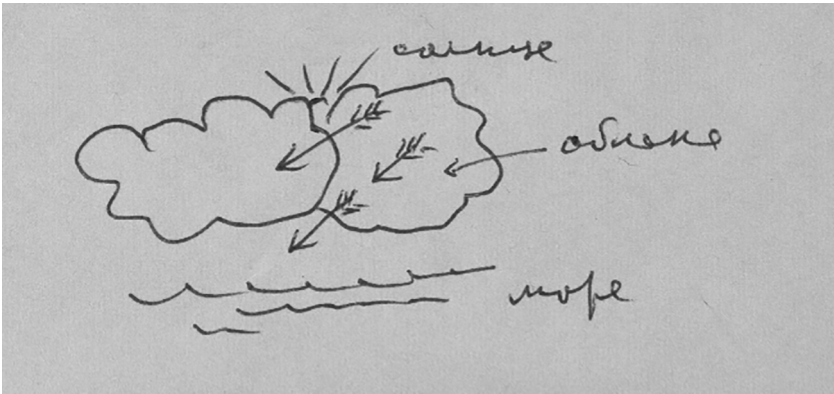
Ил. 1

«Гравюры, в отличие от ксилографий Фаворского (очень хороших, но многократно переиздававшихся), *не должны претендовать на реализм* (выделено мною. — И. Л.)». Как представляется, это замечание Дмитрия Сергеевича способно прояснить позицию ученого по вопросу о том, что вызывало у него наибольшее неприятие в оформлении Слова. Этот взгляд на реалистическое воспроизведение образов памятника, как видим, оказывается близок мысли Ю. Н. Тынянова о том, что прямое прочтение текста есть «подмена неуловимой словесной конкретности услужливой стопудовой „конкретизацией“ рисунка» [Тынянов, с. 311].

Итак, согласно мнению ученого, при создании изобразительного ряда важно отдавать отчет в принципиальной разнице подходов к материалу: «В духе средневековья изображать *не битву, а символ битвы, не затмение, а символ затмения, не выступление в поход, а символ выступления, не бегство, а символы бегства Игоря и пр.* (выделено мною. — И. Л.)».

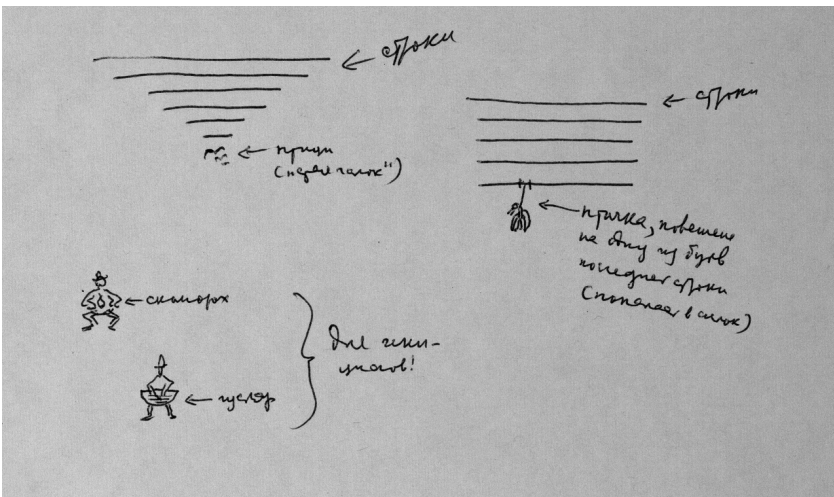
И далее поясняет, почему невозможно адекватно воспроизвести мир героев «Слова о полку Игореве»: «Здесь не нужно будет стремиться к археологической точности, тем более что мы мало знаем об одежде половцев, их вооружении, о различных деталях быта, пейзажей и пр.».

После этого объяснения Д. С. Лихачев предложил свой набросок к оформлению текста (ил. 2). Набросок, сделанный шариковой ручкой с красной пастой, предлагает очень лаконичное символическое прочтение. Важно, что солнце, изображенное на рисунке, практически целиком спрятано за столкнувшимися облаками, а стрелы словно падают в стилизованные волны.

Ил. 2

Не останавливаясь более над расшифровкой тем для гравюр, ученый продолжил: «Гравюр можно сделать примерно 10–12, но нужно сделать много (2–3 десятка) буквиц, разделительных концовок и украшений последней (нижней) — строки страницы, как это было принято в древнерусских рукописях (напр(имер), Новгородские псалтири XII в. в Г(осударственной) Публ(ичной) библиотеке в Ленинграде). Вот примеры» (ил. 3).

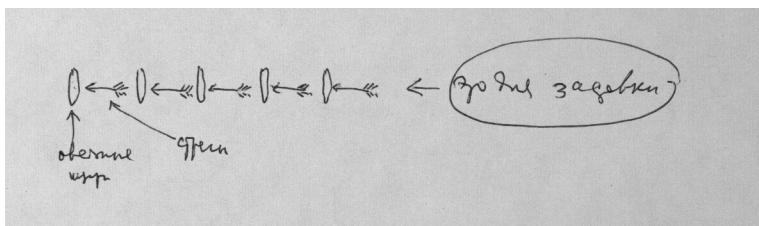
Ил. 3

В первом рисунке после указания: «строки», — которые, как видим, расположены воронкой, что отмечает окончание смыслового фрагмента, помещены схематичные изображения с пометой автора: «птицы». Далее содержится уточнение в скобках: «стая галок».

Второй рисунок Дмитрия Сергеевича также имеет его рукописные пометы («строки»), на последней из них размещен набросок птички и надпись: «птичка, повешена на одну из букв последней строки (попалась в силоч)».

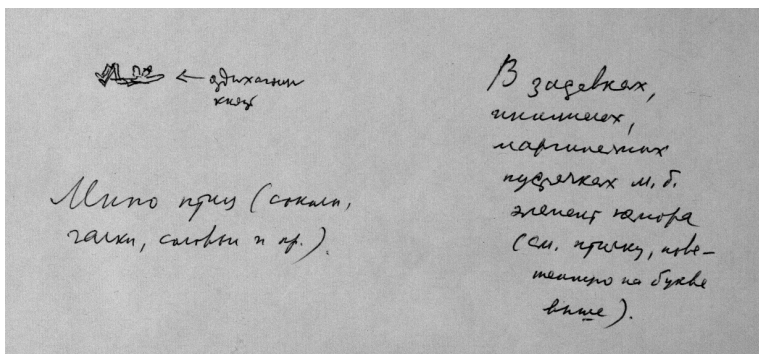
Ниже две схематичные фигурки и записи: «скоморох», «гуслиар», — объединенные фигурной скобкой и объяснением: «для инициалов!».

В качестве возможной заставки ученый предложил поместить изображение стрел, летящих через ряд овальных колец (ил. 4).

Ил. 4

И последний рисунок — фигурка лежащего человека с закинутыми за голову руками и надписью: «отдыхающий князь» (ил. 5).

Ил. 5

Завершают черновик письма два замечания ученого: «Много птиц (соколы, галки, соловьи и пр.)». В правом нижнем углу читается пояснение: «В заставках, инициалах, маргинальных пустячках м. б. элемент юмора (см. птичку, повешенную на букве выше)».

Таким образом, в этих набросках Д. С. Лихачева можно увидеть своего рода программу принципиально нового оформления «Слова о полку Игореве», в которой четко декларируется мысль о нежелательности реалистических изображений, подчеркнута необходимость придерживаться символичности в образном решении, содержится замечание о возможном включении

смешного при иллюстрировании, что не имеет аналогов в визуализации текста Слова в предшествующей художественной традиции.

Как представляется, замечания Д. С. Лихачева об иллюстрировании текста Слова дополняют наши представления о его особом внимании к тесной связи словесной и изобразительной культур. Данная проблема требует специального изучения. Значительный материал для него содержится в известных монографиях ученого, посвященных различным аспектам исследования культуры: стилистике садово-паркового искусства [Лихачев 1991], связей с иконописной традицией русской живописи вплоть до авангарда [Лихачев 1992], русской культуре как особой целостной системе [Лихачев 1999]. Все они богато иллюстрированы, включение части изображений оговаривалось самим ученым при обсуждении проекта издания. Следует отметить большое внимание, которое уделял Д. С. Лихачев при публикации произведений литературы (особенно в научно-популярных изданиях) хронологической соотнесенности текста и иллюстративного материала [Изборник; ПЛДР; Лихачев 1995; Бенуа]. Часто при этом вводились в научный оборот неизвестные прежде фотоматериалы. Ученый и сам хорошо рисовал [Лихачев 1999], всем коллегам памятли его рисунки, буквицы и виньетки в дарственных надписях на книгах. Таким образом, в научном наследии Д. С. Лихачева значителен объем материалов, позволяющих поставить вопрос о наличии у него целостной концепции взаимосвязей текста произведения и его художественного воплощения в иллюстративном материале.

Литература

- Абдрашитова — *Абдрашитова И. В.* Язык, текст, дискурс и книжная иллюстрация // Вестник Пермского национального исследовательского университета. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 3. С. 47–56.
- Бакулина, Трынова — *Бакулина Н. А., Трынова Т. В.* Современные тенденции иллюстрирования художественной литературы // Культурология и искусствоведение: Материалы IV Междунар. науч. конф. Казань: Молодой ученый, 2018. С. 25–28.
- Белоброва 1995 — *Белоброва О. А.* Иллюстрации к тексту «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 2. С. 280–292.
- Белоброва 2003 — *Белоброва О. А.* О некоторых источниках подписей к сюжетам росписи Золотой палаты Московского Кремля // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 53. С. 502–517.
- Белоброва 2004 — *Белоброва О. А.* О подписях к ветхозаветным сюжетам в росписях Золотой палаты Московского Кремля // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2004. Т. 54. С. 623–650.
- Бенуа — *Бенуа А.* Мои воспоминания: В 5 кн. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1990. Т. 1: [Кн. 1, 2, 3]. 711 с.; Т. 2: [Кн. 4, 5]. 743 с.

- Ганкина — *Ганкина Э. З.* Художник в современной детской книге: Очерки. М.: Сов. художник, 1977. 215 с.
- Гаспаров — *Гаспаров М. Л.* Филология как нравственность // Гаспаров М. Л. Записки и выписки. М.: НЛО, 2001. С. 98–100.
- Герчук 1989 — *Герчук Ю. Я.* Художественные миры книги. М.: Книга, 1989. 238 с.
- Герчук 2016 — *Герчук Ю. Я.* Основы художественной грамоты: Язык и смысл изобразительного искусства. М.: РИП-Холдинг, 2016. 192 с.
- Гончаров — *Гончаров А. Д.* Художник и книга. М.: Знание, 1964. 48 с.
- Грибов 1999 — *Грибов Ю. А.* Образ Святой Земли в лицевой рукописи Хождения Трифона Коробейникова // Богословские труды. М., 1999. Сб. 35. С. 136–144.
- Грибов 2013 — *Грибов Ю. А.* О малоизвестном лицевом списке Жития Василия Блаженного из собрания ГИМ // Юродивые в русской культуре: [Сб. ст.]. М., 2013. С. 90–124. (Труды ГИМ; Вып. 197).
- Изборник — *Изборник: (Сборник произведений литературы Древней Руси).* М.: Худож. лит., 1969. 799 с. (Библиотека всемирной литературы).
- Кузьмин — *Кузьмин Н. В.* Художник и книга: Заметки об искусстве иллюстрирования. М.: Дет. лит., 1985. 191 с.
- Лихачев 1979 — *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979. 376 с.
- Лихачев 1982 — *Лихачев Д. С.* Повествовательное пространство как выражение «повествовательного времени» в древнерусских миниатюрах // Литература и живопись. Л.: Наука, 1982. С. 93–111.
- Лихачев 1991 — *Лихачев Д. С.* Поэзия садов. СПб.: Наука, 1991. 369 с.
- Лихачев 1992 — *Лихачев Д. С.* Русское искусство: от древности до авангарда. СПб.: Искусство, 1992. 407 с.
- Лихачев 1995 — *Лихачев Д. С.* Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. 519 с.
- Лихачев 1999 — *Лихачев Д. С.* Новгородский альбом. СПб.: БЛИЦ, 1999. 159 с.
- Лихачев 2000 — *Лихачев Д. С.* Русская культура. М.: Искусство, 2000. 440 с.
- Лихачев 2001 — *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы XI–XVII веков. 3-е изд. СПб.: Алетейя, 2001. 758 с.
- Ляхов — *Ляхов В. Н.* Искусство книги: Избранные историко-теоретические и критические работы. М.: Сов. художник, 1978. 248 с.
- На поле Куликовом — *На поле Куликовом: Юбилейное издание к 600-летию Куликовской битвы.* М.: Молодая гвардия, 1980. 238 с.
- ПЛДР — *Памятники литературы Древней Руси: В 12 т.* М.: Худож. лит., 1978–1994.
- Семенов — *Слово о полку Игореве / Худ. Владимир Семенов.* М.: Художник РСФСР, 1971. 112 с.
- Слово о полку Игореве — *Слово о полку Игореве: Древнерусский текст. Переводы и переложения. Поэтические вариации.* М.: Худож. лит., 1986. 357 с.
- Тынянов — *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
- Юферева — *Юферева Н. Э.* Древнерусский иллюстратор житий святых: Нетекстовая текстология. М.: ПСТГУ, 2015. 316 с.

References

- Abdrashitova, I. V. (2016). 'Yazyk, tekst, diskurs i knizhnaya illyustratsiya', *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo*, 3, 47–56.

- Bakulina, N. A., Trynova, T. V. (2018). 'Sovremennyye tendentsii illyustrirovaniya khudozhestvennoi literatury', in: *Kulturologiya i iskusstvovedenie: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Kazan': Molodoi uchenyi, 25–28.
- Belobrova, O. A. (1995). 'Illyustratsii k tekstu «Slova»', in: *Entsiklopediya «Slova o polku Igoreve»*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 2, 280–292.
- Belobrova, O. A. (2003). 'O nekotorykh istochnikakh podpisei k syuzhetam rospisi Zolotoi palaty Moskovskogo Kremlya' in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 53, 502–517.
- Belobrova, O. A. (2004). 'O podpisyakh k vetkhozavetnym syuzhetam v rospisyakh Zolotoi palaty Moskovskogo Kremlya', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 54, 623–650.
- Benua, A. (1990). *Moi vospominaniya*. (Literaturnye pamyatniki). 2nd ed. Moscow: Nauka. Vol. 1 [1, 2, 3], 711 p.; Vol. 2 [4, 5], 743 p.
- Gankina, E. Z. (1977). *Khudozhnik v sovremennoi detskoj knige. Ocherki*. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 215 p.
- Gasparov, M. L. (2001). *Zapiski i vypiski*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 415 p.
- Gerchuk, Yu. Ya. (1989). *Khudozhestvennyye miry knigi*. Moscow: Kniga, 238 p.
- Gerchuk, Yu. Ya. (2016). *Osnovy khudozhestvennoi gramoty. Yazyk i smysl izobrazitel'nogo iskusstva*. Moscow: RIP-Kholding, 192 p.
- Goncharov, A. D. (1964). *Khudozhnik i kniga*. Moscow: Znanie, 48 p.
- Gribov, Yu. A. (1999). 'Obraz Svyatoi Zemli v litsevoi rukopisi Khozhdeniya Trifona Korobeinikova', *Bogoslovskie trudy*, 35, 136–144.
- Gribov, Yu. A. (2013). 'O maloizvestnom litsevom spiske Zhitiya Vasiliya Blazhennogo iz sobraniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya', in: *Yurodivye v russkoi kul'ture. [Sbornik statei]* (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya; Vol. 197). Moscow: Gosudarstvennyi istoricheskii muzei, 90–124.
- Izbornik (Sbornik proizvedenii literatury Drevnei Rusi)* (Biblioteka vseмирnoi literatury). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 799 p.
- Kuz'min, N. V. (1985). *Khudozhnik i kniga: Zametki ob iskusstve illyustrirovaniya*. Moscow: Detskaya literatura, 191 p.
- Likhachev, D. S. (1979). *Poetika drevnerusskoi literatury*. Moscow: Nauka, 376 p.
- Likhachev, D. S. (1982). 'Povestvovatel'noe prostranstvo kak vyrazhenie «povestvovatel'nogo vremeni» v drevnerusskikh miniatyurakh' in: *Literatura i zhivopis'*. Leningrad: Nauka, 93–111.
- Likhachev, D. S. (1991). *Poeziya sadov*. Saint Petersburg: Nauka, 369 p.
- Likhachev, D. S. (1992). *Russkoe iskusstvo: ot drevnosti do avangarda*. Saint Petersburg: Iskusstvo, 407 p.
- Likhachev, D. S. (1995). *Vospominaniya*. Saint Petersburg: Logos, 519 p.
- Likhachev, D. S. (1999). *Novgorodskii al'bom*. Saint Petersburg: BLITS, 159 p.
- Likhachev, D. S. (2000). *Russkaya kul'tura*. Moscow: Iskusstvo, 440 p.
- Likhachev, D. S. (2001). *Tekstologiya. Na materiale russkoi literatury XI–XVII vekov*. Saint Petersburg: Aleteiya, 758 p.
- Lyakhov, V. N. (1978). *Iskusstvo knigi. Izbrannyye istoriko-teoreticheskie i kriticheskie raboty*. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 248 p.
- Na pole Kulikovom. Yubileinoe izdanie k 600-letiyu Kulikovskoi bitvy*. Moscow: Molodaya gardiya, 238 p.

«Изображать не битву, а символ битвы»: Д. С. Лихачев как автор набросков...

- Pamyatniki literatury Drevnei Rusi* (1978–1974). 12 vols. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Slovo o polku Igoreve* (1971). Khudozhnik V. Semenov. Moscow: Khudozhnik Rossiiskoi Sovetskoi Federativnoi Sotsialisticheskoi Respubliki, 112 p.
- Slovo o polku Igoreve. Drevnerusskii tekst. Perevody i perelozheniya. Poeticheskie variatsii* (1986). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 357 p.
- Tynyanov, Yu. N. (1977). *Poetika. Istoriya literatury. Kino*. Moscow: Nauka, 574 p.
- Yufereva, N. E. (2015). *Drevnerusskii illyustrator zhitii svyatykh. Netekstovaya tekstologiya*. Moscow: Pravoslavnyi svyato-Tichonovskii gosudarstvennyi universitet, 316 p.

А. В. Доронин

БЫЛА ЛИ ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ДРЕВНЯЯ РУСЬ ДРЕВНЕЙ?
К ВОПРОСУ О ТЕРМИНАХ, НО НЕ ТОЛЬКО:
ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Резюме

В разных историографиях Восточной Европы закрепились разные оценки и интерпретации применительно к Руси IX–XIII вв. и разные названия этого периода. Российские коллеги предпочитают оперировать в отношении него конвенцией «Древняя Русь». Но насколько она корректна в научном плане и согласуется ли с общеевропейской и мировой периодизацией истории? Почему она неприемлема для других историографий, которые также считают Русь IX–XIII вв. частью своей истории? Вообще, была ли так называемая Древняя Русь древней? Можно ли считать так называемую Древнюю Русь началом руси? Сколько у руси древностей? Пытаясь тезисно дать ответы на эти вопросы, автор приглашает коллег к дискуссии на заданную тему.

Ключевые слова: Древняя Русь, древняя русь, рус(с)кость, начало, Древность, Средневековье, Новое время, периодизация истории, исторические парадигмы, российская историография, государство, нация

Andrej V. Doronin

WAS SO-CALLED ANCIENT RUS' REALLY ANCIENT?
THE QUESTION OF TERMS, BUT NOT ONLY:
AN INVITATION FOR A DISCUSSION

Abstract

Different historiographies of Eastern Europe have produced varying assessments and interpretations of Rus' of the 9th–13th centuries. Moreover, scholars have referred to Rus' during this period by varying names. Russian scholars prefer to use the term 'Ancient Rus', but its historical accuracy is incorrect. If the term is consistent with the European and global periodization of history? Why is it unacceptable for other historiographies of Eastern Europe,

© А. В. Доронин, 2024

which also consider Rus' of the 9th–13th centuries as part of its history? Was so-called Ancient Rus' truly ancient? Can one consider the so-called Ancient Rus' the beginning of Rus'? How many antiquities different Rus' possess? By attempting to give detailed answers to these questions, the author invites colleagues to a discussion of this topic.

Keywords: Ancient Rus', different Rus', rus'ness, Antiquity, Middle Ages, Modern times, periodization of history, historical paradigms, Russian historiography, state, nation

DOI 10.31860/2712-7591-2024-1-108-133

В 2015–2022 гг. мне, специализировавшемуся ранее на заальпийской ренессансной культуре и (ранне)модерном нациогенезе в Европе, захотелось найти ответ на вопрос, когда же в этой части континента зарождаются современные нации. Я предложил коллегам с Украины, из Беларуси, России, Литвы, Польши, Германии искать его вместе в рамках проекта «Восточные славяне в поисках новых надрегиональных идентичностей в конце XV — середине XVIII в. в контексте зарождения современных наций в Европе»¹. Уже в начале совместной работы нам нужно было договориться о единых теоретических установках, ключевых терминах и конвенциях. И «Древняя Русь» стала для нас в этом смысле одним из камней преткновения.

В разных историографиях Восточной Европы закрепились разные названия, оценки и интерпретации в отношении Руси IX–XIII вв. Некоторые коллеги воспринимают так называемую Древнюю Русь и Киевскую Русь как синонимы. Кто-то полагает, что Русь продолжилась после распада Киевской Руси вплоть до конца XVII в., в подтверждение чего указывает на преемственность династии / власти, Церкви и богослужебной практики, летописной традиции и книжности и др. Кто-то релятивизирует роль Киева как политического центра Руси в IX–XIII вв. и подчеркивает заметные уже тогда, а впоследствии лишь нараставшие центробежные тенденции и регионализацию Руси, соответственно девальвирует представление о ней как едином политическом организме еще до ее распада, предпочитая называть ее домонгольской, с монгольским же нашествием и закончившейся. Но северо-западные земли руси нашествия кочевников в XIII–XIV вв. и далее не знали, так что упоминание об этих землях в привязке к монгольским набегам белорусские (так! — А. Д.) коллеги расценивают как иррелевантное. Были и другие резоны. Меня же, «западника», смущает всякое использование определения «древний» в связи с Русью IX–XIII вв., на общеевропейской шкале принадлежащей Средневековью. Например, конструкция «средневековая

¹ В декабре 2022 г. вышла в свет наша итоговая коллективная монография «Когда зарождаются нации на востоке Европы?» [Когда зарождаются нации], шестая изданная в рамках проекта книга.

Древняя Русь XVI—XVII вв.» мне всегда казалась оксюмороном. Меж тем издатели авторитетного журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» серьезной исследовательской проблемы в подобном маркере не видят.

На этот счет я и хочу задаться вопросами и коротко поделиться своими соображениями (вполне банальными, на мой взгляд) в тезисах, которые рассматриваю как приглашение к дискуссии.

В какой системе исторических координат Русь Рюриковичей IX—XIII вв. древняя?

Древность означает начало чего-то, она конкретна. У разных *identities* разная природа, а потому разные начала / разная древность. Объединение людей в племена / народы, образование первых государств, зарождение религиозных воззрений и религий, становление современных наций происходили не одновременно. Естественно, в разных нарративах — региональном, этатистском (в том числе династическом или имперском), религиозном, национальном и др. — древность на шкале времени, привычно с XVI в. измеряемая в веках, разная.

Очевидно, в конвенции «Древняя Русь» речь идет в первую очередь и по сути о древности (москво)русской государственности, коль скоро «Русь» в ней с заглавной буквы. Государство выступает в представлении российской историографии исконно главной составляющей в иерархии идентичностей отечественного социума, началом и фундаментом, стержнем и гарантом русскости и символизирует ее якобы природное единство и неразрывную преемственность истории.

Определенно никому не придет в голову поставить так называемую Древнюю Русь в один ряд с Древним Китаем, Древней Индией, Древней Ассирией, Древним Египтом, Древней Грецией, Древним Римом и другими древними обществами, отстоящими от России на тысячелетия. Разве что тем, кто голословно числит «русский мир» испокон веков среди главных мировых цивилизаций. Но ведь Россия и (разная) русь не создала собственной космогонии, которая бы от начала мира определяла ее (и только ее!) основы общественного устройства и принципиально отличала ее и ее культуру от всех *других*. Россия вычленяет *свое* из общего европейского ряда, — прошлое которого базируется на ветхозаветной картине рождения мира, античной исторической карте и христианстве, — но настаивает на своем особом пути.

Казалось бы, так называемую Древнюю Русь резонно вписать в европейскую семью древностей наряду с Древней Германией, Древней Англией, Древней Польшей, Древней Венгрией и др. Но мифы этих древностей развенчаны. Зарубежные коллеги давно не оперируют подобными кон-

венциями, когда пишут о землях, составляющих ныне их отечества, или же племенах, некогда их населявших. Сохраняя историческую дистанцию, они не навязывают прошлому *ex post* преемственность социальных институтов, которых оно не знало. В общеевропейской современной (типологически ренессансной) системе исторических координат Античность / древность заканчивается с распадом Римской империи / началом Великого переселения народов — древние Германию, Англию, Польшу, Венгрию и др. в ней не найти. Как, впрочем, и так называемую Древнюю Русь.

Более того, в современной европейской парадигме древность привязана к началам наций, а не государств. В социальной иерархии институт нации потеснил в Новое время институты государства, Церкви, сословий и др. При этом древность европейских наций — воображаемого / мифического толка. Ведь общеевропейская древность / древность всех населяющих Европу народов в Новое время была укоренена ренессансными гуманистами во времена после потопа [Доронин 2003; 2012; 2018; 2022а; Doronin 2013]. И до сих пор ренессансная / (ранне)модерная историческая карта мира определяет политическую карту Европы. С мифа глубокой древности и самобытности этнокультурного *своего*, т. е. народа как исконной надрегиональной этнокультурной общности, ведет свой отсчет любая европейская современная нация, да и сам институт современной нации как таковой.

Последователи Петрарки / ренессансные гуманисты гармонизировали в XV в. историческую карту Европы на основе всех известных им тогда источников и примирили / синхронизировали все известные им тогда исторические парадигмы — универсальные ветхозаветную, троянскую и римскую, а также разные гентильные парадигмы / космогонии периода Великого переселения народов. Тем самым они манифестировали на рубеже XV—XVI вв. исконное от начала мира единство и преемственность европейского исторического и культурного пространства² перед лицом «контр-Европы», каковой, согласно меткой оценке Ф. Броделя, предстали к концу XV в. ислам и Османы [Бродель, с. 480]. Прошлое гуманисты впервые поделили на эпохи, противопоставив их друг другу; замечу, никогда ранее преемственность человеческой истории от ее начала сомнению не подвергалась. В этой новой (ранне)модерной системе исторических координат Средневековье «отрицало» Древность — варвары не были преемниками Античности: Ветхий Завет, греки и римляне не знали подавляющего большинства народов,

² Папа Пий II как гуманист, известный также под именем Энея Сильвио Пикколомини, вычленил это представление в формуле «in Europa, id est in patria, in domo propria, in sede nostra» [Oration «Constantinopolitana clades», S. 30].

к XV в. Европу населявших. Так что этим народам предстояло, отказавшись от собственных гентильных начал, заново «найти» свою древность в по-новому отформатированном мироустройстве, общеевропейском, — (ре)конструировать *свое*, утверждая его преемственность от начала мира и отрицая его дисконтинуитет, тем самым декларируя *свое* присутствие во всех эпохах европейского бытия — от *своей* (мифической) древности через нормализованное *свое* (отнюдь не варварское в их прочтении) Средневековье к возрождению (славного) *своего* в Новое время. Каждая европейская нация (ре)конструировала таким образом собственный нарратив древности / нарратив *своей* древности — на поверку не что иное, как миф. Так нарождалась полифония разных «равноавторитетных» национальных древностей в рамках единой общеевропейской — от потопа до падения Римской империи. Основные вехи этой древности были расставлены ренессансными гуманистами. В этой (ранне)модерной системе исторических координат Древность отделена от Средневековья и противопоставлена ему, а Средневековье — (раннему) Новому времени.

Но о какой бы эпохе речь ни шла, на исторической карте какой части земной суши стали бы мы искать племена, некогда занимавшие земли, объединяемые конвенцией «Древняя Русь»? Определенно в Европе, притом отнюдь не в Античности, а во второй половине I тыс. от Рождества Христова, т. е. в Средневековье на общеевропейской шкале истории. До так называемой Древней Руси не было Руси, тем более как самостоятельной цивилизации. Ни на одной общей шкале древности — будь то мировой или европейской — Руси не найти. В этой связи остается предположить, что конвенция «Древняя Русь» жизнеспособна исключительно в автономной российской системе исторических координат, государствоцентричной по своей природе, и годится лишь для внутрироссийского употребления.

Все ли нации, национальности, этнокультурные группы, для которых Русь IX–XIII вв. была и их историей тоже, считают ее древней / своим началом?

Русь IX–XIII вв. — часть истории в том числе украинцев и белорусов, а также русинов Словакии, Польши, Венгрии, Румынии и др. Она вписана сегодня в разные национальные и региональные нарративы разной руси³

³ Под «русью» я понимаю те «мы-группы», которые после распада Руси в XIII в. связывали с ней впоследствии свое прошлое и свои институты (веру и Церковь, династии и сословные устои, символы и «места памяти», язык и проч.).

«Русь» — не этноним. Даже в XII–XIII вв. летописи Руси не сообщали о ее народе как славянском. Да и само имя «русь» распространилось в ВКЛ и Речи Посполитой намного позднее

и представлена в них по-разному. Главное, свои истоки / свою (разную) рус(с)кость эти нации, национальности, субэтнические группы конституируют в этнокультурном, а не этатистском / государствоцентричном ключе. Их нарративы начинаются не с государства, не с Руси IX—XIII вв. — не с династии Рюриковичей и Крещения Руси. Да и почему, собственно, какая бы то ни было субэтническая группа, национальность или нация, долгое время или даже на всем протяжении своей истории существовавшая независимо от руси московской, обязана следовать в фарватере монополизировавшего рус(с)кость российского исторического нарратива, настаивающего на якобы исконно едином со времен так называемой Древней Руси «русском мире», сцементированном преемственностью его традиций и культуры от Рюриковичей до сего дня? Очевидно, и в династическом, и в религиозном, и в государственном, и в территориальном, и в языковом, и в культурном, и во многих других отношениях говорить об исторической во все времена преемственности разной руси отнюдь не приходится.

В национальном или субэтническом нарративе начала той или иной руси / их древность не конгруэнтны так называемой Древней Руси.

Разная русь, в силу обстоятельств оказавшись в раннее Новое время в разных территориально-политических образованиях и культурных пространствах, каждая по-своему переживала ослабление надрегиональных связей, и без того к моменту распада Руси непрочных, а также свои (разные для разной руси) династические и религиозные кризисы; каждая заново форматировала себя как самостоятельную этнокультурную «мы-группу». В разной мере и с разной продолжительностью разная русь испытывала влияние «латинского» Запада, и каждая по-своему адаптировала новую (ранне)модерную систему исторических и культурных координат в условиях сосуществования, противоборства и взаимодействия разных исторических и культурных линий самоидентификации, а также обострившейся в XVII в. церковной полемики. Каждой предстояло в раннее Новое время найти *свое* новое место на политической карте Европы — самостоятельное или инклюзивное.

как своего рода umbrella term, обозначающий некогда жителей Руси: литва и поляки противопоставляли себя рутенам / русинам. На северо-востоке Восточной Европы в XIII—XIV вв. все еще продолжали бытовать иные самоназвания, привязанные к конкретным землям, — суздальцы, новгородцы, москва и др.

Собирательный термин «русь» помогает нам избежать культивируемой сегодня модернизации русскости — прочтения ее на современный российский лад как исконного «российского». Русь / русь была и остается разной. О ее этнокультурном единстве речь не шла изначально; и даже после распада Руси главной в XIV—XV вв. оставалась ее региональная, территориально-политическая самоидентификация с фокусом на конкретное княжество и его правителя из династии Рюриковичей. А за этим последовали века разножития руси.

Применительно к разной руси в Новое время следует говорить о разных исторических пространствах и траекториях исторических судеб, разных линиях (ранне)модерного нациогенеза, разных нарративах древности. Свои начала разная русь не обязательно теперь связывала с Русью IX—XIII вв., даже на уровне разных сословий и разных конфессий ее представления о своем начале не были едиными. Укажу здесь, к примеру, на идею роксоланского происхождения руси-шляхты Речи Посполитой, категорически отрицавшей свое кровное родство с русью незнатной; на (редкие) попытки русинской знати ВКЛ встроить свои родословия в легенду о Палемоне; на разные конфессиональные нарративы руси о Крещении и др.

Конкурентная поликультурная и полиэтничная, неоднородная конфессиональная среда ВКЛ и Польши / Речи Посполитой предполагали как известную ассимиляцию и аккультурацию руси, так и ее противодействие этому. С XV—XVI вв. эта русь вынуждена была реагировать на вызовы официальных доктрин — «римской легенды» литвы и «сарматизма» поляков. На первых порах это укрепило, например, русь ВКЛ в желании реанимировать *свою* летописную традицию и представить историю ВКЛ как продолжение собственной, восходящей к первым Рюриковичам (см. Никифоровскую и Супрасльскую летописи), по крайней мере, объединить их (Слуцкая летопись). Но с конца XVI в. раннемодерные интеграционные проекты руси оказались завязаны не только на православие, но и на католичество (Станислав Ореховский, Иосиф Верещинский), униатство (Лев Кревза, Яков Суши, Игнатий Кульчинский и др.), протестантство (сторонники этой линии более других склонялись к «сарматизму»). Были и примеры прямой ориентации на западную культурную традицию (см., например, сочинения первой трети XVIII в. гетмана-эмигранта Пилипа Орлика). В целом для всех них характерен синтез идеологем, восходящих к Руси IX—XIII вв., с раннемодерными западными. Так, в XVII в. проявилась тенденция к латинизации Киевской митрополии и оформлению *Slavia Unita*. Наперекор этому и давлению со стороны Речи Посполитой укреплялась *Slavia Orthodoxa*, подтолкнувшая часть украинских священнослужителей (Захария Копыстенский, Лаврентий Зизания, Афанасий Кальнофойский) на сближение с Москвой. Стремление найти у русского царя защиту для Православной церкви и удовлетворить собственные карьерные амбиции подтолкнуло их к созданию мифологемы исконно единого православного «словенороссийского» народа, историческим и сакральным центром которого является Киев (Афанасий Кальнофойский, Феодосий Софонович, Иннокентий Гизель и др.). Но и в этом нарративе основная тяжесть исторической легитимации приходилась на манифестацию руси как народа исконно самобытного православного; госу-

дарство Рюриковичей в нем не начало русской истории; с ветхозаветного первопрядка Мосоха, шестого сына Иафета, следовало вести отсчет народа «словенороссийского» и всех славянских, как указывал Киевский Синописис 1674 г. и последующие его редакции.

Примечательно, что ко второй половине XVI в. русь-украина узнавала о своей домонгольской истории уже в основном из польских хроник. Вообще к началу XVI в. нам известны лишь три региональные летописи Юго-Западной Руси (Киевская, Волынская и Львовская), восходившие к летописной традиции ранней Руси; она исчерпала себя здесь к середине XVI в. К тому времени эта часть руси уже на протяжении трех столетий жила в новом для нее политическом и культурном, полиморфном по своему характеру мире и востребовала в том числе новые линии своей исторической самоидентификации. В частности, русинская знать объявила себя после Люблинской унии (1569) потомками роксоланов, входивших в античности в племенной сарматский союз. Этот ограниченный высшими сословиями русинский патриотизм прагматично дрейфовал в XVI—XVII вв. в направлении польского — сословные интересы оставались для русинской знати приоритетными. (В этом смысле так называемый дворянский национализм тормозил складывание украинской современной нации, а восходящий к ПВЛ династический нарратив Рюриковичей не способен был в XVII в. консолидировать все сословия руси-украины.) Как показывает В. И. Ульяновский [Когда зарождаются нации, с. 187], попытка некоторых украинских церковных интеллектуалов первой половины XVII в., например Мелетия Смотрицкого, манифестировать кровное родство всех социальных групп руси-украины независимо от сословия встречала резкое сопротивление русинского нобилитета: «Называете нас рожденными из одной крови с вами и родичами своими. Это просто неприлично... Ибо какая же то единая кровь наша шляхетская с плебеями? Какое родство с хлопами? Вы думаете, что роднитесь по крови и равняетесь происхождением со старинными руськими родами» [Памятники литературной полемики, с. 737–738].

Так или иначе, к XVII в. русь-украинские интеллектуалы были убеждены, что русь и москва — разные народы. Так полагал, в частности, и автор Густынской летописи (1620-е гг.), добросовестно собравший все известные к XVII в. версии происхождения славянских народов (прежде всего античные, хотя не забыл он и ПВЛ): «Двѣ суть Сармації: едина Асьсийская, а другая наша Европская. Асьсийская Сармация за рѣкою московскою Дономъ, глаголемою Тапайс... Ко востоку жители ея по-над Доном народ Московский, прочий же къ востоку Скифи. Раздѣляетъ же ся Асьсийская Сармация от Европской Сармації вышпомянутою рѣкою Дономъ» [Густынская

летопись, с. 15—16]. Со времен потопа, как сообщает Густынская летопись далее, русь и москва вместе с другими народами населяли Приазовье (Европейскую Сарматии) и были известны во время Троянской войны как энеды / венеты, и «изыйдоша Енеды от Чорного моря и наполниша въ Европии многия страны полунощныя. И ныне тамо живутъ Русь и проч.» [Густынская летопись, с. 14]. В XVII—XVIII вв. украинские интеллектуалы в большинстве своем считали, что русь происходит от Рифата и Форгамы, потомков сына Иафета Гомера, а москва — от младшего (!) брата Гомера Мосоха, т. е. русь старше москвы; другие же подчеркивали единство руси и москвы в православной вере, и только. Но Густынская летопись напоминала также, что после Троянской войны в Приазовье остался еще один славяноязычный народ — черкасы (под ними понимали казаков): «А на оныхъ ихъ мѣстѣхъ над езеромъ Меотинъским нынѣ живутъ Черкасы и Пятигорцы, мужѣ сильными и храбрии на брани, нашим же языкомъ глаголють» [Густынская летопись, с. 13]. Со времен Трои они автохтоны Приазовья. Через несколько десятилетий это упоминание вкупе с западными опусами, и в XVI в. утверждавшими Хазарию в Приазовье, дали казацким хронистам повод стилизовать казаков как самостоятельный народ — потомков хазар⁴. Именно «хазарский миф» стал в XVII в. основой исторической самоидентификации малороссийского народа / украинской нации⁵. Этот миф позволял казакам противопоставить себя как полякам с их сарматским мифом, так и москвитам с их первопредками и настаивать на исконно самобытной глубокой древности малороссийского народа. Поначалу «хазарский миф» игнорировал «более позднее» киеворус(с)кое прошлое «своих земель», но впоследствии адаптировал его — прагматичные интересы «казацкой нации» востребовали историческое наследие Руси IX—XIII вв.; к тому же, обратившись в православие, казаки нашли поддержку руси-украины и ее Православной церкви и в конце концов слились с русью-украиной в единый народ. Самоназвание *украинский* стало восприниматься как тождественное *малороссийскому казацкому*, пока не вытеснило его. Так или иначе, идея «народа казаков», которую мы обнаружим в текстах их интеллектуалов конца XVII—XVIII вв. (см. Летопись Грабянки, Летопись С. Велички и др.), существенно рас-

⁴ На древних картах хазары — коренное население Скифии. Под скифами зачастую в XV—XVI вв. понимали татар. До середины XVII в. казаки оставались смешанным в этнокультурном и религиозном отношениях воинским сословием и не имели собственного исторического нарратива.

⁵ Следы «хазарского мифа» можно обнаружить и в москворусских нарративах первой пол. XVII в., например в «Сказании о Словене и Русе», где Казардан / Азардан / Зардан — брат Скифа, то есть он старше Словена и Руса, являвшихся сыновьями Скифа.

ходила с московскими интеграционными образцами и московской древностью. «Хазарский миф» цементировал языковые, надрегиональные территориальные, сословные, конфессиональные и другие линии идентичности украинских земель и стал своего рода дрожжами ее современного национального проекта. Русь Рюриковичей IX—XIII вв. была в нем *ad marginem*.

Разумеется, эта хазарская древность малороссийского / украинского народа, как и любой нарождавшийся раннемодерный национальный нарратив, — миф / воображаемая реальность. Но именно мифы автохтонной, самобытной (*свой vs другой / чужой*) древности народа и преемственности его истории от начала мира конституировали любую современную нацию в XVI—XVIII вв. Профессиональные историки со временем деконструировали мифы этих национальных древностей, как и сам миф древности той или иной нации, но идея исконной надрегиональной этнокультурной общности народа / нации продолжает жить и спланивать нацию и сегодня. Очищенная в Новое время от мифов, она побуждает преодолеть все различия — региональные, сословные, конфессиональные и любые другие — и поставить государство себе на службу, самоорганизоваться в гражданское сообщество на основе равного для всех его членов закона.

Что же касается руси ВКЛ, то она не создала собственного (ранне)модерного национального нарратива, но растворила *свою* «древность» в нарративе политическом литвинском. Великое княжество Литовское отличалось к XVI в. толерантностью общежития руси и литвы. Во многом они адаптировались друг к другу на разных социальных уровнях повседневности, тем более что земли руси не были выделены в ВКЛ как самостоятельные в административном отношении; русь слабо артикулировала себя как общность на надрегиональном уровне. Уже к XVII в. в ВКЛ оставалось мало локусов, где русь последовательно сохраняла свои аутентичные этнокультурные традиции. Ее семейные, локальные, региональные связи были куда крепче надрегиональных. К XVII в. оформилась политическая общность литвины, о которой в исторической перспективе уместно говорить как о *failed nation*. Так или иначе, если в начале XVI в. Никифоровская и Супрасльская летописи еще вписывали Русь IX—XIII вв. в историю ВКЛ от его начала, то уже со второй половины XVI в. русь ВКЛ не оставила по себе ни одной летописи, а истоки княжества представляли связанными исключительно с литвой. Вероятно, у руси ВКЛ к XVII в. не было выраженных причин противопоставлять себя литве, отделять себя от нее, в том числе в прошлом. И хотя позднее Российская империя постоянно напоминала этой руси о якобы единых корнях русского / российского народа, та не забывала о четырех веках тесного общежития с литвой и литвинской (*failed*) *nation* как

едином народе. Неудивительно, что проводники белорусского национализма XIX в. апеллировали к «вечному единству» с литвой, где русь была «как ядро в орехе», а так называемую Древнюю Русь как начало *своей* истории не рассматривали.

Так или иначе, к XVII в. значительная часть (разной) руси вовсе не связывала свое прошлое с московским / российским, наоборот, противопоставляла ему и не принимала московскую ветвь Рюриковичей как единственно правомочную наследницу Руси IX—XIII вв.; в XVII в. у руси-украины и руси ВКЛ постепенно оформлялись их новые исторические этнокультурные легитимации, в которых так называемая Древняя Русь была не точкой отсчета, но лишь одним из этапов их прошлого, притом поздним; да и Россия до второй половины XVII в. еще не претендовала на всю русь как единый с ней народ. Даже в конце XVII — XVIII в., когда русь-украина и русь ВКЛ оказались частично интегрированы в Российскую империю как якобы исконно российский народ, немосковская русь отделяла / отличала себя от руси московской. Представление о едином с древности русском народе укоренилось лишь в нарративах имперских (русь — подданные Рюриковичей) и религиозных православных (истинная русь — православная).

Что же до этнокультурных групп русинов, не являвшихся титульной национальностью в государствах их проживания, то их региональная этнокультурная самоидентификация базировалась не на преемственности так называемой Древней Руси, но на продолжении региональных этнокультурных традиций.

Так или иначе, конвенция «Древняя Русь» иррелевантна нарративам древности той руси, которая отличала и отличает себя от руси московской / сегодняшних россиян.

«Древняя Русь» как начало

Так называемая Древняя Русь — анахронизм. В IX—XIII вв. ее знали как Русь / Рус(ь)кую землю, а после, вплоть до XVI—XVII вв., помнили как «старожитные времена» / «старину», а Рюриковичи — как наследие дедичей.

«Древний» в российском историографическом нарративе выступает, вероятно, синонимом определению «старый» / «старинный», которое, как известно, не имеет конкретной привязки к шкале истории. В то время как обозначение «древний» в общеевропейской системе исторических координат вполне верифицируемо, оно тождественно «Античности», закончившейся, как принято считать, с распадом Римской империи. Очевидно, дихотомия «старый vs новый» предполагает последовательность этапов развития

того или иного социального организма, а потому имеет отличное смысловое наполнение от не предполагающей линейного развития и преемственности схемы периодизации европейской истории «Древность — Средневековье — Новое время». И это запутывает. Так называемая древность Руси иной природы, чем древность Европы.

«Древняя Русь» — исследовательская конвенция, оформившаяся в XIX в. компенсаторно: в «век национализмов» россиянам (и не только филологам) понадобилась *своя* древность, дабы не выпасть из европейского идейно-политического мейнстрима. И «древняя Россия, — согласно хрестоматийной формуле А. С. Пушкина, — была открыта Карамзиным, как Америка Колумбом». Но это была Россия первых Рюриковичей, заново (нет, не так, как Америка!) открытая российскому читателю. Н. М. Карамзин не первый написал историю так называемой Древней Руси, он не искал Русь до первых Рюриковичей, не ревизовал периодизацию российской древности, но оживил / индивидуализировал «Древнюю Русь» и первых Рюриковичей. Противопоставляя старое и новое и преследуя тем самым программные цели, он апеллировал к так называемой Древней Руси как исконной земле предков.

Как известно, термин «древнерусский» был введен в оборот в конце XIX в. филологами в отношении первых письменных памятников руси⁶. Российским филологам XIX в. было ясно, однако, что Русь IX—XIII вв. целиком принадлежит Средневековью на общеевропейской шкале истории. Не вызывает это протеста и в современной историографии. Но коллеги, не смущаясь, смешивают две разные по своей природе парадигмы — этатистскую изоляционистскую российскую и националистическую модерную европейскую, — и тогда так называемая Древняя Русь благополучно предстает Средневековьем, которое длится до конца XVII в., когда прочие народы Европы, соседи, уже на протяжении двух веков живут в (раннем) Новом времени.

⁶ Замечу, и в немецкой историографии есть сходный термин — *altdeutsch* — применительно к языку и ранним письменным памятникам на *teutsch*. Его следует перевести как «старонемецкий», так его понимают и немецкие коллеги. Записанные на старонемецком описи и хроники известны уже с конца VIII в. Однако VIII в. не ассоциируется в немецкой историографии с Древней Германией, как и государство Карла Великого, которого немцы считают первым своим (немецким) императором. Так называемая Древняя Германия уходит на тысячелетия в глубь истории, к временам после потопа, к Туискону и его потомкам. Этот миф, основанный на «Германии» Тацита и ренессансных исторических нарративах, пусть и развенчанный, объединял немецкую нацию, якобы наследницу древних германцев, как воображаемое надрегиональное этнокультурное сообщество, базирующееся на общей исторической памяти и якобы исконной самобытности.

«Древняя Русь» как Средневековье

Конвенция «Средневековье», принятая в современной европейской историографии, обозначает эпоху общую для Европы, ее датируют V—XV вв. и наделяют характеристиками и коррелятами, более или менее общими для всех ее составляющих. И в этом смысле Средневековье российское, если рассматривать его как часть европейской истории, при всей своей специфике не является инородным ей. Герметичных культурных традиций в Европе не существовало и не существует. История московской руси / шире россиян являлась и является частью общей европейской.

У России нет некоего собственного / особого Средневековья, которое бы, обозначая разрыв между так называемой Древней Русью и сегодняшней Россией, противопоставляло эпохи друг другу. Наоборот, по мнению российской историографии, Россия — наследница так называемой Древней Руси / неизменно преемственна ей династией / властью, верой православной и Церковью, летописной традицией и книжностью и др. Главные ее вехи она связывает с именами наиболее видных правителей России. О каком бы то ни было разрыве российской истории речь в российской историографии не идет. Какой смысл в таком случае в выделении различных (отличных одна от другой) эпох ее истории — Древности, Средневековья, Нового времени? Разве смена персоналий на российском троне позволяет отграничить Древность от Средневековья, а его — от Нового времени?

Но манифестируемая российской историографией преемственность российской истории от так называемой Древней Руси, прочитанная ею как общерусская, воспринимается коллегами как козырь. Своей реальной / конкретной «древностью» так называемая Древняя Русь якобы «бьет» мифическую древность прочих европейских народов, засвидетельствованную в их летописях. Верифицируемая на основе ранних рус(с)ких летописей так называемая Древняя Русь, не вписанная ни в какую космогонию, но привязанная к началам своей государственности, более или менее поверяемой источниками и археологией, выгодно контрастирует с «баснословиями» западных средневековых хроник. Но, подчеркну еще раз, российские коллеги упускают из виду, что в их системе исторических координат главным субъектом и объектом истории является государство, а в остальных современных европейских — народ / нация⁷. Однако в национальном и этатистском нарративах «древность» разная — одна отстоит от другой на тысячелетия;

⁷ Дилемму, что первично в истории, народ по отношению к государству или государство по отношению к своему народу, российская историография решает иначе, чем прочие европейские.

в первом случае это древность мифическая / воображаемая, во втором — на общечеловеческой шкале истории не древность вовсе.

Древняя Русь vs древняя русь

Древнюю Грецию мы сопрягаем с древними греками, Древний Рим — с древними римлянами, Древний Египет — с древними египтянами, Древнюю Ассирию — с древними ассирийцами, Древнюю Персию — с древними персами / сегодня иранцами и т. п. Но «Древняя Русь» и «древняя русь» — две разные, исторически не совпадающие и не сопрягаемые величины. Древний народ российский появляется у Ломоносова на исторических подмостках уже после потопа, в то время как так называемая Древняя Русь оформится лишь спустя тысячелетия. Так называемая Древняя Русь не предполагает древнюю русь.

Очевидно, древность — всегда начало чего-то. И начала более древнего, чем древнее, быть не может. У любого социального организма начало одно, пусть его и могут переписывать *ex post* в зависимости от меняющихся представлений того или иного сообщества. Если Русь IX–XIII вв. — древняя и эта связанная с первыми веками ее государственности древность является ее началом — следовательно, более ранней древности / какого-то иного начала Русь не знала. Предсказуемо и неудивительно, что В. Н. Татищев в своей «Истории Российской с самых древнейших времен» [Татищев 1769; 1962] называет все те связанные с восточными славянами и угро-финнами события, которые относились ко временам до образования Руси Рюриковичей, «предысторией», к истории Руси отношения не имеющей. История России для него начинается с государства Русь в IX в.⁸ Из «предыстории» России В. Н. Татищев даже не пытается протянуть к Руси первых Рюриковичей какие-либо линии преемственности и обнаружить в «предыстории» России Русь как таковую, не ищет он и свидетельств в пользу дорюриковичей государственности населявших эту территорию племен. Согласно Татищеву,

⁸ Официальный российский исторический нарратив и сегодня проводит эту линию. См. ru.wikipedia: «история страны разделяется примерно на семь периодов: древнейший (догосударственный) (до кон. IX в.) период, период Киевской Руси (до сер. XII в.), период раздробленности (до нач. XVI в.), период единого Русского государства (с 1547 г. / царства — 1721), период Российской империи (1721–1917), советский период (1917–1991) и новейшая история (с 1991 г.), см. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/История_России (дата обращения — 24.01.2024). Притом не с Киева отсчитывает теперь канонизированная российскими властями публичная версия начала российской государственности, а с призвания варягов в Ладогу и с новгородского князя Олега, который «захватил Киев, тем самым объединив северные и южные земли восточных славян под единой властью, положив начало Киевской Руси». Из схемы видно, что в фокусе российской истории и историографии государство, а не народ.

«предысторию» следует понимать как этап догосударственный / древнейший. Но с этапа древнейшего / «предыстории» история Руси не начинается — в нем Руси нет.

Иначе на это смотрел М. В. Ломоносов. В 1749—1750 гг. он яростно, эмоционально ввязался в спор о началах России с ее официальным историографом, немцем Г.-Ф. Миллером, полагавшим, что от скандинавов «Россия... Царей и имя свое получила» [Миллер, с. 39]. Сочтя это утверждение оскорбительным для урожденного русского, он удревнил Русь до времен слепотопных, в коих укореняли себя в раннее Новое время все прочие европейские народы. В ломоносовской системе исторических координат, благопривитой ему во время его обучения в Германии, не с государства начинается история народа, но народ / нация дает начало всему *своему*: землям, городам, государству, языку и письменности, вере, самоназванию и т. д.; народ древнее всех своих институтов, они — частное по отношению к народу как общему, а государство возникает на более поздней стадии его самоорганизации; народ первичен по отношению ко всему, с ним связанному. Так, ломоносовская «Древняя Российская история от начала *российского народа* до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г.», так и не вышедшая при его жизни, стала его ответом Г.-Ф. Миллеру: древняя Русь начинается, по мнению Ломоносова, за тысячелетия до призвания Рюрика.

Начала «Древней Руси» Татищева и «древней руси» Ломоносова разделяют почти четыре тысячелетия. Соединить их в одну древность невозможно. Татищев и Ломоносов декларируют ее в разных системах координат — изоляционистской государствоцентричной и общеевропейской нациоцентричной. Где начало Руси: в мифической древности после потопа? в известных античным авторам племенах, населявших эти земли задолго до Руси Рюриковичей? в Руси Рюриковичей как первом опыте государственности на этих землях? Это разные нарративы / разная древность. От ответа на вопрос о древности как начале чего-то зависят объект и фокус наших исследований, а с ними и исследовательские приоритеты.

По понятным причинам российская историография утверждает этатистский нарратив, все прочие европейские историографии — национальный.

Ломоносовский национальный нарратив, — в котором скифы (славяне) и сарматы (угро-финны) якобы уже вскоре после потопа слились в единый в будущем русский народ и населили свои исконные земли, основали свои первые города и государства (задолго до Рюриковичей), попутно доросли (самостоятельно) до единобожия [Doropin 2012; 2014; Доронин 2014], — противоречит татищевскому этатистскому. Однако удивительным образом российская историография не элиминирует ломоносовскую схему россий-

ской древности⁹. И хотя непротиворечиво примирить общеевропейское современное деление истории на «Античность — Средневековье — Новое время» с изоляционистским российским (не знающим разрыва между Древностью и Средневековьем) невозможно, отказываться от тезиса Ломоносова, настаивавшего на том, что «российская история довольна к сравнению с каждым иным европейским народом» [Ломоносов, с. 174], российская историография не намерена. Но ведь сравнивать можно лишь в единой системе координат по единым коррелятам...

Чуть ли не каждый российский интернет-портал, продвигающий официальный нарратив начальной российской истории в массы, начинается с заклинания «история *России* уходит в глубокую древность». История чего уходит в древность? России, Руси или руси? Насколько глубокую? На исторических картах какого времени отыщется первое упоминание о руси / Руси? А если таки отыщется в Античности или раннем Средневековье кто-то на этих землях, то русь или Русь ли это?

Даже в титуле авторитетной в России академической серии публикаций «Древняя Русь в свете зарубежных источников» фигурирует конвенция «Древняя Русь», хотя, очевидно, не должна была бы, ведь ее составители ищут и находят в Античности в этой части Европы вовсе не Древнюю Русь, вообще не Русь или русь, а населявшие эти земли и известные еще Геродоту и Александру Великому племена под собирательным этнонимом скифы [Древняя Русь]. И коллеги готовы увидеть в этих воинственных кочевниках «предысторическую русь» *pars pro toto* и начать с нее отсчет истории отечества. Так сколько же у Руси начал / древностей?

Из того же ряда исследования на тему «древнейшие народы и государства на территории России», к истории России отношения не имеющие. Это были народы и государства на своей собственной территории. Например, греческие колонии в Причерноморье. Они — часть античной истории Европы, притом многие — поздней. Их древность древнее российской. Как *чужая* древность (на ее излете) может быть древнейшим этапом *своего*, предшествовать *своей* древности? Если же древнейший этап понимать как историю племен, некогда на этих землях обитавших, а их — как начало *своего*, то в таком случае необходимо проследить эти линии преемственности и именно они должны были бы стать основой самоидентификации руси в древности, а не возникшая гораздо позже на этих землях государствен-

⁹ Оценка советской историографии, ставящей в заслугу Ломоносову то, что он первым в России сформулировал проблему перехода от Древности к Средним векам [Путнынь, с. 12; Фруменков], ревизии со стороны российской историографии не претерпела.

ность Рюриковичей. Но и племена эти древние к руси или Руси отношения не имеют.

Насколько корректно / зачем нужно выделять «древнейший этап» в истории России (ту самую татищевскую «предысторию»), коль скоро в скрижали официального отечественного историописания, сфокусированного на преемственности российской государственности / власти, он не попадает — Русь тогда еще не началась. Древнейший этап российской истории так и остается под вопросом и становится нередко предметом спекуляций.

Ни в одном национальном нарративе древнейшего этапа как пролога к древнему нет.

Всегда ли Московская Русь / московская русь вела свой отсчет от Руси IX–XIII вв.?

Совершенно очевидно, что и о преемственности власти от так называемой Древней Руси к России говорить нельзя. Не только потому, что Русь IX–XIII вв. не была централизованным государством и власть великого князя не передавалась в ней по наследству; не только потому, что династия Рюриковичей была разветвленной и ее представители оказались после распада Руси в разных государственных образованиях и в равной с московскими Рюриковичами степени могли заявлять претензии на «земли дедичей»; не только потому, что московская ветвь династии Рюриковичей пресеклась в конце XVI в.; не только потому, что около четырех веков разная русь существовала раздельно и к XVII в. не воспринимала себя как единый с москвитями в политическом и этнокультурном отношении народ, каковым, собственно, никогда и не была; но и потому еще, что заявившее в XIV в. претензии на земли распавшейся Руси как вотчину «дедичей» Московское княжество / Русское государство вплоть до XVII в. не апеллировало к Киеву и первым Рюриковичам как своим истокам, в том числе истокам своей государственности. В XVI и долго в XVII в. московские правители вели отсчет истории своего княжества не с IX в. и были преемниками не святого князя Владимира. На знаменитой иконе Симона Ушакова «Похвала иконе Богоматерь Владимирская» (1663) древо государства Русского вскармливают князь Иван Калита и митрополит Киевский и всея Руси Петр¹⁰, а первые в иконописном ряду протагонистов и «мест памяти» Московской Руси — митрополит Киевский и всея Руси Алексей (1296–1378) и преподобный князь Александр Невский (1221–1263) [Родословные древа русских царей, с. 41].

¹⁰ Он первым среди киевских митрополитов — в 1325 г. — сделал Москву местом своего постоянного пребывания, но уже в 1326 г. умер.

Молитвенно за сакральной легитимацией московские правители обращались к святому князю Владимиру (так в Степенной книге), но не Киев как крещенская купель был для них в XVII в. метрополией религиозной, а Москва. Иногда наряду со святым князем Владимиром поминали и святую княгиню Ольгу (см., например, миниатюру Синодика Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле 1656 г. и роспись свода паперти Спасо-Преображенского собора Новоспасского монастыря в Москве конца 1680-х гг.) [Родословные древа русских царей, с. 49, 63]; эта традиция берет свое начало еще из житий и богослужебной практики, где князь Владимир и княгиня Ольга уподоблены крестителям Византии Константину и Елене, что приумножало сакральный характер власти правящего российского дома.

И лишь ближе к концу XVII в. святой князь Владимир «становится» родоначальником великомосковских князей / русских царей (см., например, синодик Воскресенского Новоиерусалимского монастыря начала 1680-х гг.) [Родословные древа русских царей, с. 55], а Федор Алексеевич предстает наследником ранней Руси Рюриковичей. Но преемственность эта была подсказана Москве православными киевскими интеллектуалами, во второй четверти XVII в. зачавшими к Алексею Михайловичу за поддержкой Православной церкви руси-украины.

Меж тем в 1630-е гг. в России, особенно в провинции, широко распространился и стал набирать популярность не государство-, а националистический нарратив — «Сказание о Словене и Русе». В фокусе Сказания начала народа русского, а не его правящей династии, и пришлись они на времена послепотопные, за тысячелетия до Рюриковичей, потомок Иафета Скиф изображен в нем первоначально славян и руси [Доронин 2022b]. Первой столицей руси Сказание объявляет Словенск (после двукратного разорения возродившийся впоследствии как Великий Новгород). Примечательно, что уже в 1652 г. Сказание вошло в Патриарший лицевой свод и обрело тем самым статус официального нарратива в представлении Православной церкви Русского государства. Она охотно приняла идею всеславянского родства от времен потопа, открывавшую перед ней (и энергичным, нацеленным на реформу Церкви патриархом Никоном) новые возможности по укреплению ее позиций в православном мире. Однако эта идея вступала в противоречие с позицией его предшественников, развивавших представление о православной руси в противовес православию руси литовской и Речь-Посполитской, вообще западному православию. Неудивительно, что «Сказание о Словене и Русе» не пришлось к царскому двору, ведь авторитет правящей династии

был в нем «принесен в жертву» якобы исконной от потопа древности русского народа. А потому и в российской историографии Сказание практически не оставило по себе следа.

И все же определенно приметой раннего Нового времени является то обстоятельство, что во второй половине XVII в. московская русь снова и снова пыталась встроить себя в новую историческую карту Европы, сверстанную на рубеже XV–XVI вв. В ее нарративы все настойчивее пробивалась идея автохтонии руси от самого потопа — от Словена и Руса [Доронин 2022a], или от шестого сына Иафета Мосоха [Доронин 2019], или же от семита Серуха («се Русь») — одного из «пращуров» племен, населявших в древности азиатскую часть Скифии [Доронин, Сиринов]. Сама мифология многотысячелетней древности руси проявилась как следствие Смуты, пошатнувшей в начале XVII в. главные институциональные твердыни России — государство и Церковь. И русь московская попыталась было обрести в этих условиях новую для себя опору и по примеру других народов Европы занялась поиском самобытных авторитетных этнокультурных истоков от начала мира — поиском своей (новой) древности. Дошедшее до нас лишь в предисловии «Учение историческое» (конец XVII в.), созданное в период недолгого царствования Федора Алексеевича, констатировало: «...только московской народ и российской историю общую от начала своего не сложили и не издано, типографии по обычаю», отчего оставались в неизвестности «дела их славныя бывшия, которая покрыты были темнотию забвения» и «какия их начала» [Замысловский, с. XLII, XLI]. Разумеется, народ московский был осведомлен и о династии Рюриковичей, и о Крещении Руси, и об основании Москвы, но начала свои / свою древность связывал теперь не с ними. Автор «Учения» призывал переписать российскую историю, дать ей новую точку отсчета. Тщетно, «его царское величество желает ведать *российского государства историю*, и о сем переее трудиться надобно, а не о начале света и других государств» (курсив мой. — А. Д.) — так по поручению Петра I указывал Мусин-Пушкин в своем письме дьяку Федору Поликарпову [Пекарский, с. 317]. Уже к середине XVIII в. ветхозаветные первопредки руси были вычеркнуты из династических родословий Романовых. А интерес эпохи романтизма к фольклору / народной стихии, подхваченный нарождавшимся в России во второй половине XVIII в. славянофильством, не вышел за рамки культурного течения — объектом его мифологизации стали начала Руси Рюриковичей, так называемая Древняя Русь, а не мифическая русь после потопа.

Раннемодерный миф российской нации не имел в империи шансов реализоваться, подчинить национальной (в раннее Новое время этнокультур-

ной в своей основе) идентичности прочие институциональные связи российского социума. Главным стержнем российской истории и по сей день остается преемственность российской государственности / власти, а не народа — русскость была инструментализирована в интересах строительства империи. Но постепенно вследствие прироста империи за счет земель сибирских и южных пафос наследования от так называемой Древней Руси был релятивирован, и вектор легитимации российской государственности был окончательно скорректирован в пользу имперского — все народы / национальности России, включая (разную) русь, отныне воспринимались прежде всего как подданные империи, начало которой связывали с так называемой Древней Русью. Хотя в исторической перспективе империи было в ней тесно.

Не-варварство Древней Руси

Утверждая XVII в. последним веком так называемой древнерусской книжности [Буланин], российские коллеги имеют целью подчеркнуть многовековую, якобы не знающую разрывов преемственность этнокультурной традиции руси в противопоставлении «самодовольному просветительству» Запада, характеризующему Средневековье большинства европейских народов как «пропасть дикости и варварства» [Буланин, с. 3]. Российские коллеги отнюдь не готовы рассматривать так называемую древнерусскую книжность как «варварскую». Наоборот, не привязанная к «латинской» античной греко-римской традиции как эталонной, она предстает в изолированном отечественном интеллектуальном поле как самобытная и самодостаточная, не подлежащая ранжированию в общеевропейском культурном пространстве и критике с оглядкой на вечный Рим. В таком отношении к отечественному наследию изоляционистская оптика представляется российским коллегам не просто достойной и оправданной, но нормативной.

И если нарождавшиеся в раннее Новое время современные европейские нации доказывали Риму «не-варварство» *своего / свою* исконную самобытность и древность, рассчитывая на равных с другими народами вписать себя в исторически единую европейскую семью и утверждали ее общее начало, общие вехи развития, общие культурные ценности, общую веру, то у России с ее этатистским нарративом цель прямо противоположная — изоляционистская оптика нужна ей для обособления и противопоставления остальной Европе. Российская историография творит эксклюзивный нарратив, вычленяя Русь из общеевропейского ряда, и декларирует *свои* начала / *свою* не-древнюю Древность на совершенно отличной от прочих европейских нарративов основе — этатистской, а не этнокультурной.

В чем некорректна и чем опасна конвенция «Древняя Русь»?

В конвенции «Древняя Русь» определение «древняя» воспринимается многими коллегами как не нагруженный политическими коннотациями синоним «старого / старобытного», как эпитет. В действительности же оно задает генеральный вектор российской легитимации рус(с)кости — ориентированный на Русь как государство якобы древнее. Однако это определение не только некорректно в научном плане, как я попытался показать выше, но и опасно в политическом.

Россия утверждает собственную систему исторических координат, отличную по своей природе от национацентричной европейской. Российская древность не корреспондируется с общеевропейской не только в хронологическом плане, но и в ценностном. Она irrelevantна исторической и политической карте Европы.

Утверждая так называемую Древнюю Русь как начало рус(с)кости, российская историография исключает таким образом любую альтернативную систему исторических координат, в которых так называемая Древняя Русь — не начало / не древность. Например, национальную. Нанизанная на стержень государственности, она игнорирует, в частности, украинский и белорусский современные национальные нарративы.

Конвенция «Древняя Русь» в смысле истоков единой централизованной Руси, — каковой она не была и в IX—XIII вв., — девальвирует и релятивизирует последующий многовековой опыт разноразвития руси, маргинализирует все иные векторы ее развития, кроме московорусского как магистрального, стремившегося возродить Русь как якобы единую и централизованную. Она не допускает, что другая русь могла стать впоследствии органичной частью иного политического или этнокультурного образования или даже другого народа со *своей* собственной историей, своим собственным (новым) началом / собственной (новой) древностью. Пример тому — украинский народ, ранне-модерный национальный нарратив которого зиждется на мифе исконной и глубокой древности казацкого народа, отличной от мифов польского «сарматского» народа или народа московского с его ветхозаветными предками.

Казалось бы, российская историография, как любая другая европейская, номинально основывается в своей периодизации на схеме «Древность — Средневековье — Новое время». Однако ее *medium aevum* имеет принципиально отличное от общеевропейского прочтение: он предполагает не культурный разрыв между Античностью и Средневековьем, но (по умолчанию) разрыв политический — русь стала на несколько веков частью раз-

ных государств. Нормализуя это *свое* Средневековье (якобы разная русь в разных политических пространствах неизменно сохраняла и пестовала собственные культурные традиции и стремилась к воссоединению), российская историография доказывает преемственность *своего* Средневековья от *своей* Древности, так называемой Древней Руси. Все, что было до так называемой Древней Руси и осталось за ее рамками в «древности», для россиян не имеет экзистенциального значения.

Российская историография монополизирует рус(с)кость, утверждая главным ее гарантом якобы преемственность рус(с)кой государственности от так называемой Древней Руси, и догматизирует нарратив рус(с)кости без права переписывания / переосмысления в зависимости от перемен в мире; настаивает на извечной и неизменной уникальности «русской цивилизации» / «русского мира» *par excellence*. Только-то на основании якобы преемственности власти?

Если Русь IX–XIII вв. не древняя, то какая?

Почему бы не маркировать Русь IX–XIII вв. как Раннюю в привязке (именно и в первую очередь) к государственности? Так бы мы избежали острой не только политической, но и историографической дискуссии. Ранняя государственность не значит обязательно древняя в смысле начала чьей-то истории. Важно, в какой исторический контекст эта Ранняя Русь встроена. И тогда любая из историографий Восточной Европы вольна самостоятельно определиться с тем, какое место занимает и какое значение имеет этот этап в ее истории. Напомню, в национальном нарративе начала государственности не являются необходимым и достаточным коррелятом рождения нации. Правда, думаю, при таком подходе представление о Ранней Руси как Древней проживет недолго.

Я бы предложил также закрепить за первыми письменными памятниками Ранней Руси название раннерус(с)кие, а за их продолжением в XV–XVII вв. — позднерус(с)кие. С раннего Нового времени уже вполне правомерно говорить о письменных памятниках как ранних украинских и руськомовных литвинских (с Нового времени — беларуских). Да и в Московской Руси в XVII в. появляются исторические нарративы, которые нельзя отнести к жанру летописных, — это первые национальные версии московрусской истории, начала Руси они связывают не с Русью IX–XIII вв., а с народом российским, якобы оформившимся уже вскоре после потопа. Так или иначе, у разной руси в раннее Новое время складывались (у каждой свой) новый культурный багаж и новые (смешанные) культурные традиции,

новые линии самоидентификации и новые исторические нарративы, которые не обязательно зиждились на наследовании исторического опыта так называемой Древней Руси, но постепенно вытесняли его. Новые разные над-региональные этнокультурные самоидентификации руси предлагали разной руси разные новые точки ее отсчета, разное новое прошлое — они и легли в основу разных (ранне)модерных национальных нарративов разной руси, новых народов. Но преградой на пути их реализации стала империя.

Что же касается православной церковной литературы, то специалисты в этой области вполне могут кодифицировать и каталогизировать ее, отказавшись от конвенции «Древняя Русь».

Так или иначе, применительно и к государству, и к Православной церкви, и к летописанию руси — а на их преемственности «древнерусскость» руси с IX по XVII в. в отечественной историографии, собственно, и фундируется — конвенция «Древняя Русь» является, на мой взгляд, неоправданной и некорректной в научном отношении, во многом политически мотивированной, что не допускает альтернативного прочтения истории руси. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

Литература

- Бродель 1992 — Бродель Ф. Время мира: Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М.: Прогресс, 1992. Т. 3. 680 с.
- Буланин — Буланин Д. Последнее столетие древнерусской книжности // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. Вып. 3: (XVII в.), ч. 1. С. 3–13.
- Густынская летопись — ПСРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 40: Густынская летопись. 202 с.
- Доронин 2003 — Доронин А. В. Миф и национальная история в культуре Возрождения в Германии // Миф в культуре Возрождения / Ред. Л. М. Брагина. М.: Наука, 2003. С. 198–209.
- Доронин 2012 — Доронин А. В. Post diluvium: К истории одной (не)удавшейся фальсификации // Историческая память в культуре Возрождения / Отв. ред. Л. М. Брагина. М.: РОССПЭН, 2012. С. 128–140.
- Доронин 2014 — Доронин А. В. Россия и Новое время, или Почему Ломоносов занялся «Древней Российской историей» // Центры и периферии европейского мироустройства / Отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2014. 400 с. (Россия и Европа. Век за веком).
- Доронин 2015 — Доронин А. В. Падение Константинополя в 1453 году и турецкая угроза в ренессансной публицистике // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 3–25.
- Доронин 2018 — Доронин А. В. Европа рубежа XV–XVI вв.: на пороге новой истории (взгляд с Запада) // Нарративы руси конца XV — середины XVIII в.: в поисках своей истории / Отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2018. С. 16–58. (Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени).

- Доронин 2019 — *Доронин А. В.* О Мосохе, «праотце российском» // «Места памяти» руси конца XV — середины XVIII в. / Отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2019. С. 480–514. (Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени).
- Доронин 2022a — *Доронин А. В.* Европа на пороге Нового времени и раннемодерный национализм // Когда зарождаются нации на востоке Европы? / Отв. сост., отв. ред. А. В. Доронин. Бонн; Вильнюс: Фонд Макса Вебера, 2022. С. 52–108.
- Доронин 2022b — *Доронин А. В.* «Сказание о Словене и Русе» — первый нарратив раннемодерной московской нации: Опыт нового прочтения // Словесность и история. 2022. № 2. С. 121–152.
- Доронин, Сиринов — *Доронин А. В., Сиринов А. В.* Серух // Когда зарождаются нации на востоке Европы? / Отв. сост., отв. ред. А. В. Доронин. Бонн; Вильнюс: Фонд Макса Вебера, 2022. С. 485–487.
- Древняя Русь — Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Сост. М. В. Бибииков. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т. 2. 384 с.
- Замысловский — *Замысловский Е. Е.* Царствование Федора Алексеевича. СПб.: Тип. Замысловского и Бобылева, 1871. Ч. 1: Обзор источников. [6], 76, 216, LXV с.
- Когда зарождаются нации — Когда зарождаются нации на востоке Европы? / Отв. сост., отв. ред. А. В. Доронин. Бонн; Вильнюс: Фонд Макса Вебера, 2022. 640 с.
- Ломоносов — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии, 1747–1765. 689 с.
- Миллер — *Миллер Ф.* Избранные труды / Сост., ст., примеч. С. С. Илизарова. М.: Янус-К, Московские учебники, 2006. 816 с.
- Памятники литературной полемики — Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов. Киев: Лито-тип. АО Н. Т. Корчак-Новицкого, 1914. Ч. 1, т. 8, вып. 1: Памятники литературной полемики православных южно-руссов с протестантами и латино-униатами в Юго-Западной России за XVI и XVII стол. 798 с.
- Пекарский — *Пекарский П. П.* Наука и литература при Петре Великом. СПб.: Изд. Т-ва «Общественная польза», 1862. Т. 1. 579 с.
- Путный — *Путный Э. К.* Истоки русской историографии античности. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1968. 103 с.
- Родословные древа русских царей — Родословные древа русских царей XVII–XVIII веков / Сост. А. В. Сиринов. М.: Юбилейная книга, 2018. 168 с.
- Татищев 1769 — *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. М.: Напеч. при Имп. Московском ун-те, 1769. Кн. 1, ч. 2. [4], 225–600 с.
- Татищев 1962 — *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л.: Наука, 1962. Т. 1. 500 с.
- Фруменков — *Фруменков Г. Г.* Ломоносов — основоположник русской исторической науки. Архангельск: Арханг. кн. изд-во, 1960. 40 с.
- Doronin 2012 — *Doronin A.* Auf der Suche nach der eigenen Nation. Johannes Aventinus und Michail V. Lomonosov im Vergleich // Bayern und Rußland in vormoderner Zeit. Annäherungen bis in die Zeit Peters des Großen / Hrsg. von A. Schmid. München: Beck, 2012. S. 125–163.

- Doronin 2013 — *Doronin A.* Wie moderne Nationalmythologien die ersten Nationen Osteuropas formten // Weltweit vor Ort. Magazin Max Weber Stiftung. 2013. Nr. 1. S. 31–33.
- Doronin 2014 — *Doronin A.* «Russland hält dem Vergleich zu allen anderen europäischen Nationen stand»: Lomonossow als Historiker // Europa und die Moderne im langen 18. Jahrhundert (Europa und Moderne; Bd. 2) / Hrsg. von O. Asbach. Hannover: Wehrhahn Verlag, 2014. S. 219–244.
- Mühle — *Mühle E.* Die Slawen im Mittelalter zwischen Idee und Wirklichkeit. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2020. 504 S.
- Oration «Constantinopolitana clades» — Oration «Constantinopolitana clades» of Enea Silvio Piccolomini (15. October 1454, Frankfurt) / Ed. and transl. by Michael von Cotta-Schönberg. 6th version. 2019. URL: <https://hal.science/hal-01097147>

References

- Bibikov, M. V., ed. (2010). *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov. Khrestomatiya*. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. Vol. 2, 384 p.
- Braudel, F. (1992). *Vremya mira. Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII veka*. Moscow: Progress. Vol. 3, 680 p.
- Bulanin, D. (1992). 'Poslednee stoletie drevnerusskoi knizhnosti', in: Bulanin, D., ed. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 3, chast' 1, 3–13.
- Cotta-Schönberg, M. von, ed. and transl. (2019). *Oration «Constantinopolitana clades» of Enea Silvio Piccolomini (15 October 1454, Frankfurt)*. 6th version, <https://hal.science/hal-01097147>
- Doronin, A. V. (2003). 'Mif i natsional'noe istoriopisanie v kul'ture Vozrozhdeniya v Germanii', in: L. M. Bragina, ed. *Mif v kul'ture Vozrozhdeniya*. Moscow: Nauka, 198–209.
- Doronin, A. (2012). 'Auf der Suche nach der eigenen Nation. Johannes Aventinus und Michail V. Lomonosov im Vergleich', in: A. Schmid, hrsg. *Bayern und Rußland in vormoderner Zeit. Annäherungen bis in die Zeit Peters des Großen*. München: Beck, 125–163.
- Doronin, A. V. (2012). 'Post diluvium. K istorii odnoi (ne)udavsheysya fal'sifikatsii', in: L. M. Bragina, ed. *Istoricheskaya pamyat' v kul'ture Vozrozhdeniya*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 128–140.
- Doronin, A. V. (2014). 'Rossiya i Novoe vremya, ili Pochemu Lomonosov zanyalsya «Drevnei Rossiiskoi istoriei»', in: A. V. Doronin, ed. *Tsentry i periferii evropeiskogo miroustroistva*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 400 p.
- Doronin, A. V. (2014). '«Russland hält dem Vergleich zu allen anderen europäischen Nationen stand»: Lomonossow als Historiker', in: O. Asbach, hrsg. *Europa und die Moderne im langen 18. Jahrhundert* (Europa und Moderne.; Bd. 2). Hannover: Wehrhahn Verlag, 219–244.
- Doronin, A. V. (2015). 'Padenie Konstantinopolya v 1453 godu i turetskaya ugroza v renessansnoi publitsistike', *Novaya i noveishaya istoriya*, 3, 3–25.
- Doronin, A. V. (2018). 'Evropa rubezha 15–16 vekov: na poroge novoi istorii (vzglyad s Zapada)', in: *Narrativy rusi kontsa 15 — serediny 18 veka: v poiskakh svoei istorii*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 16–58.

- Doronin, A. V. (2019). 'O Mosokhe, «praottse rossiiskom»', in: A. V. Doronin, ed. «*Mesta pamyati*» rusi kontsa 15 — serediny 18 veka. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 480–512.
- Doronin, A. V. (2022). 'Evropa na poroge Novogo vremeni i rannemodernyi natsiogenes', in: A. V. Doronin, ed. *Kogda zarozhdayutsya natsii na vostokey Evropy?* Bonn, Vilnius: Fond Maksa Webera, 52–108.
- Doronin, A. V. (2022). '«Skazanie o Slovene I Ruse» — pervyi narrativ rannemodernoi moskorusskoi natsii. Opyt novogo prochteniya', *Slovesnost' i istoriya*, 2, 121–152.
- Doronin, A. V., ed. (2022). *Kogda zarozhdayutsya natsii na vostokey Evropy?* Bonn, Vilnius: Fond Maksa Webera, 640 p.
- Doronin, A. V., Sirenov, A. V. (2022). 'Serukh', in: A. V. Doronin, ed. *Kogda zarozhdayutsya natsii na vostokey Evropy?* Bonn, Vilnius: Fond Maksa Webera, 485–487.
- Frumenkov, G. G. (1960). *Lomonosov — osnovopolozhnik russkoi istoricheskoi nauki*. Archangel'sk: Archangel'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 40 p.
- 'Gustynskaya letopis'' (2003), in: *Polnoe sobranie russkikh letopisei*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 40, 202 p.
- Lomonosov, M. V. (1952). *Polnoe sobranie sochinenii*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol 6: Trudy po russkoi istorii, obshchestvenno-ekonomicheskim voprosam i geografii, 1747–1765, 689 p.
- Miller, G. F. (2006). *Izbrannyye trudy*. Ed. S. S. Ilizarov. Moscow: «Janus-K», Moskovskie uchebniki, 816 p.
- Mühle, E. (2020). *Die Slawen im Mittelalter zwischen Idee und Wirklichkeit*. Wien, Köln, Weimar: Böhlau, 504 S.
- 'Pamyatniki literaturnoi polemiki pravoslavnykh yuzhno-rustsev s protestantami i latino-uniatami v Yugo-Zapadnoi Rossii za XVI i XVII stoletiya' (1914), in: *Arkhiv Yugo-Zapadnoi Rossii, izdavaemyi Komissiei dlya razbora drevnikh aktov*. Part 1, Vol. 8, Issue 1. Kiev: Lito-tipografiya AO N. T. Korchak-Novitskogo, 798 p.
- Pekarskii, P. P. (1862). *Nauka i literatura pri Petre Velikom*. Saint Petersburg. Vol. 1, 579 p.
- Putnyn', E. K. (1968). *Istoki russkoi istoriografii antichnosti*. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta, 103 p.
- Sirenov, A. V., ed. (2018). *Rodoslovnye dreva russkikh tsarei XVII–XVIII vekov*. Moscow: Yubileinaya kniga, 168 p.
- Tatishchev, V. N. (1769). *Istoriya Rossiiskaya s samykh drevneishikh vremen*. Moscow: Napechatano pri Imperatorskom Moskovskom universitete. Vol. 1, chast' 2, [4], 225–600 p.
- Tatishchev, V. N. (1962). *Istoriya Rossiiskaya*. Moscow, Leningrad: Nauka. Vol. 1, 500 p.
- Zamyslovskii, E. E. (1871). *Tsarstvovanie Fedora Alekseevicha*. Part 1: Obzor istochnikov. Saint Petersburg: Tipografiya Zamyslovskogo i Bobyleva, [6], 76, 216, LXV p.

С. А. Семячко

В ОЖИДАНИИ ПРОДОЛЖЕНИЯ

Резюме

Статья представляет собой рецензию на «Каталог славяно-русских рукописных книг из собрания Е. Е. Егорова», который начал выходить в издательстве «Пашков дом» в 2017 г. и сейчас уже насчитывает четыре тома. Из 2099 рукописных книг, составляющих коллекцию, описаны пока лишь четыреста. В каждом томе, помимо собственно каталога, есть четыре указателя (авторов произведений, имен, упоминаемых в записях и комментариях, географических названий, упоминаемых там же, и инципитов произведений, учтенных в описании содержания рукописных книг), делающие поиск нужного материала исключительно удобным. Каталог является плодом единоличного труда Т. В. Анисимовой и представляет собой не просто вспомогательное издание, хотя и отличающееся удивительной полнотой, но научный труд, имеющий самостоятельную ценность. Попутно в рецензии рассмотрены вопросы описания библейских сборников, агиографических и гимнографических сочинений и сборников устойчивой структуры (на примере служебных миней).

Ключевые слова: средневековая рукописная книга, описание рукописей, собрание Е. Е. Егорова, РГБ, Т. В. Анисимова, сборник, библейские книги, служебные миней

Svetlana A. Semiachko

IN ANTICIPATION OF THE SEQUEL

Abstract

The article provides a review of the *Catalogue of Slavic-Russian manuscript books from the E. E. Egorov collection*. The publication of this catalogue, which began in the Pashkov Dom publishing house in 2017, has now reached four volumes. The Egorov collection consists of 2099 manuscript books of which only 400 have been described to date. Each volume contains the catalogue itself and four indexes that contain the authors of works, names mentioned in the records and commentaries, geographical names, and the incipits of works

© С. А. Семячко, 2024

considered in the description of the content of manuscript books. This makes searching for necessary material extremely convenient. The catalogue, which is the result of the sole work of Tatiana V. Anisimova, represents a scientific work of independent value and not just an auxiliary publication, although it is notable for its amazing completeness. The review also examines issues concerning the description of biblical miscellanies, hagiographic and hymnographic works, and miscellanies with a stable structure (using the example of service menaia).

Keywords: mediaeval manuscript book, description of manuscripts, collection of E. E. Egorov, The Russian State Library, Tatiana Anisimova, miscellany, biblical books, service menaia

DOI 10.31860/2712-7591-2024-1-134-140

Коль много лѣтъ мнози философи елиньстии сбирали и составливали грамоту греческую и едва устави, мнозѣми труды и многими времени едва сложили! Пермъскую же грамоту единъ чернецъ сложилъ, единъ составилъ, единъ счинилъ, единъ калогерь, единъ мних, единъ инокъ, Стефанъ, глаголю, присно помнимый епископъ. Единъ во едино время, а не по многа времена и лѣта, якоже и они. Но единъ инокъ, единъ во единенъ и уединяся, единъ уединеный, единъ, единого Бога на помощь призывая, единъ, единому Богу моляся...

Епифаний Премудрый.
Житие Стефана Пермского

В 2017 г. Российская государственная библиотека начала выпуск описания коллекции рукописей, собранных известным старообрядцем-федосеевцем, купцом второй гильдии Егором Егоровичем Егоровым (1862–1917), а ныне хранящихся в РГБ (фонд 98). Вышли уже четыре тома этого труда [Анисимова, т. 1–4]. Нельзя сказать, чтобы это издание осталось не замеченным исследователями, но ни одной рецензии на него пока так и не появилось. Объяснение этому лежит на поверхности: логично давать оценку той или иной работе, когда она уже завершена. В данном же случае окончания труда не приходится ожидать скоро, учитывая, что собрание включает 2099 единиц хранения, а тома каталога, содержащие описание 100 рукописей каждый, выходят с частотой раз в два года. И причина такого небыстрого движения тоже лежит на поверхности: описание выполняет один человек — специалист исключительной квалификации, кандидат исторических наук Татьяна Владимировна Анисимова. Нельзя не отметить при этом труд высокопрофессионального научного редактора — кандидата исторических наук Юрия Сергеевича Белянкина, но тем не менее вся работа по описанию

рукописей, их датировке, составлению указателей ложится на плечи одного человека. И с этой работой Т. В. Анисимова справляется блестяще.

Стандартный шаблон описания рукописи предполагает указание ее датировки, формата, почерка, общего количества листов, наличия писцовых и владельческих записей; при этом содержание кодекса может быть не раскрыто, а дано лишь общее название книги. Состав рукописи может быть представлен выборочно, и какие тексты скрываются за названием «Сборник», исследователь может выяснить, лишь познакомившись с рукописью *de visu*, чтобы, возможно, убедиться, что эта рукопись в данный момент ему не нужна¹. Такой подход к описанию состава рукописи часто бывает вынужденным: археограф может быть ограничен временем, выделенным ему на описание собрания, издательскими возможностями и, соответственно, объемом описания². Как кажется, Т. В. Анисимова и в части раскрытия содержания рукописи, и в других аспектах ее описания ограничена лишь собственными силами.

Каждый том каталога содержит описание ста рукописей. Открывается том «Указателем к описанию рукописных книг из собрания Е. Е. Егорова» (в первом томе ему предшествует «Предисловие»); далее следует собственно «Каталог», которому сопутствуют четыре указателя (авторов произведений, имен, упоминаемых в записях и комментариях, географических названий, упоминаемых там же, и инципитов произведений, учтенных в описании содержания рукописных книг); завершается книга «Списком использованной литературы», «Списком альбомов филиграней» и «Списком сокращенных названий библиографических источников». Вспомогательные указатели по объему равны примерно половине каталога, и они серьезно облегчают жизнь пользователя, позволяя быстро отыскать все, что ему требуется.

Но начнем с каталога. Перечислю его главные, на мой взгляд, достоинства.

Во-первых, это высокое качество датировки рукописей по филиграням. Этот аспект приобретает особое значение, учитывая тот факт, что РГБ по-

¹ Не говоря уже о лишней «эксплуатации» рукописи, возникают и дополнительные проблемы, особенно если исследователь живет не в том городе, где находится рукопись, а ее «родное» архивохранилище открыто для читателей по полдня два раза в неделю. В РГБ этой проблемы нет, с ней сталкиваются исследователи, приезжающие в Отдел рукописей ГИМ. На первый взгляд, эта проблема не связана с рецензируемым каталогом, однако это не совсем так. Для эффективной исследовательской работы необходим доступ к рукописи и ее профессиональное описание, опубликованное и дистанционно доступное. И надо сказать, что и в том и в другом РГБ идет навстречу ученым.

² А в советские годы археограф претерпевал и идеологические ограничения: содержание далеко не всех рукописей, имевших по преимуществу религиозный характер, могло быть раскрыто с должной полнотой.

степенно размещает рукописи из собрания Е. Е. Егорова в открытом доступе в сети Интернет; на настоящий момент on-line представлены 839 единиц хранения³. Доверие к датировке рукописи в ее опубликованном описании при наличии электронной копии рукописи в Интернете избавляет исследователя от обращения к «живой» рукописи и тем самым снижает нагрузку на нее. Ключевое слово здесь — «доверие». На мой взгляд, датировкам Т. В. Анисимовой, имеющей изрядный опыт в области палеографии и кодикологии, можно доверять. В случае сомнения эту датировку можно проверить, поскольку Татьяна Владимировна подробно описывает выявленные водяные знаки со ссылкой на соответствующие альбомы филиграней.

Во-вторых, несомненным достоинством рецензируемого каталога является подробность описания состава рукописи. При этом мы видим, что разные рукописи описаны с подробностью разной степени, и эта степень далеко не случайна: Т. В. Анисимова применяет индивидуальный подход к описанию состава каждой рукописи, учитывая ее жанровую специфику. Попробую показать это на конкретных примерах.

Возьмем описание рукописи РГБ. Ф. 98 (собр. Егорова) (далее — Егор.). № 87 [Анисимова, т. 1, с. 229–232]. Т. В. Анисимова не просто указала, что это Толковые пророчества, но полностью раскрыла содержание кодекса, приведя инципиты всех текстов, входящих в книгу: пророчеств, толкований, «исторических справок». Это сразу же сделало очевидным тот факт, что перед нами сборник. Такую же картину мы можем наблюдать и в случае с другими библейскими книгами. В рукописной традиции они практически никогда не встречаются «в чистом виде», они обрастают дополнительными текстами, превращаясь в сборники, порой весьма обширные. Этот сопутствующий материал традиционно принято более или менее полно отражать при описании Псалтырей, будь это Псалтыри служебные (простые⁴ или следованные) или Псалтыри толковые⁵, однако в случае с Толковыми пророчествами такая подробность описания, как кажется, доселе не встречалась. Эту новацию Т. В. Анисимовой можно только приветствовать: каждый текст сборника

³ <https://lib-fond.ru/lib-rgb/98/> (дата обращения — 04.03.2024).

⁴ Т. В. Анисимова не использует термин «Простая псалтырь» (или «простая Псалтырь», в зависимости от того, что считать первым словом названия; примеры использования этого термина см. в изд.: [Вознесенский]). В подобных случаях исследовательница употребляет термин «Псалтырь» без дополнительных определений (см., например, описание Егор. 277 [Анисимова, т. 3, с. 240–243]).

⁵ Нельзя не отметить и аккуратность Т. В. Анисимовой в классификации Псалтырей. Она уклонилась лишь от точного определения Толковой псалтыри Егор. 201 [Анисимова, т. 3, с. 15], которая имеет предисловие Феодорита Кирского, а толкования псевдо-Афанасия Александрийского (об определении Толковых псалтырей см.: [Алексеев, с. 35–36]).

попадает в научный оборот как самостоятельная единица и для исследователя, специально не занимающегося именно Толковыми пророчествами, становится «виден»⁶.

Другой пример подробности описания мы видим в случае с агиографическим сборником Егор. 32, в составе которого не только выделены отдельные жития, но и указаны все чудеса с инципитами. Самостоятельное описание житийных чудес порой имеет смысл: с одной стороны, чудеса часто живут отдельной жизнью от основного текста жития и варьирование набора чудес может быть не связано с процессом редактирования самого жития; с другой стороны, чем больше текстов попадает в указатель инципитов, тем больше возникает возможностей установить взаимозависимость текстов и выстроить их историю.

Однако такая степень подробности присуща описанию далеко не всех рукописей. В частности, Т. В. Анисимова достаточно схематично описывает богослужебные тексты и богослужебные сборники. Таким образом, например, описаны служебные минеи, в составе которых отмечены лишь службы славянским святым [Анисимова, т. 4, с. 16–21, 37–39, 54–57, 73–74, 85–89, 113–114, 117–118, 154–158, 198–199, 220–221, 224–227, 232–234]. Подобное описание тоже имеет смысл. Служебная минея имеет постоянную структуру, определяемую минейным календарем, что в значительной степени обуславливает и постоянство ее состава. Наиболее вариативная часть месячных миней приходится именно на памяти славянских святых. Поэтому информация, представленная в описании, оказывается достаточно информативной для характеристики сборника в целом; в принципе, она достаточна и для исследователя, занимающегося русской гимнографией. Специалисту же в области гимнографии переводной придется обратиться сразу к рукописи⁷.

⁶ Не могу не поблагодарить Татьяну Владимировну, потому что именно с помощью ее каталога мне удалось увидеть, что источниками предисловий к некоторым библейским песням стали тексты, которые она называет «историческими комментариями о жизни пророков» [Анисимова, т. 1, с. 230] (см. об этом: [Семячко]). Кстати, Татьяна Владимировна прекрасно «видит» и сами предисловия к библейским песням, которые авторы различных каталогов отмечают нечасто. Единственная странность заключается в том, что в случае с Псалтырью Егор. 277 исследовательница называет предисловие к первой библейской песни «предисловием» [Анисимова, т. 3, с. 242], а в случае с Псалтырью Егор. 201 — «обширным толковым заголовком» [Анисимова, т. 3, с. 17]. Попутно не могу удержаться от замечания, впрочем, совершенно незначительного: поскольку по отношению к библейским песням исходной формой (единственного числа именительного падежа) является существительное «песнь», а не «песня», то парадигма склонения должна быть несколько иной.

⁷ Конечно, максимально информативным было бы полное описание состава минеи с указанием типа каждой службы и ее инципита, но оно потребовало бы от составителя описания весьма существенных временных затрат. Во всяком случае, можно высказать пожелание приво-

Третье достоинство рецензируемого каталога — наличие раздела «Дополнительные сведения», который часто имеет самостоятельную ценность, превращаясь, по сути, в мини-статью. Т. В. Анисимова не просто фиксирует какие-то записи, имена, исторические и географические реалии, она их комментирует: «привязывает» имена к реальным историческим лицам, находит для рукописи место во времени и пространстве. Таким образом тот, кто обращается к каталогу, сразу же получает некое первоначальное представление об истории создания и бытования кодекса. А наличие современной библиографии предоставляет для обращающегося к каталогу первоначальную исследовательскую базу.

К несомненным достоинствам каталога относятся прекрасно подготовленные указатели, создающие полноценную поисковую систему. Особо следует отметить наличие инципитария — пожалуй, самого удобного вспомогательного средства при поиске нужного текста: учитывая вариативность самоназваний средневековых письменных памятников, Т. В. Анисимова справедливо не придает им особого значения, сосредоточившись на инципите как гораздо более надежном средстве для идентификации текстов.

Серьезную проблему при характеристике рукописи представляет описание ее орнаментики (инициалов, заставок, рамок) и миниатюр. Остается только порадоваться, что издатели каталога не поскупились на цветную вклейку: наличие фотографий высокого качества очень способствует созданию полноценного представления о богато украшенных рукописях, коих в собрании Егорова немало.

Говоря об иллюстративной составляющей, нельзя не отметить и оформление самого каталога. Фактически мы имеем дело со сформировавшейся серией «Коллекции РГБ» (ее логотип размещен на задней крышке переплета), в рамках которой каталог собрания Егорова образовал самостоятельную подсерию со своим характерным оформлением, стильным и информативным, не позволяющим каталогу затеряться на книжной полке⁸.

дить инципиты славянских служб. Перед описываемым богослужебным текстом встает вопрос, что именно обозначать как инципит, поскольку в начале службы помещен целый ряд богослужебных указаний, ирмос, предшествующий тексту стихир. На мой взгляд, было бы достаточно информативным воспроизведение инципита первой стихир. Помещение этих текстов в указатель инципитов серьезно облегчило бы установление взаимодействия и гимнографических сочинений.

⁸ В рамках этой же серии начал выходить каталог славянских книг молдавского и валашского происхождения [Паскаль], который, безусловно, заслуживает отдельного разговора. Издатели удачно выделили подсерии с помощью цвета: каталог Т. В. Анисимовой оформлен с помощью доминирования на обложке синего цвета, каталог А. Д. Паскаля — коричневого. При этом стиль оформления переплета, композиция обложки, шрифты, использованные на ней, остаются неизменными.

Впрочем, для этого каталога не существует угрозы затеряться, ему предстоит стать одной из наиболее востребованных работ для всех занимающихся средневековой русской книжностью. Будем надеяться, что рано или поздно собрание Е. Е. Егорова получит свою полноценную презентацию, как того давно заслуживает одна из богатейших книжных коллекций, а Татьяна Владимировна Анисимова — должную оценку своего труда.

Литература

- Алексеев — Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 255 с.
- Анисимова — Анисимова Т. В. Каталог славяно-русских рукописных книг из собрания Е. Е. Егорова / Под ред. Ю. С. Белянкина. М.: Пашков дом, 2017. Т. 1: № 1–100. 375 с.; 2019. Т. 2: № 101–200. 336 с.; 2021. Т. 3: № 201–300. 491 с.; 2023. Т. 4: № 301–400. 379 с.
- Вознесенский — Вознесенский А. В. К истории славянской печатной Псалтыри. Московская традиция XVI–XVII веков. Простая Псалтырь. СПб.: Альянс-Архео, 2010. 676 с.
- Паскаль — Паскаль А. Д. Каталог славянских рукописных книг молдавского и валашского происхождения в фондах отдела рукописей РГБ. М.: Пашков дом, 2024. Вып. 1: Собрание П. А. Овчинникова. 360 с.
- Семячко — Семячко С. А. Комментирование песни Богоматери в русской рукописной традиции (в печати).

References

- Alekseev, A. A. (1999). *Tekstologiya slavyanskoi Biblii*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 255 p.
- Anisimova, T. V. (2017). *Katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig iz sobraniya E. E. Egorova*. Ed. Yu. S. Belyankin. Moscow: Pashkov dom. Vol. 1 (№ 1–100), 375 p.
- Anisimova, T. V. (2019). *Katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig iz sobraniya E. E. Egorova*. Ed. Yu. S. Belyankin. Moscow: Pashkov dom. Vol. 2 (№ 101–200), 336 p.
- Anisimova, T. V. (2021). *Katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig iz sobraniya E. E. Egorova*. Ed. Yu. S. Belyankin. Moscow: Pashkov dom. Vol. 3 (№ 201–300), 491 p.
- Anisimova, T. V. (2023). *Katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig iz sobraniya E. E. Egorova*. Ed. Yu. S. Belyankin. Moscow: Pashkov dom. Vol. 4 (№ 301–400), 379 p.
- Paskal', A. D. (2024). *Katalog slavyanskikh rukopisnykh knig moldavskogo i valashskogo proiskhozhdeniya v fondakh otдела rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki*. Moscow: Pashkov dom. Vol. 1: Sbranie P. A. Ovchinnikova, 360 p.
- Semiachko, S. A. (2024). 'Kommentirovanie pesni Bogomateri v russkoi rukopisnoi traditsii' (*in print*).
- Voznesenskii, A. V. (2010). *K istorii slavyanskoi pechatnoi Psaltyri. Moskovskaya traditsiya XVI–XVII vekov. Prostaya Psaltyr'*. Saint Petersburg: Al'yans-Arkheo, 676 p.

ПАМЯТИ ВАЛЕРИИ ИГОРЕВНЫ ЕРЕМИНОЙ (1938–2023)

7 декабря 2023 г. не стало Валерии Игоревны Ереминой, выдающегося ученого, доктора филологических наук, главного научного сотрудника Отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

Валерия Игоревна родилась в семье ученых. Ее отец — Игорь Петрович Еремин (1904–1963), известный филолог-литературовед, участник семинария В. Н. Перетца, исследователь древнерусской литературы¹. Мать, Берта Григорьевна Еремина (1898–1982), доктор химических наук; ее докторская

диссертация «Исследования в области растворимости газов» была защищена в 1947 г. в Ленинградском государственном университете.

Игорь Петрович работал в Отделе древнерусской литературы ИРЛИ и читал курс истории русской литературы XI–XVIII вв. на филологическом факультете ЛГУ, в 1957–1963 гг. он заведовал кафедрой русской литературы. Друзьями семьи Ереминых были Г. А. Бялый, Б. М. Эйхенбаум, В. М. Жирмунский, И. М. и М. Л. Тронские, П. Н. и С. М. Берковы, Д. С. и З. А. Лихачевы.

Валерия Игоревна пошла по стопам отца и выбрала своей специальностью филологическую науку. В 1963 г. она окончила русское отделение

¹ Подробнее см.: [Еремина, Семячко].

филологического факультета ЛГУ, после окончания университета пять лет (1963–1968) там же преподавала русский язык для иностранных студентов. В 1967 г. Валерия Игоревна защитила в ЛГУ кандидатскую диссертацию «Иносказания народной лирики (от метафоры к символу)» под руководством В. Я. Проппа. Позднее, уже в 1980-е гг., она вела в университете спецкурс «Миф — обряд — поэзия». Как писали ее ученицы в статье, посвященной юбилею Валерии Игоревны, этот курс, освещавший «вечные вопросы человеческого бытия, проблемы истоков и взаимосвязи мышления, языка, поэзии, оказался невероятно значимым, масштабным и таким непривычным по сравнению с программными дисциплинами. Прочитанный в начале 1980-х гг., он, как поток свежего воздуха, пробудил у множества слушателей движение мысли, вызвал огромный интерес к изучению традиционной культуры...» [Левицкая, Мадлевская, Овчинникова, Эйхенбаум, с. 59]. В. И. Еремина вела семинар по фольклористике для студентов и аспирантов. Она трепетно относилась к своим ученикам, многие из которых не просто защитили диссертации, но стали сегодня известными учеными: С. Б. Адоньева (Рюхина), А. В. Панюков, С. В. Гаврилина (Селиванова), Е. Л. Мадлевская (Демиденко) и др. Выпускницы семинара подчеркивали: «Благодаря Валерии Игоревне мы поняли одну простую истину: для того чтобы сделать что-нибудь стоящее, совсем не обязательно подгонять полученные данные под заранее придуманную гипотезу. Валерия Игоревна всегда учила нас выводить гипотезу из имеющегося материала» [Овчинникова, Левицкая, с. 32].

Научная жизнь Валерии Игоревны была связана с Пушкинским Домом, в котором она начала работать младшим научным сотрудником Отдела теории литературы в 1968 г. С 1970 г. она переходит в Отдел народного творчества и проходит здесь путь до главного научного сотрудника.

В 1978 г. выходит ее первая книга — «Поэтический строй русской народной лирики», ставшая классикой отечественной науки. Казалось бы, название монографии говорит о чисто филологическом исследовании, однако с первых страниц мы погружаемся в тесное переплетение исследований мифологического мышления, языка и фольклора. В. И. Еремина пишет: «Начало народной поэзии вообще и лирики в частности скрыто в поэтическом мышлении, которое находит свое отражение в мифе» [Еремина 1978, с. 4]. Она ссылается на психологическое изучение метафоры В. Вундта, В. Вернера, исследования «первобытного мышления» Л. Леви-Брюля и К. Леви-Стросса, «психологического параллелизма» А. Н. Веселовского. Можно сказать, что она ищет исторические основы лирической песни в первобытном мышлении, по-видимому развивая подход своего учителя В. Я. Проппа, выявившего исторические корни волшебной сказки.

В 1991 г. В. И. Еремина защитила в Пушкинском Доме докторскую диссертацию «Ритуал и фольклор», в том же году вышла одноименная книга [Еремина 1991]. При обсуждении работы в Отделе народно-поэтического творчества мнение о ней было неоднозначным: считалось, что заход на «территорию» этнографии может вызвать сложности при защите². Однако все присутствовавшие единодушно высказались, что книга, несомненно, должна быть защищена как докторская диссертация. К сожалению, в протоколе заседания почти не сохранились реплики Валерии Игоревны. Приведем высказывания Е. А. Костюхина и В. Е. Гусева: первый делает ряд замечаний, второй спорит с ним и снимает вопросы:

Костюхин Е. А.: Книга В. И. Ереминой — капитальное и достаточно оригинальное исследование на фоне современной фольклористики. Она может быть защищена как докторская диссертация, хотя защита будет нелегкой. В(алерия) И(горевна) идет путем от фольклора к этнографии. Она ищет в фольклоре манифестации фольклорного сознания. Трудности начинаются с «фольклорным сознанием»: или оно едино для всех народов, или о нем можно говорить лишь в каких-то рамках (национальный и пр.). В(алерия) И(горевна) склоняется к первому, представляя славянский материал как часть единого фольклорного сознания. Заслуживает ли В(алерия) И(горевна) упрека в том, что продолжает палеонтологические исследования — науку полувековой давности? Вряд ли. У нас палеонтологическая методика не нашла продолжения. И дело не только в «социалистических установках». Следуя этой методике, можно было доказать все что угодно, если у тебя в руках достаточно фактов. Слишком многое зависит от эрудиции исследователя и его фантазии. Отсюда — безусловные натяжки. Избежала ли этого В(алерия) И(горевна) в своей работе? Не совсем, хотя стремилась обезопасить себя ссылками на Веселовского. В(алерия) И(горевна) хочет показать, каким был ритуал в целом. <...>

Гусев В. Е. <...> Полное убеждение, что книга заслуживает рекомендации к защите в качестве докторской диссертации. Насторожил «поворот» к этнографии, появилось сомнение: не есть ли это этнографическое исследование, где этнографический материал иным задачам подчинен? В работе часто употребляется слово «отражение» или «отголоски». На самом деле речь идет о серьезной переработке этнографических реалий.

² Стоит напомнить, что проблема взаимоотношения этнографии и фольклора занимала многих ученых с начала 1970-х гг., инициатором такого направления был Б. Н. Путилов, но было немало приверженцев и прежнего, литературоцентристского подхода к устному народному творчеству. Так что Валерия Игоревна, встав на путь раскрытия фольклорной культуры с этнографической стороны, оказалась в авангарде тогдашней научной мысли. (За это замечание благодарю А. Ф. Некрылову.)

Это эрудированное фундаментальное исследование. Но главное — концепция. И меня вы убедили, что речь идет не об отдельных обрядах, а о целом цикле. Я бы только внес поправку. Вы говорите, что это «замкнутый цикл». Я бы предложил «цельный цикл», но это «открытая система».

У меня не создалось впечатления, будто В(алерия) И(горевна) пользуется изжившим себя методом прошлого века. Она пользуется несколькими методами: не только палеонтологическим, но и сравнительно-историческим. Перед нами определенная комбинация методов. В сущности, перед нами культурологическое исследование.

Что касается Веселовского, то для В(алерии) И(горевны) это не просто «удобный автор», за которого можно «спрятаться». Она сумела выявить в наследии Веселовского то, что служит выявлению процесса перехода от этнографического к филологическому исследованию (однако цитируемая мысль о пластическом стиле — более глубокая мысль, нежели это представлено в работе. У Веселовского мысль идет о трансформации мифологического сознания в художественно-образное мышление). Некоторые примеры, которые приводятся в книге как примеры мифологических суждений, — на самом деле это уже метафоры, метафорический язык³.

Кроме теоретических проблем, В. И. Еремина изучала историю русской фольклористики: ее интересовали идеи Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, А. А. Шахматова, А. Н. Веселовского, В. Я. Проппа и др. Это были ее незыблемые научные авторитеты, и она выстраивала преемственность их научных взглядов. Для словаря «Русские фольклористы» В. И. Ереминой были написаны обширные биографии и дан анализ трудов А. Н. Веселовского, А. А. Потебни и А. А. Шахматова. В 2018 г. вышла монография «Познание истины: Из истории русской фольклористики XIX—XX вв.» [Еремина 2018], содержащая десять очерков о личностях крупнейших фольклористов и их научном наследии.

Кроме собственно научных исследований, В. И. Еремина занималась подготовкой к публикации уникальных архивных полевых материалов. Соавтором была близкая подруга Валерии Игоревны Валентина Ивановна Жекулина (1931—2012), также сотрудница Отдела народно-поэтического творчества. Вместе они готовили к печати первые объемные тома Свода русского фольклора [Былины Печоры; Былины Пудоги]; неделями, как вспоминала Валерия Игоревна, сидели в архивах, сверяя былинные тексты, записанные «в три руки» несколькими собирателями. Скрупулезно выполняя эту работу, Валерия Игоревна стала текстологом высочайшего уровня, ею написаны несколько важнейших статей о принципах издания фольклорных

³ Протокол № 17 Заседания Отдела народно-поэтического творчества от 11 декабря 1991 г.

текстов. В статье «Практическая текстология былин» говорится, что «идея Свода (...) выдвигает на первый план (...) тщательный анализ текстов, прежде всего ранее опубликованных, с целью максимального их приближения к первоисточнику» [Еремина, Жекулина, с. 54].

Валерия Игоревна и Валентина Ивановна подготовили к изданию крупные сказочные собрания — например, ранее не публиковавшиеся «Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова» [Заветные сказки] в серии «Русская потаенная литература», «Неизданные сказки из собрания Н. Е. Ончукова (тавдинские, шокшозерские и самарские сказки)» [Неизданные сказки]. Позднее В. И. Еремина опубликовала «Фольклорное наследие А. А. Шахматова» [Фольклорное наследие] и «„Северные сказки“ в собрании Н. Е. Ончукова» [Северные сказки].

Валерия Игоревна стала связующим звеном между современностью и старой филологической и фольклористической школами, поколением ее родителей и учителей. Не случайно ее ученицы много говорили о научной преемственности, которую бережно сохраняла Валерия Игоревна. Она была вдумчивым ученым и прекрасным человеком, интеллигентным, оптимистичным и живым.

«Масштаб личности ученого, весомость и значимость его идей объективно и беспристрастно способно определить только время» — так Валерия Игоревна писала в заключении своей книги о великих предшественниках [Еремина 2018, с. 600]. Так теперь можно сказать и о ней самой.

Н. Г. Комелина

Литература

- Былины Печоры — Былины: В 25 т. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1–2: Былины Печоры / Корпус текстов подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова; отв. ред. тома А. А. Горелов. 776 + 784 с. (Свод русского фольклора).
- Былины Пудоги — Былины: В 25 т. СПб.: Наука; М.: Классика, 2013–2016. Т. 16–18, кн. 1, 2: Былины Пудоги / Корпус текстов подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова; отв. ред. тома А. А. Горелов. 1062 + 950 + 1294 + 882 с. (Свод русского фольклора).
- Еремина 1978 — Еремина В. И. Поэтический строй русской народной лирики. Л.: Наука, 1978. 184 с.
- Еремина 1991 — Еремина В. И. Ритуал и фольклор. Л.: Наука, 1991. 206 с.
- Еремина 2018 — Еремина В. И. Познание истины: Из истории русской фольклористики XIX–XX вв. СПб.: Свое изд-во, 2018. 603 с.

- Еремина, Жекулина — *Еремина В. И., Жекулина В. И.* Практическая текстология Былин // *Русский фольклор: Проблемы текстологии фольклора*. Л.: Наука, 1991. Т. 26. С. 54–68.
- Еремина, Семячко — *Еремина В. И., Семячко С. А.* Игорь Петрович Еремин: очерк жизни и научной деятельности // *ТОРДЛ*. СПб.: Наука, 2020. Т. 68. С. 800–826.
- Заветные сказки — Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова / Подгот., вступ. ст. В. И. Жекулиной и В. И. Ереминой; коммент. В. И. Ереминой. М.: Ладомир, 1996. 397 с.
- К юбилею — К юбилею доктора филологических наук В. И. Ереминой // *Русский фольклор: Материалы и исследования*. СПб.: Наука, 2008. Т. 33. С. 515–516.
- Левицкая, Мадлевская, Овчинникова, Эйхенбаум — *Левицкая О. Б., Мадлевская Е. Л., Овчинникова О. В., Эйхенбаум О. А.* Преемственность есть! (К юбилею Валерии Игоревны Ереминой) // *Живая старина*. 2009. № 1. С. 59.
- Неизданные сказки — Неизданные сказки из собрания Н. Е. Ончукова (тавдинские, шокшозерские и самарские сказки). СПб.: Алетейя, 2000. 482 с.
- Овчинникова, Левицкая — *Овчинникова (Сомкина) О., Левицкая (Филановская) О.* Дорогу осилит идущий... // Валерии Игоревне Ереминой. СПб.: [б. и.], 2008. С. 27–32.
- Северные сказки — «Северные сказки» в собрании Н. Е. Ончукова / Подгот. текстов, вступ. ст., коммент., словари В. И. Ереминой. СПб.: Издательский Дом «Мир», 2008. 748 с.
- Фольклорное наследие — Фольклорное наследие А. А. Шахматова / Подгот. текстов, вступ. ст., коммент. В. И. Ереминой. СПб.: Изд-во РХГА, 2005. 799 с.

References

- 'Byliny Pechory' (2001), in: *Byliny*. 25 vols. (Svod russkogo fol'klora). Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. Vol. 1–2. 776 + 784 p.
- 'Byliny Pudogi' (2013–2016), in: *Byliny*. 25 vols. (Svod russkogo fol'klora). Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. Vol. 16–18 (1, 2). 1062 + 950 + 1294 + 882 p.
- Eremina, V. I. (1978). *Poeticheskii stroi russkoi narodnoi liriki*. Leningrad: Nauka, 184 p.
- Eremina, V. I. (1991). *Ritual i fol'klor*. Leningrad: Nauka, 206 p.
- Eremina, V. I. (2018). *Poznanie istiny. Iz istorii russkoi fol'kloristiki XIX–XX vekov*. Saint Petersburg: Svoe izdatel'stvo, 603 p.
- Eremina, V. I., ed. (2005). *Fol'klornoe nasledie A. A. Shakhmatova*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii, 799 p.
- Eremina, V. I., ed. (2008). «*Severnye skazki*» v sobranii N. E. Onchukova. Saint Petersburg: Izdatel'skii Dom «Mir», 748 p.
- Eremina, V. I., Semyachko, S. A. (2020). 'Igor' Petrovich Yeremin: ocherk zhizni i nauchnoi deyatel'nosti', in: *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 67, 800–826.
- Eremina, V. I., Zhekulina, V. I. (1991). 'Prakticheskaya tekstologiya bylin', in: *Russkii fol'klor: Problemy tekstologii fol'klora*. Leningrad: Nauka. Vol. 26, 54–68.
- 'K yubileyu doktora filologicheskikh nauk V. I. Ereminoj' (2008), in: *Russkii fol'klor: Materialy i issledovaniya*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 33, 515–516.
- Levitskaya, O. B., Madlevskaya, E. L., Ovchinnikova, O. V., Eikhnenbaum, O. A. (2009). 'Preemstvennost' est'! (K yubileyu Valerii Igorevny Ereminoj)', *Zhivaya starina*, 1, 59.

- Ovchinnikova (Somkina), O., Levitskaya (Filanovskaya), O. (2008). 'Dorogu osilit idushchii...,' in: *Valerii Igorevne Ereminoi*. Saint Petersburg: [s. n.], 27–32.
- Zhekulina, V. I., Eremina, V. I., eds. (1996). *Zavetnye skazki iz sobraniya N. E. Onchukova*. Moscow: Ladomir, 397 p.
- Zhekulina, V. I., Eremina, V. I., eds. (2000). *Neizdannye skazki iz sobraniya N. E. Onchukova (tvdinskie, shokshozerskie i samarskie skazki)*. Saint Petersburg: Aleteiya, 482 p.

Список сокращений

БАН	— Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ВКЛ	— Великое княжество Литовское
ГИМ	— Государственный исторический музей (Москва)
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова (ныне СПбГУ)
НЛО	— Новое литературное обозрение
ПВЛ	— Повесть временных лет
ПЛДР	— Памятники литературы Древней Руси
ПсковГУ	— Псковский государственный университет
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ПСТГУ	— Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)
РГБ	— Российская государственная библиотека (Москва)
РГПУ	— Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина
РНБ	— Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
РО ИРЛИ	— Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург)
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы

Наши авторы

- Вожик Екатерина Игоревна** — аспирант и младший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). e.vozhik@yandex.ru
- Доронин Андрей Владимирович** — канд. ист. наук, научный сотрудник Фонда Макса Вебера (Бонн). andrej.doronin@mws-osteuras.de
- Дубровский Игорь Владимирович** — научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва). doubrovski@list.ru
- Комелина Наталья Геннадьевна** — канд. филол. наук, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). komlmg@mail.ru
- Лебедева Анна Александровна** — аспирант ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). anna.lebedeva2102@gmail.com
- Лобакова Ирина Анатольевна** — канд. филол. наук, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). irinairli@mail.ru
- Семячко Светлана Алексеевна** — д-р филол. наук, зав. Отделом древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). svetlanasm08@mail.ru
- Тубылевич Руслана Евгеньевна** — младший научный сотрудник НИЛ «Филологические исследования духовной культуры Севера», СГУ им. Питирима Сорокина (Сыктывкар). tubylevich.ruslana.sempai@yandex.ru

Authors

Andrej V. Doronin

Max Weber Stiftung
Bonn, Germany

Igor V. Dubrovski

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Natalia G. Komelina

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Anna A. Lebedeva

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Irina A. Lobakova

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Svetlana A. Semiachko

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Ruslana E. Tubylevich

Sorokin Syktyvkar State University
Syktyvkar, Russia

Ekaterina I. Vozhik

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Телефон (812) 328-19-01
e-mail: irliran@mail.ru

Журнал зарегистрирован Министерством печати и информации
Российской Федерации
Регистрационный номер ПИ № ФС77-77800 от 31 января 2020 г.
Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

Издательство «Пушкинский Дом»
199106 Санкт-Петербург, Средний пр., д. 86

Редактор А. С. Лобанова
Редактор английского текста А. А. Димьяненко
Технический редактор А. В. Осокин
Корректор А. С. Кручинина

16+

Цена свободная

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс ВНО18606 по каталогу агентства «Урал-пресс»

Подписано в печать 25.03.2024. Вышло из печати 31.03.2024
Формат 70 × 100 1/16. Гарнитура Литературная. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 12,15. Тираж 100 экз. Тип. зак. № 0000

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Арт-Экспресс»
Санкт-Петербург, Уральская ул., д. 17, корп. 4.